АНТОЛОГИЯ УЖАСОВ

ДМИТРИЙ ЧЕПИКОВ

ДЕРЕВЕНСКИЕ УЖАСЫ 1

Деревенские ужасы
Дмитрий Чепиков

Аннотация
Дмитрий Чепиков. Деревенские ужасы
Сеновик
Щенячий угол
Деревня Гостищево
Наследство от бабушки
В сарае
Шухари
Наказание с того света
Серёгина любовь
Русалка
Сказка про мужика и беса
Призраки Чернявского озера
Дом на окраине
Картина
Под тёмной водой
Фотографии на чердаке
Могильник
Свинья
Ползуны
Колокольчик
Пугало

Деревня оборотней
Безмолвие
Бесы

Аннотация

Страх. Вечный спутник человека от зари времён до сегодняшнего дня. Формы страха неисчислимы, но его суть заключается в одном. Люди боятся того, что находится за гранью их понимания.

Дмитрий Чепиков
Деревенские ужасы

Сеновик

— Чего разлегся, студент? — взбодрил меня окриком рассерженный дед.

— Деда, да я час уже косой машу! Дай полежать минут двадцать! — взмолился я, растянувшись на пряно пахнущей копне скошенной несколько дней назад травы. С непривычки у меня болело всё, каждая мышца гудела и ныла. Мой строгий дед, Иван Никитович, поднял меня едва рассвело и потащил косить траву на нашу делянку на раскинувшемся на многие квадратные километры заброшенном поле. Нужно было скосить как можно больше, пока не навалилась дневная жара, то есть у нас в запасе было часа два-три, не больше.

— Плёвое дело, чего там косой размахивать, — думал я вчера вечером, приехав в гости к маминым родителям. К тому времени я уже пару лет занимался в универе футболом, бегал кроссы и вообще считал себя крепким парнем.

На практике оказалось, что за неутомимым жилистым дедом я ни черта не поспеваю и моя эффективность в качестве сенокосца оставляет желать лучшего.

— Поднимайся, — строго повторил дед. — Нельзя во время покоса и когда работают другие без дела лежать в поле. Не то сеновик тебя приметит и всё, в деревне тебе жизни больше не будет, в прямом смысле этого слова.

— Убьёт что ли? — рассмеялся я, поднимаясь на ноги и снова взявшись за уже натёршую мне волдыри косу.

— А ты не смейся. Они, сеновики, как раз в наших курских краях и водились издревле. Полевики еще были, но те сгинули, техника их разогнала, гербициды и прочие удобрения им бытие отравили. Они и ушли, а сеновики остались, хоть и совсем мало их стало. Злее только эта нечисть пошла, не дай бог лентяю уснуть или хоть с полчасика полежать в поле или на лугах, когда рядом с нерадивым работником люди вкалывают, — дед тоже бросил работу и, опёршись на косу, разглагольствовал, прикурив «Приму» без фильтра.

— А почём ты знаешь, что они остались? Может быть, тоже с этими, как их, полевиками, удрали? — поддержал я байку деда, обрадованный хотя бы коротким перерывом в изнурительной работе. — И вообще, чем сеновики от полевиков отличаются? И то, и другое ведь нечисть, кото-

рая в полях и лугах водится согласно местным басням.

— Ну садись, расскажу, — дед опустился на копну, отложил косу и достал из холщового рюкзачка термос с чаем. — Во-первых, полевик только на больших полях и лугах водится, и больше поозоровать склонен, разыграть, животный или человеческий облик принять. Почти никогда не убивает, если только его не вынудить преследованием. А сеновик, почитай, его младший злобный братец, ему физический вред человеку нанести только в радость. Он ни облик чей-то принять не может, ни поговорить ни с кем, только шипит, как шелест травы на ветру. Редко когда вразумительное слово выдаст. А по виду сеновик бывает как плотный, чёрный туман, небольшой стог высохшей травы или в лучшем случае в виде набитого соломой похожего на человека существа, хотя поговаривали и о зверином виде. Сила в нём чудовищная. Вот в этом виде он самый опасный, приходит по ночам к нарушителю его закона и всё, амба.

— Сожрёт? — спросил я у деда, прихлебывая чай из кружки-крышки термоса.

— Нет, ему мясная пища ни к чему. Он по-другому убивает, — дед нахмурился, явно что-то

припоминая.

— И как же? Ты хоть одного человека знаешь, которого такая сказочная нечисть прикончила? — начал я выводить деда на чистую воду.

— Лично не знаю таких, — не стал упираться дед. — Но мой кореш, Федька из Масловки, рассказывал, что местного парторга сеновик прикончил, как раз перед тем как Советский Союз самоубился. Егоров Николай звали мужика, отчество не помню. Согнал он колхозников по указке председателя выкосить масловский луг подчистую, а сам с похмелья завалился спать прямо там же. Храпел, как трактор, пока мужики работали. До самой жары проспал. А потом, когда народ работу почти закончил, вскочил как ужаленный, да как заорет: «Темно, не вижу! Ничего не вижу! Больно! Колет! Уйди!»

Бегает кругами, словно курица с отрубленной башкой, вопит, а мужики хохочут, за животы держатся. Допился, мол, зловредный парторг до белочки.

В общем, обессилел Егоров и рухнул на траву. Колхозники его, несвязно лепечущего, домой принесли, жене сдали.

Казалось бы всё. Ан нет. Вышел следующей ночью парторг по нужде во двор, но до самого утра

не вернулся. А утром истеричный, пронзительный крик его жены поднял половину Масловки. Нашла она муженька в зарослях крапивы, подле туалета. Да в каком виде!

Из спортивок и из-под майки солома торчит, пробив ткань, голова запрокинута. Изо рта пук сухой травы вывален, из носа, из глаз, из ушей также. Всё кровищей забрызгано вокруг. От шока женщина чувств лишилась и в себя уже пришла, когда труп скорая забрала, а по двору важно расхаживал участковый вкупе с кем-то из следователей, споря о чём-то. Дело конечно завели, искали каких-то несуществующих бандитов, на вдову недобро косились, ибо поколачивал по пьяни её парторг бывало. Ничего и никого не нашли, так дело и заглохло. Вот оно как было, внучек… — закончил свою историю дед.

— Ох и горазд ты байки травить, дедуль. Больше тридцати лет, получается, прошло с того момента, и никак уже не проверить, — я улыбался во весь рот, но от спокойного повествования деда меня прямо-таки мороз продрал. Я на психолога учусь, нам лекции читали преподы по методикам определения врет ли тебе человек или нет. По всем признакам дед не врал, либо… Либо делал это крайне умело.

— Ну, хочешь, байкой считай, — дед спрятал в рюкзак опустевший термос. — Только теперь ты правила знаешь. Пойдем работать, а то ещё час, и припечёт.

Не знаю, то ли подействовал на меня рассказ моего пожилого родственника, то ли передышка и распитие бодрящего чая придали мне сил, но работал я до самой жары не хуже деда, оставляя позади себя длинные ряды свежескошенного травостоя. И ещё я готов поклясться, что когда мы уходили с поля, самым уголком зрения на дальнем конце нашей делянки я приметил лёгкую чёрную дымку. Она закрутилась в замысловатую спираль, задрожала и растворилась в полуденном дневном мареве. Деду я про это ничего не сказал.

Домой мы вернулись к десяти утра, где нас сразу усадила за стол моя любимая бабуля. Перекусив тончайшими вкусными блинами с земляничным вареньем, я отправился досыпать положенное время, поскольку подняться в такую рань для меня было равносильно подвигу. Но перед этим бабушка поинтересовалась, с чего это я так бледен и кормят ли меня вообще в городе мать с отцом. На что я отшутился и сказал, что румянец в лице потерял от того, что дед меня пугал местной байкой — сеновиком.

Я ожидал, что добрейшая и всегда позитивная баба Таня посмеётся вместе со мной над дедовой сказкой, но она лишь нахмурилась и, плеснув мне компота в кружку, выдала что-то вроде «слушай, что дед говорит» и ушла управляться по хозяйству во двор. Так я и отправился досыпать со смешанным чувством своей правоты в нереальности деревенских баек и весьма впечатляющим образом описанной мне нечисти.

— Сговорились они всё-таки меня разыграть, — растянувшись на удобной кровати, решил я, закрывая глаза и впадая в дрёму.

Проспал я почти до самого вечера, поскольку предыдущая неделя выдалась нелегкой, а приятный, свежий деревенский воздух совсем расслабил меня. Где-то под окном лениво брехал Тузик, скорее для проформы, чем ввиду опёршегося на забор и болтающего с дедом соседа. Через открытую форточку до меня доносились фразы собеседников.

— Слыхал, Ерёмку утащил, поганец? Да Манькиного же, из Масловки. На заречное поле приехал с Петровичем на тракторе собирать сено. Ну Петрович пока сгребал, тот всё пивко потягивал да посмеивался, мол, плевал я на работу, моё дело привезти-отвезти, как договаривались. Короче,

справились кое-как, сено отвёз и на станцию поехал. Но не прибыл туда. Трактор нашли к ночи, а водителя — нет. Ищут третий день. Вчерась даже вызвали водолазов, те шарили в пруду. Нету. Манька истерит, на мужиков с кулаками бросается, требует признаться, у кого из дружков супруг запил. А все только руками разводят. Дай закурить, — раздавался сиплый голос соседа, бывшего зоотехника Николая Александровича.

— Держи, закуривай, — послышался голос деда. — И что думаешь, найдут?

— Найти, наверное, найдут, но живым вряд ли, — мрачный голос соседа прервался покашливанием. — Нашу же малахольную Варвару с того лета так и не нашли.

— Так она с головой совсем не дружила, из дому и просто могла уйти куда глаза глядят, — возразил ему дед. — А вообще ты прав, людей за последние годы сколько окрест пропало. Сеновик-то трупы в конце концов в кучки травы обращает, только шмотьё с обувью и остаётся, а соки все из костей и плоти вытягивает.

— Ага, ага. Поди знай сколько он угробил, а уж в девяностых там было вообще чёрт ногу сломит, кого нечисть адская прибрала, а кого людская. Эх, молодежь бы ещё нас слушала, а то ж в свои

сморфоны уткнутся и живут там.

Услышав последнюю фразу соседа, я, не выдержав, хрюкнул от давящего меня смеха. Теперь мне уж точно стало очевидно, что дед с бабулей решили меня разыграть и так расстарались, что даже соседа подключили к своей афере. Потому как сетования на «сморфоны» и «молодёжь» я уже слышал от них неоднократно. И разговаривали нарочито громко под моим окном, чтобы я точно услышал. Ну ничего, старички, выведу я всю вашу пенсионную актёрскую группу на чистую воду, не посрамлю «молодёжь», так сказать.

Голоса за окном стихли, а в моей голове тут же созрел коварный план с непременными доказательствами. Он был незамысловат: завтра мы также должны были отправиться с дедом докашивать делянку, но я прикинусь приболевшим, останусь дома, закроюсь в комнате. А сам отправлюсь вслед и, пока дед косить будет, высплюсь в траве, а телефон на видеозапись поставлю на подставку. На час ёмкости памяти на запись хватит. Пройдет пару дней, со мной, разумеется, ничего не случится, и я предъявлю им опровержение их выдуманной байки и потребую компенсацию в виде поездки на рыбалку. Моральной победы будет достаточно. Главное, не спалиться, не начать

ржать и вовсю делать вид, что я верю их игре.

Больной вид я начал изображать с вечера. Сказал родственничкам, что то ли ветром продуло, то ли солнышком напекло, в общем, работать завтра с утра никак не возможно, надо денёк отваляться. Бабушка охала и бегала вокруг меня, пытаясь накормить пирожками и видавшими виды жёлтыми таблетками неясного происхождения. Пирожки я благосклонно принял, а от универсальной фармацевтики благоразумно отказался, выпросив для себя малинового чая на ночь. Для полноты картины выспрашивал у деда про сеновика и прочие местные легенды. Дед охотно делился ценной информацией с приболевшим внучком, даже расписал, как сеновика при случае извести можно, мол, ещё его дед, то бишь мой прапрадед говорил, что эта нечисть огня боится, а на всё остальное ей поплевать.

Наконец, наступила ночь, и я отправился в выделенную мне гостевую комнату, попросив бабулю завтра не беспокоить меня как минимум до обеда.

Полночи я таращился в телефон, пролистывая новостные ленты и читая всякую чушь. В планах было поспать всего пару часов, чтобы быть невыспавшимся и утром быстро уснуть под

видеозапись. Эта часть подготовки прошла как по накатанной.

Проснулся я от вибрации будильника. Из моей комнаты было слышно, как гремит на кухне чайником и кружками дед, как он шуршит, собираясь на покос.

Я выждал, пока он уйдет, а бабушка снова уляжется. Потом оделся и, прихватив свёрнутое покрывало, телефон и держатель к нему, выбрался через окно во двор. Можно было проскользнуть и в дверь, но та порой выдавала предательский скрип, а права на ошибку я не имел. Швырнул Тузику запасённый с вечера пирожок с мясом, чтобы тот радостно не залаял при виде меня, и двинулся в сторону брошенных полей.

Деда, размашисто взмахивающего косой, я заметил издалека. Он был один на делянке. Других косарей не было. Иван Никитович что-то громко распевал, и подобраться поближе не было никаких проблем. Но я решил перестраховаться и залёг в траву в полусотне шагов от деда в противоположную сторону от его покоса. Можно было не боятся, что дед докосит до меня и чикнет спящего лезвием инструмента. Поудобнее устроившись на расстеленном покрывале и установив смартфон на держатель, я подумал, что идея-то

в общем для второкурсника госуниверситета вполне идиотская. Но отступать было некуда, и я, выдав полушёпотом дату, время и причину записи, установил таймер на час. Затем нажал на кнопку «Rec.», закрыл глаза и расслабился.

Это не было сном в полном его понимании. Просто провал в бездну прошлого и демонстрация мне самых неприятных моментов из его глубин. Каждый такой из них приправлялся присутствием невиданных, шипастых и клыкастых тварей, не имеющих ничего общего с нашим привычным миром. Я пытался выбраться из калейдоскопа кошмаров, но меня швыряло от образа к образу и не давало сообразить, что очередная картинка всего лишь жуткий сон.

Я проснулся по таймеру: дрожащий от утренней прохлады. Зудело левое предплечье, почесав его, я обнаружил красноватый след от комариного укуса. Приподнялся на локте, высунул голову из высокой, в полметра, травы. Фигурка деда взмахивала косой в добрых полтораста метров от меня.

Дело сделано, можно собирать манатки и валить потихоньку домой. Словно разведчик в тылу врага, я прокрался краем поля, потом огородами и наконец грунтовкой, подходящей как раз к

нужному дому. Вошёл теперь по-человечески, через двери; если бабуля зашевелится у себя и выйдет — скажу, что выходил в туалет, а покрывало зашвырну до её появления в комнату.

Она не проснулась, и я быстренько прошмыгнул к себе, улёгся и решил проверить результаты своих трудов. Включил телефон и активировал запись со спящим мной. Последняя проверка блестяще проведённой секретной операции.

Суеверные люди говорят, что нельзя ни фотографировать, ни снимать спящих людей. Ссылаются на плохие приметы, плохие последствия для сна, и вообще спящий человек, принявший удобную для себя позу, выглядит непрезентабельно. Ещё и слюни пускает, открывает рот, храпит. Всё это фигня — теперь я знаю ещё одну причину.

Когда я нажал на кнопку воспроизведения видео, я не ожидал ничего увидеть кроме собственной дрыхнущей физиономии и колышущейся от легкого ветерка люцерны, попавшей в кадр. Однако я увидел и кое-что ещё…

Я потыкал в линейку прокрутки часовой записи с интервалом минут в пять. Первые три сегмента — ничего необычного, а на четвёртом мне одновременно захотелось заматериться, заорать и забиться под одеяло.

На экране смартфона в момент видео «19:42» я увидел следующее: моя непутевая башка, плечо, рука примерно по локоть. Я вздрагиваю во сне, бьётся тоненькая венка на шее. У телефона хорошая камера, видно чуть ли не поры на коже. Затем сочная зелёная трава неожиданно становится серой, пронизывается чёрными, с серебристыми искорками дымными спиральками, которые опутывают стебли, приближаются ко мне, осторожно трогают дрожащими кончиками спящее тело, оплетают его. Дым за моим плечом уплотняется, сгущается до непроницаемой черноты и в нём…

В нём появляется отвратительная морда, одновременно похожая и на обезьянью, и на человечью. Выдвинутая вперёд непропорциональная мощная челюсть с жёлтыми клыками, приподнявшими чёрные полоски тонких ухмыляющихся губ, отблёскивающие красным демоническим светом похожие на рыбьи глаза — вся эта картина вогнала меня в ступор, а действо на экране телефона продолжалось. Тварь придвинулась к спящему, коснулась когтистой лапой моего предплечья, принюхалась, раздувая широкие ноздри. При её касании от моего безмятежного тела к сеновику потянулась тоненькая,

светящаяся белым, дрожащая нить и оборвалась. Монстр ощерился ещё больше и отступил в высокий травяной ковёр, окружавший его чёрный туман поблек и рассеялся, унося с собой жуткий образ нечисти. Всё заняло не больше пары минут.

Пребывая в состоянии, близком к панике, я, надеясь, что мне всё почудилось, ещё раз просмотрел странный отрывок записи. К сожалению, содержимое не изменилось. Я погасил экран и уставился в потолок, пробуя осознать случившееся. Снова зачесалась рука. Взглянув на неё, я зафиксировал, что на месте «укуса», имевшего вид багрового волдыря, вокруг этой самой шишечки появилась желтоватая каёмка.

«Метка, — с ужасом подумалось мне, когда память услужливо подсунула аналогию из пиратских фильмов. — Эта гадина меня пометила, а не прикончила на месте потому, что решила нагнать на меня страха. Да и, по рассказам деда, сеновик не убивает при свидетелях, лишь может поиздеваться».

Дед. Может, всё рассказать деду? И что дальше? Он по-любому поделится с бабулей, от неё у него никаких тайн. Меня отправят навсегда подальше отсюда, а бабуля будет глотать корвалол. Сердце у

неё и без подобных фокусов слабое. Не выдержит — её смерть будет на моей совести, плюс влетит за мои дурацкие эксперименты на поле. Да и кто знает, может, оставив метку, нечисть найдёт меня где угодно и в удобное для себя время. Дело дрянь, надо решать вопрос самому, раз сам кашу и заварил, в конце концов, мне уже девятнадцать, не пацан уже.

Я продолжал размышлять, натянув тонкое одеяло до самого подбородка. Чего там дед говорил? Оно огня боится, нападает без свидетелей? Ну значит я сам выберу место, выпрусь сегодня ночью во двор, спровоцирую на атаку. А огонь — вон у деда есть газовый баллончик, которым он заправляет зажигалку, подаренную на юбилей батей. Надеюсь, хватит.

Пролежал, раздумывая, минут сорок. Снова зачесалась ранка, и я выбрался с кровати, подошел к трельяжу, взял пузырек с йодом из ящика с аптечкой, капнул на ватную палочку, потыкал в больное место. Зазудело ещё сильней. Оторвал кусок бинта и присобачил крест-накрест пластырем, поплёлся на кухню завтракать.

Пока бабуля суетилась вокруг непутевого внучка, пичкая его тушеной картошкой с мясом и салатом, вернулся дед.

— Ты где это успел? — с подозрением посмотрев на меня, он ткнул пальцем в коричневатую от проступившего и уже подсохшего йода повязку на моей руке.

— Ночью, жарко было, фрамугу приоткрыл, комары видать залетели — отбрехался я.

— Так там же москитная сетка, — продолжал допытывать дед. Ему бы следователем быть.

— Ну просочились как-то, — я упорно держал оборону, чувствуя, как меня начинает прихватывать легкий озноб. Этого только не хватало.

— Да что ты к нему пристал, пусть поест спокойно, — вступилась бабуля. — Иди мой руки и ешь, да поспи. Тебе ещё сегодня в ночное с соседом, забыл, что ли?

— Помню, — проворчал дед недовольно. Видно, на вечер у него уже были другие планы. Что ж, его отсутствие облегчает мне ночную задачу, поскольку бабуля ложится рано и спит так крепко, хоть из пушки стреляй над ухом. Глуховата уже.

— Спасибо, ба, — поблагодарил я за завтрак и выскользнул из-за стола. — Я к Федьке и на речку, если вам не нужно ничего днём помочь.

— Иди, не надо сегодня ничего, — махнула бабушка рукой.

День прошёл большей частью на речке в

компании друзей, а затем, ближе к вечеру, в приготовлениях к задуманному. Я потихоньку стащил у деда баллончик, а зажигалка у меня была своя, хотя я и не курил.

— Главное, успеть воспользоваться, — мелькнула в голове холодная мысль. В том, что монстр обязательно появится сегодня ночью, я почему-то не сомневался.

Смеркалось. Дед, набив рюкзачок всем необходимым, ушёл к соседу, обещав бабуле не выпивать с ним. Врёт, конечно, бутылочку ноль пять они обязательно раздавят под хорошую закуску. Настенные часы с ходиками показывали начало двенадцатого. Чем ближе к опасному моменту, тем больше меня пробирал мандраж. План был откровенно шит белыми нитками, но не глупее предыдущего, если подумать. Поразмыслив, нацепил на себя крестик, который меня упорно пыталась заставить носить бабуля.

— Плюс пять к морали! — нервно усмехнулся я. Полежал, пока бабуля не включила дворовой фонарь, который светил максимум на пару метров вокруг себя, и ушла спать. Ну всё, пора на подвиг!

Во дворе было свежо. Прохладный ночной ветерок шелестел в аккуратно подстриженных

бабушкой кустах малины. Тузика не было слышно, очевидно, спал без задних лап в своей будке. Луна светила не хуже нашего фонаря, заливая двор мягким серебристым светом и придавая всему, что я видел, обманчивые очертания. На почти чистом от ночных облаков небе, лишь кое-где плыли тонкие полосы белёсой пелены. Где-то в конце улицы забрехала собака, ей вторила ещё одна. Тузик, обычно поддерживающий общий лающий хор, всё также помалкивал, что было странно. Ну да ладно. Двигаемся дальше.

Я мягко ступал, озираясь, в дальнюю сторону двора, где находился деревянный кабинет для раздумий о смысле жизни, то бишь туалет. Газовый баллончик держал наготове в одной руке, зажигалку до боли сжимал в ладони другой.

Повторю, я на сто процентов, шестым чувством, был уверен, что нежданный гость непременно пожалует. Он или оно не будет долго ждать удобного случая, а пожелает как можно скорее наказать меня. Почему? Да потому что я сам пошел осознанно на конфликт с нечистью, пытаясь высмеять и доказать, что ничего подобного в мире не бывает, а так — смех один и сказки. Такой сумбурный комок мыслей засел в моей голове.

Ну и следует признаться, что мне, конечно,

было страшно. Только я из той породы людей, у которой страх прослыть трусом и глупцом выше любой другой тревоги. Вот почему я неспешно топал по ночному двору, вооруженный не пойми чем против смертельно опасного сеновика из старых легенд. Надеюсь, мой дед не ошибся в описании способа воздействия на данную нечисть, а не то… Мысли о том, что будет в случае «а не то» я гнал от себя к чертовой матери. Возможно, той самой матери всего потустороннего. Интересно она у них одна, мать-то? И вообще, бывают детёныши нечисти?

Пока размышлял о родственных связях в мире сверхъестественных вещей, я миновал половину пути от крыльца до туалета. Собирался дойти туда и вернуться обратно. Если ничего не произойдет, то повторить забег.

Но не пришлось. Лопнула с хрустом накалённая лампочка дворового фонаря, тут же лунный свет стал более тусклым и серым, а лёгкий ветерок усилился до приличного сквозняка, буквально забравшегося мне под одежду и мгновенно выхолодившего всю мою решимость. Я попятился назад к крыльцу и заметил, что под ногами стало совсем черным-черно. То есть до колен я вижу собственные ноги, а ниже — как будто провалил-

ся в текстуры. Только физически ощущаю, что ноги у меня есть и я могу передвигаться. Правда, начинаю уставать, ноги мгновенно наливаются свинцовой тяжестью и каждый шаг даётся мне всё труднее.

Когда чернота заклубилась мерцая знакомыми искорками и дошла мне до пояса, а до спасительного крыльца оставалось метров десять, я сообразил, что мне туда ни за что не дойти, потому что ноги меня совсем перестали слушаться. Ну всё, сейчас эта пакость, избрав такой нечестный способ борьбы, поглотит меня полностью, а наутро мои бедные родственники обнаружат мой раздувшийся от набитой изнутри травы труп. Я завопил, призывая на помощь.

Точнее, я пытался это сделать. Только вместо зычного «Помогите!», вышло едва слышимое, хриплое «Помохи».

— Гадина, ну покажись хоть. Победил же… — прохрипел я, наполняясь уже не страхом, а какой-то отчаянной злостью и обречённой решимостью.

И он показался. Вязкая, чёрная пелена, заколебавшись, опустилась почти до моих онемевших щиколоток и вновь собралась, сгустившись в тёмную, антропоморфную фигуру в нескольких

шагах от меня и отсекая дорогу к дому. Сгорбившийся силуэт был на полметра выше меня и раза в два определённо шире. Могучие верхние конечности свисали ниже колен. Торжествующе блеснули жуткие багровые пятаки демонических глаз. Монстр затрясся и захрюкал, давясь подобием человеческого смеха, а потом шагнул ко мне, нависнув над, как он считал, потерявшей волю к сопротивлению жертвой.

Вот только тут нечисть просчиталась. Мне только и нужно было, чтобы сеновик обрёл вместо эфемерной и неосязаемой вполне себе материальную форму. Дальше я действовал как робот и, ни секунды не колеблясь, чиркнул зажигалкой, поднесённой к выставленному вперёд импровизированному огнемёту. Жёлто-оранжевый сноп пламени полыхнул прямо в оскалившую клыки харю, впился в потёкшие красными слезами глаза. Ослеплённое чудовище вмиг оказалось охваченным пламенем. Как же оно ревело!

Вы слышали хоть раз, как оглушительно ревёт семенной бык на ферме? Вот, примерно так, только раз в десять громче. Я едва не оглох от вопля погибавшего на моих глазах существа, но теперь была моя очередь торжествовать.

Правда, как оказалось, тоже рановато. Сго-

рающая и уменьшающаяся в размерах тварь в последнем усилии приложила меня лапой, будто заправский боксёр, и я, словно пушинка, улетел в шиферный забор, сминая по пути малиновые кусты. Там я и отрубился, так и не успев оценить финал нашей эпической битвы.

В себя я пришёл утром, на своей постели. Возле меня суетилась и щебетала бабушка: она потрогала мой лоб, поменяла повязку на раненой щеке. Рану обработала чем-то жгучим, заставила выпить кружку тёплого компота и вышла из комнаты. Дед сидел в кресле напротив кровати и многозначительно пялился на меня.

— Ну что, навоевался с дьяволом, внук? — поинтересовался он с мрачноватой усмешкой, когда мы остались одни.

— Угу, — препираться не было смысла.

— Ремня бы тебе дать, да тебе и так досталось. Таня, после того как шум во дворе услышала, сразу из дома выскочила. Глядит, ты распластался у забора, а возле малины пламя полыхает. Осело быстро, правда, тушить не пришлось. Позвала соседку, затащили тебя в комнату. Хотела тебе скорую вызвать, да ты очнулся и сказал, что не надо. Потом, уже в доме, сказал, что спать будешь. Сотрясение мозга, наверное, щеку вон распорол.

Заживёт, конечно, но шрам останется. Ну и врачу в городе покажись, — сказал Иван Никитович, почесывая подбородок. — И как тебе подобная дурь в голову-то втемяшилась, на сеновика в одиночку? Некоторые раньше пытались, только он им шанса не давал.

— Я сыграл на его гордыни, деда. Так он сдох? — я сел на кровати и чуть не рухнул обратно. Перед глазами всё плыло. Осторожно лёг обратно.

— Сгорел как спичка, круг на том месте выжег до земли, — подтвердил дед задумчиво. — Только ты помалкивай о том, что произошло. Это в прежние времена тебе героем бы ходить, а нынче загремишь в заведение, где людей в смирительные рубашки пеленают после таких откровений. Усёк?

— Усёк, — согласился я.

— Ну ладно, я пошел, дела у меня, — он поднялся и добавил уходя. — Про щёку отцу с матерью скажи, что с велосипеда упал.

С дедом я не спорил.

Провалявшись полдня в кровати, я почувствовал себя отлично и уже к вечеру отправился с деревенскими друзьями на рыбалку. Метка на руке пропала к следующему утру. А в конце недели я укатил к себе в город. В привычную суетную

жизнь.

****

Такова была моя единственная в жизни встреча с настоящей нечистью, оставившая мне на память заметный шрам на левой щеке, неизгладимые впечатления и ролик в моём смартфоне.

Я много раз хотел удалить эту запись из файлов, ещё чаще думал её опубликовать или предоставить «куда следует», но не решился ни на то, ни на другое. Пускай это будет мой личный секрет. Ну и деда с бабулей, конечно.

А в деревне я ещё много раз бывал и в поля с дедом работать ходил. Только во время того, как дед работал на сенокосе, больше, разумеется, не спал. Бережённого Бог бережет, или собственный разум. Кому как удобнее…

Щенячий угол

В деревню Щенячий угол студентов кафедры этнографии отправили в последний момент. Руководитель практики застряла на больничном, и двоим парням — Денису Редькину и Василию Савелову — предполагалось зачесть практику автоматом и отправить на летние каникулы. Как и остальной группе.

Однако Таисия Петровна появилась в пятницу после обеда и заявила студентам, что грядёт проверка и надо показать хороший результат. Большинству предстояло неделю возиться с документами в архиве, но поскольку Денис и Вася были её дипломниками, то от поездки в самую глухомань области им было не отвертеться. Тем более эта поездка давала им возможность получить как минимум одну главу диплома из трёх.

Ребятам выдали командировочные, номер телефона старого знакомого Таисии, у которого они должны были разместиться, и напутствие не заглядываться на местных девчонок, а выполнять свою задачу.

За своих четверокурсников Таисия Петровна не

волновалась: парни ответственные, по двадцать лет уже, крепкие и неглупые. Да и встретить их должен был местный учитель истории, Фёдор Фёдорович, и водить гостей по нужным людям и местам он был готов едва ли не за руку. Материал ребятам предстояло собрать интересный, о чём говорило само название, на деле вовсе не связанное с милыми пёсиками, дрожащими в углу. Верховодил в этой паре друзей Василий. Лидерских качеств парню было не занимать, недаром он уже третий год был старостой группы.

В понедельник утром Вася и Денис загрузили рюкзаки в новенький рейсовый автобус и отправились в назначенное место. Трёхчасовая поездка была комфортной: кондиционер обдувал салон с немногочисленными пассажирами прохладой, на мониторе, расположенном под удобным для просмотра углом, мелькал какой-то комединый сериал. За окнами сменяли друг друга бесконечные зелёные поля, то и дело перемежающиеся курчавыми волнами лесополос, а по бирюзовому небу плыли редкие невесомые облачка. Благодать, да и только. У парней было отличное настроение, они всю дорогу болтали без умолку.

К остановке на повороте с основной трассы на Щенячий угол прибыли точно по графику. Оди-

нокую мужскую фигурку, возле припаркованного на обочине мотоцикла с коляской, студенты заметили издалека.

— Надеюсь, мужик нормальный, не будет против пивка вечером и общения с местной женской фауной, — поделился Вася предположением с другом. Денис многозначительно хмыкнул, мол, ничего, если что, договоримся.

Выгрузившись из автобуса, они обменялись с седовласым мужчиной, назвавшимся Фёдором Фёдоровичем, крепким рукопожатием. Объёмные рюкзаки едва втиснулись в коляску, Василий уселся позади учителя, а Денис взгромоздился на рюкзак, наполовину впихнутый на пассажирское место, и уцепился за ручку.

— Помчали! — весело крикнул Фёдор Фёдорович, дёрнув заводную ножку. «Урал» мягко затарахтел и покатился по узкой асфальтной полосе, теряющейся в кустарнике в паре сотен метров от трассы.

В Щенячий угол прикатили через сорок минут езды, проделав путь по постепенно исчезающему асфальту, плавно перешедшему в грунтовку. Остановились у аккуратного домика в начале единственной улицы в деревне. Гостеприимный хозяин показал ребятам их комнату, тахту и од-

носпальную кровать, затем сразу усадил их за стол. При этом не забывал засыпать студентов вопросами про институт, в котором он когда-то учился вместе с Таисией. На клетчатой скатерти тут же появились запечённая в духовке курица с румяной корочкой, варёная картошка, усыпанная зеленью, ломтики ржаного хлеба и смородиновый компот. Засуетившись, хозяин метнулся в чулан и принёс оттуда пузатую бутыль с розовой жидкостью.

— Домашнее вино. Немного, думаю можно, — пояснил учитель, плеснув напиток ребятам в небольшие бокалы.

— О, круто, спасибо! — повеселел Денис. Вася тоже заулыбался.

— Ну, за встречу и научный процесс! — Фёдор Фёдорович налил себе и приподнял бокал. — Завтра пойдём к особняку и по знающим людям. Мы вам тут материала на весь диплом соберём!

Собравшиеся выпили, перекусили. Прохладный алкоголь приятно освежал и даже совсем не дурманил, как казалось ребятам. Они почувствовали себя свободнее и уже сами начали задавать вопросы мужчине.

— А почему название такое смешное у вашей деревни? Собак что-ли разводите? — поинтере-

совался Вася.

— Раньше разводили. Во второй четверти девятнадцатого века этим занималась помещица Чернышова Софья Степановна, вместе с управляющим Енцовым Николой, — наливая ещё по одной и убирая со стола бутылку, поведал Фёдор Фёдорович. — В её усадьбу пойдем завтра, посетим то, что от неё осталось. Состояние печальное, реставрацию трижды начинали за последние тридцать лет, но как-то не задалось. Ну, а потом прогуляемся по старикам, которые помнят и хранят истории своих предков, бывших крепостными у проклятой помещицы.

— Проклятой? — воскликнул заинтересованный Денис. — Правда, что ли? Мы в Интернете кое-что нарыли, только подумали, байки это всё. Для привлечения туристов.

— Да где же вы тут видели туристов? — всплеснул руками учитель. — Говорю же, здание почти два века в развалинах стоит. Хотя не совсем в развалинах, помещения-то есть, целых два этажа, но состояние их плачевное. Вот обещают в следующем году снова реставраторов на оценку прислать. Только чую я, что будет всё, как в прошлые разы. Несчастья на работах, сгоревшее оборудование, сбежавшие рабочие, бесполезно

растраченные усилия и деньги.

— Из-за проклятия? — недоверчиво подал голос Вася. — А можно поподробнее? В диплом такое не впишешь, но можно добавить в раздел опросов местных жителей. Затем мы и приехали.

— Можно и подробнее, — согласился мужчина. — Только давайте переместимся из кухни в зал, вы на диван, а я в любимое кресло. Вина больше, извините, сегодня вам не дам, а себе плесну ещё бокальчик.

Когда необходимые условия были соблюдены, Фёдор Фёдорович начал рассказывать:

— Жила в нашей деревне помещица Софья Чернышёва, красавица, дочь одного из опальных дворян Чернышёвых, тех самых, что в восстании декабристов участвовали и были сосланы на каторгу в Сибирь. Отец с матерью у неё там сгинули, а дочь сослали в нашу деревню, которая тогда Ромашовкой звалась, тоже, считай, в ссылку. Однако молодая барышня, взрослея, не поумнела, а совсем головой тронулась. Над крепостными издевалась, что нелюдь, держала с помощью двух таких же извергов-помощников живых людей и псов на цепи, прикованными к столбам. Голодом морила, собачьи клички вместо имён людям раздавала, пороли несчастных по её приказу

нещадно. Вдобавок Ромашовку в Щенячий угол переименовала, всех щенками считала, а себя — надсмотрщицей и воспитательницей. Остались у неё какие-то связи, несмотря на опалу рода. Полиция её не трогала, дозволялось в пределах имения творить что угодно. Шесть лет терпели местные её выходки, и жалобы властям от них оставались безответными. Когда чаша народного гнева переполнилась, а счёт сгинувшим жертвам на третий десяток пошел, то три сотни жителей Щенячьего угла устроили кровавый бунт.

Особняк Чернышёвой сожгли. Извергов-помощников закололи вилами, вырезали глаза и подвесили вверх ногами на дубах, на тех самых, что до сих пор возле развалин сгоревшего особняка растут. А уж что с самой Софьей делали, не передать. Четыре страницы полицейского протокола заняли описания травм, обнаруженных на обезглавленных растерзанных женских останках. Этот документ до сих пор в областном архиве хранится, можно при большом желании ознакомиться.

Бунт подавили казаками и полицией, безголовый труп помещицы захоронили неподалеку. Думали, история на этом закончилась. Ан нет, через семь лет, ночью, двое парней, возвращаясь из

соседнего села, увидели призрак живодёрки, бредущий возле обгорелых стен некогда роскошного здания. Дали дёру они, но до ближайшего дома добежал, вопя от ужаса, только один. Второго нашли утром, иссохшего словно мумия, застывшего в защитной позе. Мертвец будто закрывался от кого-то руками. Об этом тоже в отчёте есть заметка.

Через три дня, опять же к ночи, крестьянка, вышедшая до ветру во двор, подверглась той же участи. Какой-то умник подсказал собравшемуся люду, что останки Софьи надо раскопать и сжечь. Это и было проделано незамедлительно, несмотря на протесты старосты. Скелет и остатки тряпья обратились в пепел.

— А вот дальше мы попадаем на территорию загадок и догадок, товарищи студенты. Я крайне подробно изучил материалы и пришел к кое-каким выводам, — Фёдор Фёдорович налил себе ещё, выпил и продолжил.

— Прошло семь лет, и начали пропадать люди. По одному. Ночью. Интервал исчезновений — пять лет. Думали — несчастные случаи, но одно из тел также нашли мумифицированным. Батюшку вызывали от соседей — не помогло. Снова сход, снова раздумья, что делать. Решили,

что раз голову, точнее, уже к тому времени череп, не испепелили, то призрак за него держится, время от времени набирается сил и мстит. Уже не важно кому.

Искали недостающие останки в развалинах, но бесполезно. Деревня тогда уже в государственном пользовании была. Большая часть людей ушла жить в другие селения, а оставшихся призрак извёл к началу двадцатого века. Щенячий угол опустел, но храбрецы из соседних деревень, на спор хаживавшие ночью к развалинам, утверждали, что видели мёртвую помещицу недалеко от особняка. Не все смельчаки успевали убежать. Затем след призрака и безлюдной деревни теряется до 70-х годов двадцатого века.

Снова в округе распахали поля, отстроили дома, поселились люди. Пятнадцать лет спокойных, и вдруг пропал местный пенсионер — через десять лет, ещё двое исчезнувших — в разгар 90-х. И ещё один мужик пропал уже в начале нулевых. Так что, ребятки, подходит новый срок, если я всё правильно рассчитал, и призрак наберёт силу и снова поймает кого-то. Так что в ночное время возле развалин не шарахаться и если местные на слабо разводить вас будут — не вестись.

— Занятно, — пробормотал Денис, проникнув-

шись историей. — А вы эти свои предположения не отправили куда надо?

— Пробовал, ребят, и не раз, только призраков, как мне сказали, к делу не пришьёшь. Я тут давно живу, пишу вот научную работу по этому таинственному делу, ну и для ваших дипломов кое-чем поделюсь. Опять же фотографий особняка и висельных дубов понаделаете для приложения. Материал — ваши друзья обзавидуются, — с горящим взглядом тараторил учитель.

— Мдааа, — протянул Василий. — Мы ваш рассказ, разумеется, безмерно уважаем, но при всём уважении, мы наукой занимаемся. Факты о поехавшей башкой Чернышёвой и бунте мы находили в Интернете, а всё остальное, думаю, цепь случайностей. И чтобы здесь рано или поздно устроить заработок на туристах.

— А даже если и так, — тон Фёдора Фёдоровича похолодел, он встал, убрал посуду со стола. — Я отлучусь, ребят, мне по делам надо отскочить на пару часов. Отдыхайте пока.

— По-моему он обиделся. Зря ты так, Вась! — сказал Денис товарищу, когда мотоцикл хозяина потарахтел прочь от дома.

— Ты чё повёлся, Дэн? Не гони! Он же просто с себя ответственность снять хочет, чтобы мы с

местными девками по ночам не шарились, — хихикнул Василий. — Детей что ли нашел — призраками пугать?

— Ну, он так подробно рассказывал, как будто помимо документов в архиве что-то разнюхал, — задумчиво произнёс Денис.

— Ага, и чтоб призрака убить, надо черепушку этой поехавшей тётки отыскать и спалить. Пойдем, рюкзаки разберём, дреманём часок и на речку сгоняем, с местным колоритом ознакомимся.

— Ладно, — согласился Денис. — Так и сделаем.

День до самого вечера пролетел незаметно. Парни искупались в речке, пообщались с местной молодежью. Высокая, стройная девушка Алёна, на пару лет младше их, рыжая, веснушчатая и весьма обворожительная, приглянулась им обоим. Заболтались, сидя с ней на лавке у дома учителя, до самого вечера. Конечно, речь заходила и о местной легенде. Только девушка каждый раз уходила от прямых ответов, больше сама расспрашивала о городе, об университете. Скоро ей самой предстояло поступать в ВУЗ.

Когда обменивались контактами, вышел Фёдор Фёдорович, объявил, что уже стемнело и пора отдыхать. Алёна безропотно поднялась и зашагала

к себе домой, Денис хотел было протестовать, но неожиданно товарищ дёрнул его за руку, мол, помалкивай, молча отправился в дом, подталкивая друга при этом. Дэн был удивлён: совсем недавно Василий тихонько ему говорил, что учитель нёс чушь, и нужно обязательно прогуляться ночью на развалины, наделать фото и покрасоваться контентом перед Алёной. А тут — такая покладистость.

Впрочем, Денис тогда многого не знал о настоящих планах Василия…

— Эй, подъём, соня! — Вася усиленно тряс товарища за плечо, вырывая из царства Морфея. — Два часа ночи. Время подвигов наступило!

— Чего? Что? Каких подвигов? — едва разлепивший глаза студент непонимающе уставился на друга.

— Таких! Пойдём сфоткаем развалины изнутри, а завтра покажем Алёнке. Ну и в дипломе у нас будут ночные и дневные фото. Да вставай ты! — не прекращал тормошить его Василий. — Или ты мне девчонку уступаешь? Я скажу ей, что ты сдрейфил.

— Ладно, ладно, не ори, а то нашего босса разбудишь, — Денис нехотя сел на кровати и принялся натягивать майку и шорты.

— Не разбужу, он прикончил ту бутылку вина, из которой нам сегодня наливал, и вырубился, — хихикнул Вася.

— А чего ты там в темноте собрался снимать? — Денис зажег ночник и сунул смартфон в карман шорт.

— А я у Фёдорыча позаимствовал кое-что, — товарищ сунул руку под тахту и выудил массивный автомобильный фонарь.

— О, здорово. Ну погнали тогда, хотя я предпочёл бы договориться с дядькой, — пробурчал Денис.

Они шли по абсолютно тёмной деревенской улице. Уличные фонари в Щенячьем углу гасили в час ночи, как и везде в окрестных населённых пунктах. Ребята светили себе под ноги фонарём и добрались до вожделенного места за каких-нибудь десять минут.

Обстановка в округе была умиротворяющей. В объятьях тёплой ночи попискивали мечущиеся в поисках добычи летучие мыши, звенели хором цикады, от речки доносилось далекое квакание лягушек. Едва ощутимый ночной ветерок приятно освежал после дневной жары приблизившихся к развалинам парней.

Но вот ощущения у Дениса были не столь

комфортные, как у его друга, который с довольной физиономией освещал стены дворянского особняка, чёрные от ночи, плесени и былого пожара. Он всей кожей чувствовал гнёт старых кирпичных стен с обвалившейся штукатуркой, а в потолочные дыры через оба этажа заглядывала тьма, поглощавшая свет фонаря.

Василий бесконечно щёлкал кнопкой смартфона, имитирующего звук фотоаппарата. Внутри помещений ничего не сохранилось из мебели и вещей, но кое-где уцелела лепнина на потолке и ажурные вентиляционные решётки, а чёрные причудливые пятна на стенах сплетались в странные узоры.

— Сейчас ещё поднимемся на второй этаж, пару кадров — и домой, — бормотал вдохновлённый фотограф.

— Вась, эта лестница из не пойми чего, дышит на ладан. Алёна говорила, туда даже местные не поднимаются. Обвалиться может, — возразил ему Денис.

— А мы с тобой — отчаянные городские парни, ещё и ролик снимем, — похлопал его по плечу Василий. — Ты дружище, будь тут, а я быстренько наверх и обратно.

Он забрал у озирающегося Дениса фонарь,

оставив того лишь с освещением от телефона, и принялся взбираться по скрипучей лестнице, действительно представляющей из себя жалкое зрелище. Двухвековые дубовые доски, лишь обуглившиеся при пожаре, стонали при каждом шаге молодого человека. Перил, за которые можно было бы держаться, не было и в помине. Из-под лестницы сыпалась труха, дохлые насекомые и помёт грызунов, по первому этажу распространился странный, сладковатый запах.

Парень не без труда, местами прижимаясь к стене, взобрался на второй этаж. Денис ещё некоторое время слышал его шаркающие шаги, потом всё стихло.

Прошло полминуты, минута. Дрожащий свет наверху перестал метаться и в провале выхода на второй этаж сгустилась темнота. С улицы донеслось мотоциклетное тарахтение и тут же стихло.

— Вась, спускайся! Ты что там ночевать собрался? — крикнул Денис.

Тишина.

— Хорош прикалываться! Ни хрена не смешно же… Твою мать! — неожиданно выругался Денис, глядя на медленно спускающегося по лестнице Василия.

Друг шёл словно робот, с трудом переставляя

негнущиеся ноги по трухлявым ступенькам. Бледное как полотно лицо Васи, освещаемое слабым светом телефона, направленного на него стоящим у подножия лестницы Денисом, было непроницаемым. Ни один мускул на нём не дернулся, когда Денис дрожащим голосом несколько раз позвал товарища. Глаза спускающегося студента, заплывшие непроницаемой белёсой пленкой, не содержали зрачков, зато в руке была крепко сжата увесистая ножка то ли от стола, то ли от стула. Видимо, обломки мебели уцелели на втором этаже.

— Васька, ты чего… — промямлил растерявшийся Денис, пятясь от друга к выходу. Тот ускорил шаг и замахнулся на товарища ножкой.

— Назад, идиот! Скорее сюда! — гаркнул за спиной Дениса знакомый голос учителя. — Это сейчас совсем не Вася. Это — она! Эй, тварь, отвали от парня, а не то знаешь, что с тобой будет.

— Фёдор Фёдорович! — заорал Денис, словно очнувшись от паралича и метнувшись к неожиданно появившемуся мужчине с фонариком, висящем на поясе. Он заметил, что учитель держит в одной руке палку с насаженным на него потемневшим от времени черепом, с которого что-то капало. В другой руке он держал пля-

шущую синим язычком пламени бензиновую зажигалку.

— Что происходит, Фёдор Фёдорович? — засипел студент.

Однако времени на ответ им не дали. Издав пронзительный женский визг, псевдо-Василий прыгнул в попытке нанести удар, а мужчина хладнокровно поднёс к черепу зажигалку, и тут же старая кость пыхнула ярким, пожирающим пламенем.

В тот же момент Васю швырнуло на стену словно от мощного электрического разряда. Парень врезался в растрескавшуюся штукатурку, сполз по стене и остался недвижим, а от него сизым зигзагом метнулся обратно к лестнице тонкий искрящийся силуэт. При этом визг существа, покинувшего человеческую оболочку, сменился жутким воем, таким громким, что люди, не выдержав, закрыли уши. Впрочем, он быстро затих.

Денис в панике выронил телефон, но поясной фонарь учителя на несколько секунд выхватил женскую точёную фигуру, развернувшуюся к гостям особняка. Если когда-то Софья и была красавицей, то сейчас на жуткой вытянувшейся морде не осталось и капли былой красоты. Гротескная кошмарная маска будто бы плавилась,

стекая чёрными глазницами на ещё удерживающую форму выдвинутую вперёд челюсть.

Затем голову погибающего призрака охватил венец снующих зеленоватых искр. Женская фигура таяла, оседая на пол особняка, пока, зашипев, не оставила после себя лишь булькающую лужицу грязно-зелёной жидкости, которую потом Фёдор Фёдорович назвал эктоплазмой.

Но объяснения были позже, а пока учитель со студентом подхватили бесчувственного Василия под мышки и потащили к мотоциклу.

Через десять минут Фёдор Фёдорович уже отпаивал пришедших в себя студентов мятным чаем и поведал им невероятную историю, финалом которой стало чудесное спасение ребят.

— Я отыскал череп Софьи четыре года назад. Почти за семьсот километров отсюда, у одного коллекционера. Мне стоило немалых трудов заполучить артефакт. Коллекционер не хотел расставаться с лучшей вещью в коллекции. Пришлось связаться с не слишком законопослушными людьми, но я его в итоге получил, — сказал тихим голосом хозяин. — Хотел проверить одну гипотезу, я же ученый, историк и… одинокий человек. Я притащил череп к себе домой, и уже на следующую ночь дворянка явилась ко мне.

Она была почти как настоящая, красивая, не как тот монстр, что мы видели сейчас. Ко мне не приближалась слишком близко, и от неё веяло холодом. Но в остальном — с виду обычная молодая женщина.

Она умоляла отдать ей череп, вернее, принести его в развалины особняка. Я не соглашался, и она стала угрожать. Но я не боялся. Знающий человек, задолго до моей встречи с призраком, сказал мне, что она опасна лишь в поместье и на небольшом расстоянии от него, а с годами растеряла былую силу. И теперь, заполучив череп, она рассчитывала вернуть её, снова наполнить то, что она считала жизнью.

Я сказал ей, что обязательно верну то, что ей нужно, но сначала она посвятит меня в детали и… ну, будет общаться со мной какое-то время. Мы провели с ней немало бесед, и мне показалось, что она раскаялась в совершенных поступках. Я был уверен, что повлиял на неё, что она стала другой. Она удерживалась от злодеяний в последнее время, даже не велась на провокации местных, когда те захаживали на её территорию. Софья стала моей подругой и интереснейшей собеседницей.

— А потом к ней заявились вы, — горько

промолвил Фёдор Фёдорович, вытирая ладонью выступившие слёзы. — И вам, чертенята, очень повезло, что мне приспичило в туалет, и я заметил, что вас нет дома. Ну понятно, сразу сообразил, куда вас понесло, большого ума тут не надо. Я прихватил череп и помчался за вами в надежде, что улажу конфликт серьёзным аргументом. Но подчинив себе живое тело, Софья потеряла остатки разума. Остальное вы видели.

Учитель всхлипнул и закрыл лицо руками.

Василий и Денис молчали, потрясённые его рассказом, уткнувшись взглядом в свои опустевшие чашки. Им было ужасно стыдно за то, что они отняли у хозяина дома единственную подругу.

Утром ребята попросили отвезти их в райцентр на автобус. Фёдор Фёдорович не стал их отговаривать, написал Таисии, что студентам нужно зачесть практику и что нужные материалы он вышлет сам попозже. Извинился, добавив, что сам отослал Васю и Дениса пораньше. На том они и разошлись.

А в Щенячьем углу до сих пор рассудительные люди опасаются заходить на территорию старинных развалин. Впрочем, бесшабашные храбрецы нет-нет, да и заглянут в опустевший особняк, в надежде получить после этого привередливое

девичье внимание…

Деревня Гостищево

— О, проходите-проходите, гости дорогие. Маня, к нам опять городские туристы пожаловали, прошлые-то уже закончились, то бишь уехали от Павловны, а эти — к нам на проживание и экскурсии по нашей любимой деревне Гостищево!

Проходите, ребятки. Приветим, накормим, напоим, всё покажем, спать уложим. Смотрю, денежные вы и нежадные, машинка у вас неплохая, Лексус, кажись, двадцать третьего года, если не ошибаюсь. Налоговиками работаете? Любопытно. Эй, Манька, нравится тебе Лексус? А то что, у Павловны «Туарег» есть, а мы как нищеброды на «Весте» катаемся?

— Да, где ты запропастилась, Маня? Ну ладно, гостюшки, я сам вам всё расскажу про нашу великолепную мистическую деревню, про её знаменитые места и про тех, кого тут можно увидеть, с кем поговорить и, если повезёт, то и добром разойтись. Такого вы ни на каком ТВ-3 или РенТВ не увидите. Там всё брехня, а у нас чистейшая правда, которую можно увидеть своими глазами, потрогать своими руками. Контактная

нечисть, хе-хе!

— Ну вот вы уселись, наливайте чаёк, он особый, наша ведьма местная собирала травы для него в полную луну и сушила, наговаривая заклинания! Вас трое крепких мужиков, всё у вас со здоровьем неплохо, а после чая и экскурсий будет ещё лучше, не сомневайтесь. Сидор Петрович, то есть я, ещё никого не обманывал в главном: таинственное и необычное обещал — таинственное предоставлял. Вас же ко мне от остановки седой старичок отправил, верно? Ах, хитрец, наш домовой. Домовой владелец, парой домов тут владеет. К Павловне, понятное дело, не направил, ведь у той прошлые туристы пропали. Не ужились с тамошней шишиморой, что у Павловны живёт. Шишимора, кикимора — какая разница? Всё одно — живет в доме за печкой или на чердаке, постоянно вредит: стучит в стены, мешает спать, шумит, бьет посуду, травит скот, если обозлить — то таких дел натворит! Но сговориться и ужиться можно.

Нет, шишиморы не только болотные бывают. Эх вы, а ещё говорите, что подготовились и знатоки. Те двое у Павловны тоже говорили, что знают, как с шишиморой обращаться: хотели её поймать и забрать с собой в город. Зачем? Не знаю, но вряд

ли зачем-то хорошим. Вот и наказала она их. Сначала выпугала до полусмерти, а потом выгнала из дому и в сторону болот погнала, к своей родственнице, болотной шишиморе. Той работники нужны, особенно такие: наглые, с дурным характером. В помощники их шишимора себе забрала, когда они разума почти лишились от ужаса. Ну а живые ей в болоте не нужны, довела она их до нужного состояния. Нету больше тех туристов в деревне, а у Павловны есть внедорожник.

— Да вы не бойтесь, вы же говорите, что не такие, с вами нечисть сладит по-доброму, надеюсь. Почему после пропажи полицию не вызвали? Так зачем? У нас же есть свой участковый. Оборотень Саня, старшой лейтенант аж. Во как выслужился за пару годков с младшого. Не, оборотень в его случае — это не словесный оборот, он натуральный оборотень. И папка его оборотень был, и дед, и прадед. Представьте себе, все они в органах работали. Очень хорошие специалисты в своём деле. На прошлой неделе цыгане к нам нагрянули на машинке, расползлись по деревне, по домам прошлись. Денег, золота, серебра, самоцветов выманили обманом у местных — целые сумки. Дурь деревенским жителям попутно продать пытались. У моего соседа Макара главную ценность

увели — золотой чайник с духом желаний. А вы думали, только у арабов бывают лампы с джиннами? У нас тоже много духов по разной утвари прячется, там им комфортно, любят некоторые существа тесноту, как коты коробки. Только кормить их особо надо, чтобы желания выполняли, и не частить с просьбами.

Вот и упёрла цыганка у Макара такого духа в золотом чайнике и ушла. Макар от цыганского гипноза отошёл и позвонил участковому. Тот сработал моментально, на выезде из Гостищево машину с цыганами и награбленным добром принял. Задерживать он их не стал, порвал в клочья, краденое конфисковал и по домам разнёс. Хороший парень Саня, ответственный, можно положиться. Опять же особого корма из останков тех цыган Макару теперь на десять желаний хватит. Такого корма поди добудь, а Саня помог. Капитана, наверное, получит, на повышение пойдет. Жалко, если уедет, традиции как-никак.

Молодцы вы, что ко мне всё-таки пришли. И домовой молодец, что к Васильичу не отправил. Место у него неудобное, дом на самой окраине возле леса. До магазина, больницы и почты далеко оттуда. Васильич в лес в основном водит, показывает лесные блага и духов лесных, но строгий он

— жуть! Чуть правила его нарушишь, сразу в расход угодишь. Из десяти экскурсий если три назад вернётся, то хорошо. Сами виноваты, раз правила не соблюли. Думаете, лесным хозяевам не нужно поесть или вечных помощников завести? Как бы не так! Раз шишиморе надо, то и там нужны. Там дел для них вдесятеро больше, чем на болотах! Ну для тех, кого не съедят. А Васильича не трогают, нет. Он же сам леший, бывший. Рассорился со своими, задолжал и ушел в деревню жить. Теперь туристов водит в лес, долг возвращает. Правда, долг слабо движется, проценты же. У нежити и нечисти всё как у людей. Кстати, они разные: нечисть и нежить, потом объясню.

Про проценты вам рассказал и про коллекторов вспомнил, которые из старухи Агафьи долг по кредиту приезжали вытряхивать. Она же в банк звонила, предупреждала, что всё вернёт к новому году, а сейчас деньги на новую избу нужны. На мобильную, усовершенствованную, с четырьмя птичьими ногами. На опушке её достраивает, под приглядом Васильича. Это его идея была модернизировать обычную двуногую избу Яги, то есть Агафьи. В долю, так сказать, вошел. Напрокат будет брать.

Короче, заявились на джипе два бритых на-

голо здоровенных лба, в кожанках, с битами. Интеллекту — ноль. Вежливости тоже. Им бы по-доброму с бабой Агафьей изъясниться, платёжное требование передать, как положено, под роспись, извиниться за беспокойство. А они нахрапом решили: дверь выбили, Агафью обматерили, угрожали. Что же, вся деревня потом вкусные мясные пирожки ела да нахваливала. Оказывается, из коллекторов пирожки изумительные получаются. В печи запекала, начинки не жалела старая Агафья. Заодно джип опосля продала, кредит погасила и себе, и внучке. Худым началось, а добрым закончилось. Почему на одном полицейском все тайны держатся, и никто больше пропавших не ищет? Так ведь у Сани-оборотня полно родни в райцентре, в областном управлении и выше. Они все как одна семья. Общие интересы.

Да вы что? Я те пирожки с печёным мясом не ел, я такое не люблю. Дурно бы мне от такой выпечки стало, до больницы бы не добежал. Мы с Маней в еде строгих правил придерживаемся. Сказать по совести, и среди местных есть люди нехорошие. Сенька Климушкин обрюхатил русалку, например. Свиданки устраивал в баньке возле озера у нас за деревней. Жениться обещал, домой забрать к зиме, репетитора по английскому языку

нанять. Русалка собиралась на иностранные курорты с ним. Обманул несчастную, своё получил и пока-пока, к озеру ни ногой. А русалка, если её за руку любимый не поведет, долго по земле ходить не может. Больно ей первое время. Ждала она его, ждала, с лягушками письма на листочках отправляла, а Сенька отморозился. Всем говорил, что знать её не знает и от кого она беременна, чёрт разберёт.

Ну чёрт не чёрт, а банник знал. Так-то он людишек не трогает, неинтересно ему. Добрый. Но проняли его русалочьи слёзы, и пришёл он за Сенькой. Вытащил его из дому и в озеро отволок. Теперь в Гостищево есть образцовая озёрная семья: русалка, русалчонок и новый водяной — Сенька. По струнке, говорят, перед ней плавает, заглаживает былую вину. Где же Маня запропастилась? Не хочется без неё начинать. Наверное, пошла к Коту Баюну за приправами.

Кот Баюн — это у нас бывший батюшка, отец Никодим. Ныне просто Никодим. Отслужил в соседнем селе в церкви до сорока лет и начал огромным котом обращаться, да ещё разговорчивым таким. Заслушаешься и сделаешь что угодно. Одна беда — обращение неконтролируемое было, случалось и во время службы. А сами понимаете,

во время молебна неудобно такое, жаловаться некоторые на него стали. Вот и ушёл он со службы и к нам жить переехал. Место-то подходящее. Ещё и готовит вкусно, специи обожает и всем раздаёт их. Огромный запас специй у Никодима имеется.

Прослышали про него две московские бизнес-свуменши, приехали поглазеть на чудо-кота. Его зачарованный голос послушать. Уважил их Никодим: два дня и две ночи им рассказывал байки и комплименты так, что те перестать слушать не могли. Убеждал их отказаться от жизни столичной, развратной. От него не скрыть, что те на нелегальных борделях бизнес сделали. Мысли читает. Убедил их, работают теперь на нашей ферме, за коровками ухаживают. Забыли про свою городскую испорченную жизнь. По весне окончательно нашими станут, мы им женихов достойных подыщем. Эх, умеет же Никодим зачаровать голосом. Мне бы так, даже я заслушиваюсь и в сонную одурь впадаю. А у меня ведь от него иммунитет!

Что говорите? Сами уже засыпаете, сил в теле нет, руки и ноги не слушаются? А это от чая ведьмовского, я же говорил. Он вам все болезни исцеляет, вы мне здоровенькие нужны. Ну про экскурсии я вам немного приврал, не пойдете

вы на них, там плотный график. Еле насчет вас договорился с коллективом, чтобы мне отдали. Есть я вас тоже не буду, я же мясо не ем. Пить вас будем с женой, кровушку вашу, потому что упыри мы. Деревня наша тоже не Гостищево, а по-старому — Погостищево, от слова погост.

Мы с Маней самый старые тут. Разнообразия ради специи добавляем в кровь, оригинально выходит. А плоть тоже не пропадёт: будет из неё особый корм для духа желаний, который у Макара обитает. На пяток желаний точно хватит. Эх, заживём! Ну засыпайте, засыпайте, вон уже Маня радостная идёт с кульком специй. Обедать будем и новых туристов ждать…

— Ну вот, двоих уговорили, третий остался на десерт. Только почему-то, Маня, он не дрожит, а ведь судьба его — быть выпитым досуха, как выпиты его приятели, которые уже бесполезны. Что мотаешь головой, парень, не приятели они тебе разве? Ну неважно, помучаешься ещё немного, напитаешься страхом для нашей с Маней упыриной утехи, пострашаем тебя ещё нашими деревенскими подробностями! До лучшего вкуса доведём. Манька, чего ты кривишься и говоришь, что он какой-то не такой? Ну и что, что силён и ловок на вид, ведь после нашей травки ни один

не поднимется против нас!

Слушай сюда, турист! Повезло тебе, поживёшь лишний час, потому что старому упырю поболтать охота с живой душой, да новостями поделиться с недолгим собеседником. Из Маньки собеседник никакой, неболтливая она.

— Как тебя зовут? Артёмка? Ну так слушай, Артёмка — мы в Погостищево не самые мерзкие и подлые. Мы разумные! Есть и похуже нас, настоящие монстры, те, кто мыслить больше не может. Они ни минутки лишней своей добыче не подарят, сразу в клочья рвут или чего похуже. Мы их держим в избах на дальней стороне деревни, потому как нежели они посередь бела дня по Погостищеву шастать будут, то весь бизнес нам поломают и по итогу никакой Санька-оборотень из полиции нас не прикроет со всеми дружками. А ещё без присмотра расползутся они по всем окрестным деревням и уж если там обоснуются и размножатся, то настоящее бедствие начнется, что опять же на нас плохо скажется. А нам такое не надо!

Мань, ты гляди, он, как разведчик в тылу врага, выспрашивает, что именно у нас водятся за монстры и сколько их! Видала наглеца? И часу ведь ему не прожить, а любопытствует! Расскажем,

что же, уважим храбреца…

Начнем с самых безобидных неразумных. Это баечники — ночные домашние духи, живущие по подвалам и погребам. Они уже до того плоть прохудили свою, что им ни есть, ни пить, ни энергию получать от живых не нужно. Могут в каком угодно виде быть: от неживого младенца до чрезвычайно худого пса или кошки. Бывало, зайдёт в деревню спутник, останется в пустой избе переночевать. А с наступлением темноты они бродят по дому и шуршат, хохочут, кричат, постукивают, мерещатся призрачными силуэтами в тёмных углах. Если гость почует неладное и в это время зажжёт свет, то может увидеть убегающие тени — это они и есть. А если человек заснул в комнате с ними, то всем сонмом ему спящему на грудь насядут и рассказывают, рассказывают, не прекращая, страшные байки. Обычно гость выдерживает, хоть и весь в истрёпанных нервах поутру просыпается. Но те, кто сердцем послабее — могут и не выдержать!

Есть кое-кто и похуже — ырки, которые получаются из самоубийц. Они всего лишь бледные тени нас, упырей. Также пьют кровь, но не только человеческую, а и животную или птичью. Ырка слаб, чтобы охотиться на людей, и поэто-

му любая другая нежить его легко побеждает и добычу отбивает, но ырки сбиваются в стаи и ночами бродят по дорогам и полям, где нападают на путников одиноких или слабых. Они отвратительны и ужасны: худощавы, кожа гнилая и сухая, глаза светятся, как у большой кошки, а руки длинные и цепкие, чтобы хватать людей, а нос у них впалый, как у покойника. Мы, настоящие упыри, красавцы по сравнению с ними. И на дух друг друга не переносим. Особенно когда они пытаются воровать у нас двуногую еду, то есть вас, туристов. Ведь велено им сидеть на дальней стороне Погостищево и жрать крыс.

Под них, бывает, маскируется Безымень — главная беда нашего края. Это демонический двойник любого живого или неживого существа. Вот ему плевать, кого жрать: захочет, человека слопает, так что ноготочка не останется, захочет — и упыря прикончит, в зависимости от настроения. Благо, редко у Безыменя голод просыпается, но никогда не знаешь, когда это случится в следующий раз, и кто ему попадётся.

Видишь, Артёмка, в каких нервных условиях приходится работать нам, упырям, и прокорм себе добывать. Чего задергался, парень?

Не сбежать тебе отсюда, ведь стемнело уже

за окном. Беглецы от нас далеко не убегают, их встречник обязательно поймает. С встречником у нас договоренность, он наполовину разумный. Встречник — это дух, который в виде вихря гоняется по дорогам за душой преступника, беглеца или умирающего человека, хотя встречник больше любит преследовать живых и питаться их страхом. Впрочем, иногда и сразу убьёт, без предварительных игрищ. Выглядит как бесформенная тень или старик с бледным лицом, спутанными длинными волосами и бородой, с фонарём в руке, чтобы освещать себе путь. Одинокий беглец, удирающий по дороге, сначала видит вдали яркий огонёк. Это фонарь встречника, который приближается к нему и пролетает сквозь человека, забирает его душу и помещает в фонарь. А люди, у которых больше нет души, не умирают, а становятся опустошёнными и бездумными созданиями. Тут-то мы беглецов и ловим, и делимся добычей с встречниками, им души — нам плоть и кровь.

Было их двое у нас: ночных стражей. Но одного поп Никодим убил. Не знаю, что за конфликт у них вышел, но Никодим знал, что делать. Он бросил острый нож в приближающийся вихрь, и тот рассеялся, а на дороге только кучка пепла

осталась и брошенный нож, заляпанный чёрной кровью. Скандал был на всю деревню, но с Никодимом связываться никто не захотел. Живёт себе изгнанный святоша и пусть живёт. От него нам польза тоже есть, я раньше рассказывал.

Что-то разболтался я с тобой, Артёмка. Негоже с едой долго разговаривать, она страх начинает терять, и вкус крови портится. Но я, даже не попробовав тебя, на глаз вижу, что ты другой, особенный, не такой как твои знакомцы-налоговики, которыми мы с Манькой пообедали.

Ой, а ты как развязался-то, и что это у тебя в руке за клинок с рубином в рукояти? Маня, скорее сюда! Это не турист, это охотник к нам прокрался!

Прикрылся паршивец двумя придурковатыми увальнями, не побрезговал. Справа на него заходи, хватай его — он слаб после нашей травяной настойки. Хватай же!

Эх, Маня, Маня. Двести пятнадцать годков душа в душу, из одной миски, из одного человечишки всегда хлебали… А теперь ты лежишь на полу без головы и истлеваешь, подруга моя двухвековая. Недосмотрел старый Федяй, что охотник на нежить к нам пожаловал, и какой охотник — Артёмка Чернов собственной персоной. Знаменитость известная среди нежити,

каждый нечистый его убить хочет и боится одновременно.

Но я не боюсь, я старый упырь, опытный! Не один охотник за мной приходил, шесть их головушек в погребе в кадке храню. По праздникам достаю и любуюсь. За Маньку я тебя, Артём, на кусочки разорву, а душу встречнику скормлю! Мне же теперь новую бабу искать, с новой привередой уживаться. Даже обычная живая баба и та всю кровь выпить может. В переносном смысле, правда, а уж упырихи ещё хуже, склочнее.

Ты гляди, какой шустрый стервец! Прямо мне в сердце вогнал свой магический клинок. Больно-то как и холодно становится. Двести лет не чувствовал тепло, холод и боль, и вот на тебе. Победил ты, Артёмка, слышу, твои дружки подъезжают к дому. Видать, облава охотников пришла в Погостищево. Жаль, хорошая была деревня. Но ничего, все охотники рано или поздно погибель свою находят, свидимся ещё господа-охотнички…

Наследство от бабушки

Я простой человек. Уверенный в том, что религия — обман, атеизм — перебор, политика — дрянь, а жизнь — обычное существование белковых тел. К сожалению, слишком быстротечное. Мысль о том, что бояться нужно людей и их дурных поступков, а не каких-то выдуманных чудищ, видится мне абсолютно верной.

В этом я был уверен до недавнего времени, когда у двери моей квартиры появился шмыгающий носом, странный человек в слишком теплом для летней погоды клетчатом плаще.

Я не был рад его появлению. После недели работы за напарника, который ушёл в отпуск, мой бедный организм был измотанным и невыспавшимся. Однако незнакомец был крайне настойчив, он раз за разом жал на кнопку резко визжащего звонка, который отдавался болью в моей голове.

Шесть двадцать утра — светящимися зелёными цифрами известили меня электронные часы, дошедшие до сегодняшнего дня из советского

времени. Это был один из тех раритетов, которые ещё где-то моргают уцелевшими лампами в каком-нибудь старом доме. Зажмурившись от яркого света, я проследовал к входной двери и прильнул к холодному глазку.

За дверью стоял лысоватый, невысокий мужчина лет пятидесяти и упорно тянул руку к кнопке звонка.

Зачем-то я открыл, не раздумывая. Хотя обычно смотрю и спрашиваю. Даже участкового не пустил один раз, когда из-за играющей музыки ненормальная соседка вызвала его. Не пустил, сделал музыку потише и через дверь ответил, что ещё нет десяти. А этому товарищу открыл без раздумий.

— Андрей Павлович, — торопливо представился он, просачиваясь мимо меня на кухню. — Я к вам по важному делу. Вы Киреев Максим Витальевич?

— Да, я Киреев, — растерявшись, ответил я.

— Я приехал по поручению Киреевой Нины Ивановны, вашей бабушки. Она попросила передать вам документы на её дом, — он принюхался к запахам моей кухни.

— Вы что-то путаете, как вас там зовут, — сердито сказал я, надеясь быстрее спровадить незнакомца. — Нет у меня бабушки. Мои бабка с дедом десять лет назад умерли.

— Нет, всё правильно. Вы, Максим Витальевич Киреев, работаете рекламным агентом в «Сапфире», — упрямо сказал он. — А Нина Ивановна — ваша родственница из Брянской области.

— Ну..., — я замялся.

— Может, угостите меня чаем, молодой человек? — нагло поинтересовался он.

— Молодой человек хочет выспаться! — вконец вывела меня из себя его нахальная просьба. — Приходите после обеда, и мы поговорим с вами о дедушках, бабушках и всех остальных.

Мужчина выразительно глянул на меня и положил большой пухлый конверт на стол. При этом едва не свалил рукавом плаща мою любимую фиолетовую чашку с остатками вчерашнего чая.

— Распишитесь, что документы вам доставлены. Мне нельзя здесь задерживаться... — сказал он и запнулся, будто подавился, уставившись взглядом в плакат с голой девицей на стене коридора. Мужчина протянул мне квитанцию и указал худым скрюченным пальцем в нижнюю

строку.

Я мазнул роспись и выдворил незваного гостя за дверь. Курьер обернулся уже на половине пути к лифту. В его взгляде промелькнуло что-то мерзкое, даже звериное.

Поспешив закрыть дверь, я включил чайник. Сон всё равно был безнадёжно испорчен неожиданным визитом. Затем открыл окно, и поток прохладного утреннего воздуха меня окончательно взбодрил. В конверте оказался пакет нотариально заверенных документов по наследованию на моё имя, а также фото дома. По документам бабушка умерла месяц назад. Очень странно, что родители, которые сейчас пребывали в длительной заграничной командировке, мне ничего не говорили про такую родственницу. Я внимательнее рассмотрел фотографию причитающегося наследства. Небольшой дом, очевидно очень старый, обложен белым кирпичом. Покосившийся дощатый забор подперт в двух местах бревнами.

«Так себе домик, но хотя бы в пригороде. Значит можно продать и купить нормальную машину наконец», — подумал я, и настроение начало подниматься.

Воображение уже рисовало мне картину, как я выбираю новенькую машину в автосалоне. Впереди у меня был двухнедельный отпуск, и я решил, не откладывая дело в долгий ящик, съездить осмотреть дом и дать объявление на сайтах недвижимости. Замечтался о приятном будущем. В реальность меня вернул закипевший чайник.

Решил выехать пораньше, пока не наступила жара. Через пару-тройку часов солнце будет высоко, и я буду париться в автомобиле, как в микроволновке, а до места мне катить около трёхсот километров. Быстренько выпив кофе и взяв с собой десяток бутербродов с варёной колбасой в контейнере, я спустился на лифте к машине.

Летнее солнце, пока ещё не жаркое, залило приятным светом мой город. Утренних пробок удалось избежать, я без задержки выехал за город и покатил в направлении Брянской области.

«Съезжу — посмотрю, может отыщу что-нибудь интересное в доме вдобавок», — думал я.

Моё трепетное отношение к предметам старины было известно моим друзьям, иногда приносящим мне то старую керосиновую лампу,

то растрепанную раритетную книгу или эксклюзивный советский значок. Меня заранее охватило предчувствие, что из поездки я непременно вернусь с неплохой добычей, с чем-то необычным.

Километров через семьдесят заехал на заправку. Пока заспанный заправщик заливал мне бензин, обошёл машину вокруг и бегло осмотрел. Машина, конечно, была старенькая и могла подвести, но я как обычно надеялся, что не сегодня. Обнаружил новые полосы ржавчины, разъедавшей металл на крыльях и дверцах. Только месяц назад там было несколько пятнышек, а теперь чуть ли не дыры образовались. Мысленно отругал отечественный автопром и сходил выпить дополнительный стаканчик кофе из автомата.

Через полтора часа езды меня начало клонить в сон, и я едва не задавил трёхцветную кошку, кинувшуюся перебегать дорогу, когда проезжал через какую-то деревню.

— Каренина, мать твою! — вслух ругнулся я. Чёрно-рыже-белая кошка проводила меня презрительным взглядом. Остановился подышать и размять ноги. Вышел, покурил, чтобы успокоиться, вернулся в машину и поехал дальше.

Ближе к полудню, два раза сбившись с дороги, добрался до искомой деревеньки. Въезжая в населённый пункт, отметил зеркало большого пруда и песчаный пляж на его пологом берегу с парой деревянных домиков.

Становилось очень жарко, решил позже сюда заехать — перекусить и искупаться.

До Брянска оставалось тридцать километров — сигнализировал дорожный знак.

«Ну, не пригород, но недалеко», — подумал я, подъезжая к нужному двору.

Меня будто ждали. Из двора напротив, через дорогу, увидев незнакомую машину, припарковавшуюся у зелёного обшарпанного забора, вышла худенькая старушка и уверенным шагом направилась ко мне.

— А чего ей на пенсии делать, как не в окна пялиться и посторонних людей выглядывать? — сказал я сам себе и поздоровался, выйдя из машины.

— Ты Максим? — скрипучим голосом спросила бабушка. — Ишь как похож на Ивановну. Документ покажи-ка.

— Максим Киреев, — представился я и достал удостоверение из-под солнцезащитного козырька. Она с интересом посмотрела на меня и, сказав «я щас за ключами, жди тут», ушла в свой двор.

Как будто я мог уехать, проехав такое расстояние. Ожидая старушку, я подошёл к забору и сорвал несколько спелых вишен. Вкусные. Заглянул через забор, визуально оценил заросший высокой травой двор, сарай, пустую будку со ржавой цепью на проволоке.

— Держи ключи! — неожиданно возникшая за спиной старушка заставила меня вздрогнуть.

— Я к вам тогда вечером зайду, расскажете мне про бабушку. Ну или вы сюда заходите. Я ночевать здесь останусь, — сказал я соседке.

— Не, не, не, — забормотала она, попятившись. — Сам зайдешь, занесёшь ключи. А ночевать, если захочешь, можно у меня во времянке. Я тебя и покормлю вдобавок. В её доме лучше не ночевать. Нехорошее место.

— Спасибо, — поблагодарил я её за предложение и подумал, что бабка из ума выжила. Место ей нехорошее. Видимо, не в ладах она была с моей родственницей.

Старушка ушла, но я всё равно ощущал назойливый взгляд из окон. Открыл калитку, зашёл во двор, продрался через бурьян к деревянному крыльцу. Со стороны будки что-то загремело, и я пожалел, что не спросил о наличии собаки. Одного взгляда через плечо хватило, чтобы увидеть мчащегося на меня огромного косматого пса с оскаленной красной пастью.

Считаных секунд мне хватило, чтобы открыть висячий замок, залететь на веранду и захлопнуть дверь за собой. Снаружи в дверь ударило нечто тяжелое, царапнуло когтями, рыкнуло… и стихло. Ни лая, ни рычания больше я не услышал. Ругал на чём свет стоит бабку за то, что она не предупредила о непривязанной собаке.

Немного подождав, прошёл по полутёмному коридору в дом, заметив завешенные иконы и зеркала. На шкафу увидел старинную керосиновую лампу с запыленной стеклянной колбой.

«Отличная находка», — с радостью подумал я, моментально забыв о нападении собаки. Пополнение коллекции всегда поднимало мне настроение. Окна зала и ещё одной комнаты выходили на улицу, через палисадник с кустами малины и старыми яблонями. В принципе, ми-

новать собаку можно было, если выпрыгнуть в окно и перелезть через заборчик.

Эта мысль успокоила меня, и я продолжил осмотр комнат. С пожелтевших настенных фотографий на меня строго смотрели, очевидно, несколько моих дальних родственников. Среди них был симпатичный парень в военной форме царской России, с георгиевскими крестами на груди. Я удивился, как же сильно он похож на меня. Такие же черты лица, надбровные дуги и другие неуловимые сходства. Я даже пошёл и посмотрел на себя в зеркало, сдернув с него грязную тряпку.

Точно похож! Как две капли воды! Я снял фото со стены, чтобы посмотреть обратную сторону потерявшей цвета фотографии.

«Киреев Максим Викторович, 1888–1915», — гласила надпись тушью на обороте фото.

«Мне столько лет сейчас, как было ему, — посчитал я, и мне стало не по себе. — Хорошо, хоть не полный тёзка».

Неприятный холодок пробежал по моей спине. Неудивительно — несмотря на летнюю жару в доме было прохладно. Откуда-то потянуло сквозняком, я почувствовал его дуновение. За

советским бежевым буфетом, стоящим, как мне показалось, не на своем месте, я обнаружил забитую гвоздями дверь в кладовку. Пришлось вспоминать план дома из принесённого мне курьером конверта, который остался лежать в машине. Готов поклясться, что не было там кладовки. Первая попытка выломать дверь успехом не увенчалась. Зато нашёл на веранде гвоздодёр и с его помощью вытащил большую часть гвоздей, предвкушая добычу… Вдруг у бабушки там швейная машинка «Зингер» или ещё что-нибудь ценное?

Давно я не занимался физическим трудом. Вытаскивая, наверное, тридцатый гвоздь, я выбился из сил, как будто каждый гвоздь цеплялся за дерево дверной рамы и загибался с обратной стороны. Решил передохнуть и наметил для отдыха потёртый диван, прихватив с полки альбом со старыми фотографиями. Накидав под спину подушек из шкафа и удобно устроившись, я переворачивал страницы, разглядывая лица людей прошлого века. Никто из них не улыбался. Нашел фотографию молодого деда, в обнимку с бабушкой, в доме которой я сейчас находился. Дед был точно мой, но женщина рядом с ним была мне незнакома. Ещё одна тайная страница прошлого.

Любопытно.

«Почему же дед мне про неё не рассказывал?» — задумался я, вспоминая что дел любил похвастаться похождениями из молодости. Фото на следующей странице альбома заставило меня едва ли не подпрыгнуть на диване. С чёрно-белой фотографии, на которой было два человека, на меня смотрел тот самый молодой офицер, так невероятно похожий на меня и… мой утренний незваный гость в клетчатом плаще. Они действительно были на одной фотографии, возле тех самых высохших яблонь перед домом. Только не было ни асфальтной дороги, ни забора, ни дома напротив.

«Похоже перегрелся. Надо поспать», — подумал я. Ощущал себя вялым и крайне уставшим. Я улёгся поудобнее и задремал с мыслью, что надо заняться своей физической формой.

— Максим… — резким шёпотом позвал меня незнакомый голос, раздавшись над самым ухом. — Спасибо что приехал, дорогой!

Я открыл глаза, ничего не понимая. Наверное, голос мне приснился. За окном уже царила ночь, в небе виднелись созвездия, названиями которых

я никогда не интересовался.

Глянув на телефон, увидел, что проспал больше пятнадцати часов, вот так вымотала неделя работы без выходных. Я встал, намереваясь включить свет.

Однако, выключатель щёлкнул и пыхнул синей искрой. Я сразу отдёрнул руку. Некачественная проводка грозила доставить проблем при продаже жилья. Прошёлся по дому. Выключатели в остальных комнатах вообще не реагировали на нажатие кнопки. Подсвечивая телефоном, который обещал скоро разрядиться, я разыскал керосиновую лампу. В её резервуаре что-то плескалось. Достав из кармана зажигалку, я зажёг её и поднёс пламя к фитилю. Маленький огонёк затрепетал, слабо освещая зал и темные проходы в другие комнаты. В таком блуждающем свете развешанные на стенах фотографии смотрелись ещё неприятнее, а смотреть в зеркала я совсем не решался. Будто боялся увидеть там кого-то чужого.

Проследовал к той двери, из которой днём вытаскивал ржавые гвозди. Видимо, я вытащил все — потому что дверь в кладовку была приоткрыта, и оттуда пахло мазутом, гнилью и ещё не пойми

чем. Стиснув гвоздодёр в одной руке и с керосиновой лампой в другой, я шагнул в кладовку.

Ничего особенного. Помещение два на три метра, большой деревянный ящик в углу и знакомый клетчатый плащ, лежащий поверх него. С побеленной стены на меня смотрела крупная фотография моей бабушки в какой-то мешкообразной одежде с непонятными витиеватыми символами на ней.

Я не понял, почему фотография висит здесь, а не со всей коллекцией в зале, но мне сильно захотелось уехать отсюда и как можно скорее. Керосинка и старинный фотоальбом были достаточными трофеями.

Однако вскоре страх прошёл и мне захотелось довести осмотр до конца. Я вскрыл инструментом деревянный ящик, на дне которого увидел свёрток, укутанный в тряпьё. Меня охватило будоражащее предчувствие, что добыча будет очень ценной. Я достал свёрток, развернул тряпки и обнаружил заботливо смазанный… пистолет Макарова и пару обойм к нему. Сами тряпки оказались пропитаны чем-то коричневым и давно высохшим, но это была не смазка. Я отложил гвоздодёр в сторону и приблизил лампу к тряпью.

«Похоже на высохшую кровь», — пронзила ужасная мысль, а пляшущее пламя керосинки тем временем отбрасывало жуткие тени вокруг меня. Наступил ногой на что-то твёрдое, выпирающее. В свете лампы рассмотрел деревянную крышку, ведущую в подпол. Залезть туда храбрости мне не хватило. Я лишь пнул ногой звякнувшее металлическое кольцо, закреплённое на крышке. Удивился его отполированному виду, оно выглядело так, как будто им постоянно пользовались.

Хлопнувшая позади дверь лишила меня остатков храбрости и желания вести дальнейшие поиски. С лампой и пистолетом в руках я со всей прыти понёсся к выходу из дома, минуя кухоньку.

Поворачивать голову и смотреть туда не стоило. Лучше бы я пробежал мимо кухни по коридорчику не вертя башкой. Однако я посмотрел, и, наверное, буду жалеть об этом всю жизнь.

Мой привычный мир перестал быть таковым. На верёвке, прикреплённой к крюку на потолке, болталась моя новая бабушка, а на деревянном колченогом стуле, запрокинув навзничь разбитую голову, сидел мой утренний курьер.

Но и это не было кошмарным финалом происходящего. Бабушка повернулась ко мне на неестественно вытянутой шее и призывно протянула руки в моём направлении. Поднялся со стула мужчина с уцелевшей половиной головы и двинулся ко мне. В них не было ни капли жизни, но они шевелились.

Меня окатило ледяной волной ужаса. Тянувшиеся ко мне склизкие тёмные пальцы со сползающими ногтями были омерзительны, но веревка не пускала тело бабушки близко ко мне. А от мужчины с разбитым черепом и тёмными невидящими провалами глаз стоило немедленно спасаться бегством.

Я рванул на веранду, ко входной двери, и вдруг упёрся в неё. Она не открылась ни на миллиметр. Будто кто-то держал её снаружи.

Паника заполнила меня, голова отказывалась работать и воспринимать то, чего не должно существовать, однако включился инстинкт самосохранения.

Поднырнув под цепкую руку мертвеца и стараясь не слушать возникший из ниоткуда и давящий на уши шёпот, я проскочил обратно в зал. По пути я увидел в проёме кладовки от-

крывающуюся крышку подпола, из-под которой выбиралось наружу нечто ещё более отвратительное.

Выбежав в зал, я швырнул пистолет и погасшую лампу, затем схватил с пола и запустил тумбочку в оконный переплёт. После этого, под звон разбившегося стекла вывалился в палисадник, порезав при этом плечо.

К несчастью, палисадник не был спасением: из окна вслед за мной потянулся чёрный дым с зелёными искрами, обволок мне ноги и стал подниматься выше. Я хотел бежать, но едва мог шагать, увязая словно в болоте.

— Мы ждали тебя, Максимка… Вернись к бабушке… — леденящий шепот сверлил мою голову и звал меня обратно в дом, полный злобных чудовищ.

В этот момент, к собственному ужасу, я ничего не мог сделать: моё тело самостоятельно развернулось и пошагало в направлении входной двери. Лохматый пес, напугавший меня днём, молча стоял чуть поодаль, не сводя с меня жёлтых светящихся глаз.

Если бы собака могла обладать дьявольской

улыбкой, то как раз этим выражением можно было точно описать, как выглядела её клыкастая пасть.

Меня спас налетевший сильный порыв ветра, развеявший окутывающий меня парализующий дым. Голова прояснилась за секунду, и я бросился бежать, спасая свою жизнь и, возможно, душу. На ум мне пришло только одно место для спасения.

Я забежал во двор соседки, практически вышибив входную калитку. По пути зацепил стоявшие вёдра и выварку. Загремело прилично. Естественно, она тут же выглянула на шум. Я долго не мог отдышаться, пока старушка не приложила мне ко лбу полотенце, смоченное холодной водой.

— Вот молодежь неслухмяная! Говорила же, не ночуй там! — причитала бабка. — Семь человек за последние годы пропали в деревне, и люди на твою умершую Нину, то есть на бабку твою грешат. И участковый наш пропал, Фёдор. Говорила я ему не лезть в это дело, а он всё вокруг дома Нины рыскал.

Я молчал, размышляя о тот, что она говорила. Что-то мне не нравилось и в ней. Ключи от машины лежали в моем кармане шорт, повезло, что не выпали, когда я кувыркнулся в окно. Все добытые

трофеи я оставил в доме, но идти туда за ними, одному, ночью, меня ничто не могло заставить.

— Она всё со своим сынком Андреем сидела и с людьми не общалась особо. Его в магазин за продуктами всегда посылала с Шариком: большая, черная псина такая, — продолжала соседка.

— Видел вашего Шарика, чуть не сожрал меня, — буркнул я.

— Как же ты видел, если он подох в одно время с ней? Почтальонша пришла с пенсией, а она висит на веревке. У Андрея полбашки нет. Что у них там случилось — неизвестно. Вот почтальонша орала-то, слышно было на другом конце деревни, — бабка яростно перекрестилась и перекрестила меня на всякий случай.

— Наверное, померещилось, — неуверенно сказал я, чтобы не выглядеть совсем сумасшедшим.

— Видно, от того, что я тебе рассказала, — впервые за всё время улыбнулась старушка. — Поглядим днём, вместе сходим с тобой.

— Э нет, давайте походы в этот дом без меня. И вообще, уже светает. Я поеду домой. Ключи в замке там остались. Я пришлю человека с доверенностью, когда клиента для продажи най-

ду, — наотрез отказался я и снова почувствовал что что-то не так. Старуха не отрывала жадного взгляда от сочащейся крови из пореза на моём плече. Её лицо стало странным, она склонилась ко мне и будто принюхивалась к запаху крови.

— Ну ты посиди, я за бинтом и перекисью схожу. Не ходи никуда, обработать надо, — протянула бабка изменившимся голосом и вышла в другую комнату. Загремела выдвигаемыми ящиками, ища медикаменты.

На глаза мне попалась старая квитанция по оплате за коммунальные платежи. Плательщиком значилась Киреева Вера Ивановна. Я моментально сопоставил факты, и они мне не понравились.

«Никак она родственница моей жуткой бабки? Ага, буду сидеть и ждать! Здесь все ненормальные!» — сделал вывод я и, покинув дом соседки, совершил стремительную пробежку к своей машине.

Машина завелась мгновенно. Вырыв задними колесами комья земли и травы, я рванул на полном газу из этой проклятой деревни. Боковым зрением увидел ощерившееся лицо соседки в окне, провожающее меня ненавидящим

взглядом. Я не знал, зачем эта кошмарная гоп-компания пыталась заманить меня в деревню, но и думать даже про это не хотел. Меня не удивляли полное отсутствие людей и заболоченный, грязный пруд с тошнотворным запахом, вместо опрятного населённика и чистого пляжа с шашлыками, которые я видел днём. В покосившихся окнах старых, разваливающихся домов поблёскивали зелёные искры в клубящемся чёрном дыму, отступающим перед лучами встающего солнца.

Начинался новый день. Однако сколько бы их ни наступило, я не вернусь сюда больше. Чёрт с ними, с деньгами…

В сарае

Весь июнь Петька проводил у дедушки в деревне, пока его родители торчали с утра до вечера в жарком офисе с то и дело ломающимися кондиционерами. За Петьку родители не беспокоились: в одиннадцать лет подросток был рассудительным, имел кучу друзей, которые жили и в городе, и в деревне, до которой рукой из города подать. Десять минут на велосипеде, и Петя уже там, с ним возится мастеровой дед, которого мальчик обожал. Или он до вечера гонял на свежем воздухе с друзьями. Всяко лучше, чем летом в городе сидеть. Вечером, к приезду родителей с работы, Петька возвращался и рассказывал о своих приключениях папе и маме. Усталые родители с удовольствием слушали, улыбались. Но этим летом почему-то каждый его рассказ сопровождался их грустным видом. Мама один раз даже всплакнула; Петя думал, что это от того, что им приходится торчать в городе, где нет такой свободы, как у деда в деревне.

В деревне было классно: прекрасная природа, веселые друзья, а главное — никогда не унива-

ющий дед, который учил мальчишку всему, что сам умел. Очень радовался, когда у Пети начинало получаться. Иногда они с дедом ходили на рыбалку на несколько небольших водоёмов в лесу, примыкающему к деревне. Ходили обычно после обеда, когда одурманенные жарой караси как бешенные хватали любую наживку. На рыбалке они были только вдвоём. В городе дед бывать тоже не любил, и последний раз бывал у родителей Петьки в апреле.

— Третий на рыбалке — лишний, — всегда поговаривал дед. Петька с ним не спорил и ни разу не позвал порыбачить друзей.

Вместе они варили вкуснейшую уху, а часть добычи потрошили, солили и, проткнув проволокой, гроздьями развешивали вялиться на солнце. От рыбы приходилось прогонять приставучих ос, но это тоже было интересным занятием для мальчугана, чувствовавшего на себе важность возложенной на него миссии. А как сухой, соленой таранке радовался отец, когда Петя притаскивал домой очередную партию рыбки для его пива! Он хвалил сына и говорил, что такой в магазине не купишь, а мама согласно кивала.

А ещё у деда была настоящая сокровищница: старый обветшавший сарай, где дед хранил ку-

чу всякой раритетной утвари в бесчисленных ящиках, привезённых ещё со времен его службы в Венгрии. Дел был отставным военным. В пыльном сарае было множество интереснейших изделий, и не до всех Петьку дед допускал. Впрочем, ему было позволено заглянуть в некоторые армейские зелёные ящики, забитые укутанной в вощеную бумагу посудой, хрустальными люстрами, советской военной формой и обувью, упаковками стеариновых свечей и множеством совсем непонятных мальчишке вещей.

Там же у деда стоял мотоцикл «Чезет», который дед обещал подарить внуку, когда тот подрастет. Сам он на нём ездил мало, а этим летом и вовсе почти все время сидел дома, выбираясь только на редкие рыбалки. Петька таскал ему продукты из магазина и с удовольствием помогал готовить нехитрую еду. В сарае мальчику без присмотра деда было копаться запрещено, но дети есть дети.

Когда дед засыпал в любимом кресле-качалке, уронив журнал или газету на колени, Петька отправлялся в запретный сарай и понемногу таскал оттуда всякие мелочи, которые обменивал на какие-нибудь безделушки у местных мальчишек. Потом его каждый раз мучила совесть, и он во всём признавался деду. Тот не сердился, но всё

время повторял, чтобы мальчик не лез в дальние углы сарая, и если уж роется в ящиках, то только с краешка и недолго. В таком равновесии и проходила сарайная эпопея. Найденных интересных вещей Петьке вполне хватало, хотя его нет-нет, да и тянуло обследовать дальние углы. Но он до поры до времени не хотел расстраивать дедушку и потерять доступ в частично запретный сарай.

К тому же дед ещё шестилетнему Петьке рассказывал о живущем в сарае монстре и называл его смешным словом «лидерц», говорил, что тот напоминает огромного уродливого цыплёнка и пьёт кровь. Якобы монстр по ночам уничтожает мышей и крыс в сарае и в остальных дворовых постройках, а днём спит среди ящиков в дальнем углу сарая. Петя смеялся, ведь он даже и слово такое выговорить не мог. Однако при посещении сарая, где не было электричества и можно было шарить по ящикам только с фонариком, ему иногда чудилась в полутьме жутковатая тень крупной, без перьев, птицы, действительно напоминавшей гигантского цыпленка. В такие моменты мальчик быстро сворачивал поисковые занятия и уходил из сарая, переключая кипучую деятельность на что-то другое.

Иногда, очень редко, в сарае ему попадались

крысы, и тогда он довольный шёл к деду и говорил, что выдуманный им монстр не выполняет свою работу. Дед деланно хмурился и обещал парнишке, что обязательно поговорит с лидерцем и заставит его выполнять обязанности. Отец тоже был в курсе про сарайного монстра и как-то матери говорил, что одинокому деду больше не с кем общаться, а их редких посещений ему не хватает, вот он и выдумал себе монстра, ну и чтобы Петька не сильно наглел.

Петя был с ним согласен. Не про то, что он наглеет, конечно, а про то, что дед — выдумщик. Но в моменты, когда ему мерещилась тень с хищным клювом, всё равно сбегал. Это стало своеобразной повторяющейся игрой. Происходила она примерно раз в неделю, а этом июне жуткая тень цыплёнка-переростка виделась ему чуть ли не через день, то есть почти всегда, когда он посещал сарай. А дед последние пару недель почти всё время спал. Только пару раз с ним сходили на рыбалку. И он почти не ел, сидел, смотрел и радовался как внук поглощает пищу.

Воспользовавшись сном пожилого родственника, Петька наконец решился на подробное обследование дальних ящиков. Будет что рассказать друзьям, и главное — что показать.

В тот жаркий июньский день, после обеда, Петя удостоверился, что дедушка крепко спит, напихал в карманы вкусных печенек, взял фонарик и запасные батарейки и отправился на дело. Он был взбудоражен, нетерпение целиком наполнило его. Петя был на все сто уверен, что найдёт нечто очень любопытное, такое, что мальчишки ахнут.

Через пару минут мальчуган пробирался среди завалов зелёных ящиков, пахнущих сыростью и старой одеждой. Он светил себе под ноги и по сторонам фонариком и удивлялся, как велик внутри сарай. И чем дальше он заходил, тем он больше ему казался. По всем расчетам Петя уже дважды прошёл сарай во всю длину, но только сейчас приблизился к дальнему заветному углу. Он рассчитывал там найти очередную кладку старых ящиков или один большой, запертый на надёжный навесной замок сундук, и тогда нужно будет придумывать новый план, как его вскрыть или перепилить ножовкой по металлу. Попутно жевал имбирное печенье, которое обожал.

Но не было никакого ящика или сундука. Когда справа и слева от юного исследователя закончились стены деревянного лабиринта, перед ним предстала лишь мусорная куча, состоящая из тряпья, грязных перьев, обломков досок и шифе-

ра, каких-то металлических ржавых штуковин. Затхлый запах, стоявший здесь, напоминал вонь от палёных перьев и компостной ямы одновременно.

Петя разочарованно хмыкнул. И дед не допускал его сюда из-за этого? Ему стало обидно, хотя он давно говорил, что дедушка выдумывает. Однако мог хотя бы для приличия поставить ящик и набить похожим содержимым, как те остальные. Или просто взять один из них. Ещё немного продлить интригу. Сплошное разочарование.

Когда Петя собирался развернуться и уйти, под его ногами захрустело. Он направил луч света вниз, чтобы разглядеть причину. На фоне серого земляного пола он увидел множество мелких белых косточек, а среди них несколько крохотных черепов, принадлежавших мелким грызунам. Чуть поодаль валялся черепок покрупнее, похожий на собачий. Петю пробрал озноб — вот откуда запах. И среди гнилья, в той куче, подобной гадости, наверное, много.

Пока он размышлял об этом, за его спиной зашуршало и громко пискнуло. Петя автоматически снова развернулся к куче в углу, рассчитывая увидеть как минимум десяток крыс, настолько интенсивным было шевеление хлама в дрожа-

щем концентрическом свете фонаря. Но хлам взъерошился ещё сильнее, особо активизировался на макушке горки и… оттуда высунулась уродливая птичья голова на тонкой, длинной шее. Впрочем, она была тонкой относительно остального тела, раздвинувшего собой мусор. Еще пара секунд, и над Петей высился птицеподобный монстр, напоминающий головой и шеей гигантского индюка. Только ни у одного индюка нет подобных раскалённым углям глаз и клюва размером с ладонь взрослого человека, усеянного внутри сонмом острейших зубов. В остальном существо действительно напоминало ощипанного и громоздкого цыпленка-переростка, и именно его тень он видел всё время в сарае, приписывая её впоследствии своему воображению. Чудовище угрожающе заклекотало, и мальчик попятился, пересилив нарастающую слабость в ногах и панику.

Однако он упёрся спиной в стену из деревянных ящиков и его взгляд заметался по сторонам вместе с бегающим лучом фонаря. Повсюду он натыкался на стены, никакого прохода, кроме одного — на пути к жуткому монстру. А тот уже двигался к нему, давя хрупкие косточки грызунов сильными ногами, покрытыми роговыми

пластинами.

Единственной мыслью, возникшей у мальчика, было попробовать задобрить это нечто, вылезшее из хлама, и он вывернул карманы. Избавляя их от печенек, Петя бросил еду перед монстром. Тот на секунду остановился, опустил уродливую цыплячью башку к подношению, валявшемуся на полу, клюнул печенье пару раз. Не оценив вкусняшки, существо ещё громче заклокотало и стремительно прыгнуло на подростка, вмиг прижав его к стене из ящиков.

Монстр оказался невероятно тяжелым, отодвинуть его Петя никак не мог, даже учитывая, что гадина стояла на одной ноге. Второй лапой, не уступающей по толщине руке мальчика, но куда более сильной, обитатель сарая придавил руку Пети к доске и впился в неё зубастым клювом. Передние маленькие лапки, заменяющие чудищу крылья бесполезно и бессильно болтались. Боль от укуса клювом была острой, пронзительной, по руке потекло горячее, закапало на пыльный пол и мальчик завопил, поняв, что это его кровь. Это существо пило его кровь и останавливаться не собиралось! Ему не нужны были печеньки.

— Чу, образина! А ну отпусти внука! — услышал Петя, когда перед глазами начало темнеть.

Тварь отклеилась от его раненой руки и повернула жуткую голову туда, где во вновь образовавшемся проходе забрезжил свет. Однако выпускать она добычу не собиралась. Петя не видел человека за слепящим светом фонаря, видел только его немного сгорбленный силуэт и занесенный для удара колун. Это был дед. Некому было больше прийти к нему на помощь.

— Деда, он кровь пил, — жалобно просипел мальчик, не узнавая своего голоса.

— Ах ты скотина пернатая! Я же тебя малышом увёз от верной смерти. Сожгли бы к черту, а я пожалел — ты же достаток и безопасность в дом несёшь. Не отпустишь внука, зарублю и спалю! — дед был в ярости и подступал ближе. Петя никогда не видел его таким. И почему он разговаривает с этим? Разве оно может понимать?

Чудовище недовольно заклокотало, но всё также не отпускало мальчика. Напротив, оно снова приникло к руке Пети, чтобы продолжить кровавую трапезу.

— Не сговоримся, значит, по-хорошему, гадина! Ну что же, слушай мой приказ тогда — иди и вылови всех мышей и крыс по всему району. За день! Не выполнить ты не можешь, но и выполнить тоже! Таковы правила! И ты знаешь, каков

я теперь! — голос деда грохотал на весь сарай.

К радостному изумлению Пети монстр резко сник, отодвинулся от него и стремглав, едва не зацепив в проходе дедушку, кинулся к выходу. Ящики замельтешили, сдвигаясь в странном порядке, и образовали длинный тоннель, ведущий к самому выходу из сарая. Луч света от дедова фонаря бил в ощипанный зад птичьей туши. Существо стремилось покинуть сарай, но, не добежав совсем немного до выхода, вдруг упало на бок, задрыгало ногами, раздулось втрое больше исходного и лопнуло! Кровавые ошметки обдали всё вокруг отвратительным веером. Петя, позабыв о боли в руке, подумал о том, что «как хорошо, что его с дедом не задело этим фонтаном».

— Дедушка, он сдох? Кто он такой? Почему он тебя послушал и почему лопнул? — сыпал вопросами мальчик, когда дед вёл его к дому, чтобы обработать и перевязать рану. Сейчас она напоминала сеть мелких точек-проколов на запястье, хотя Петя с перепугу думал, что тварь попутно с поглощением крови отхватила от него целый кусок. Да и не так много выпила, раз он уже твердо стоял на ногах.

Дед ответил только тогда, когда закончил лечебную процедуру.

— А он мне подчинялся. Пользу приносил, но на его территорию соваться нельзя было. Из Венгрии я его привёз, совсем крохотного спас от тамошних крестьян, сорок лет уж прошло с тех пор. Или больше уже. Вёл он себя прилично, хоть и благ несметных как в легенде не дал. Но и не бедствовали мы, и не болел в семье никто никогда. Однако бес он и есть бес. Повернуло его, видать, когда ты к нему пришёл. Ещё крепче повернуло, когда кровь он твою вкусил. Так-то его сородичи питаются звериной кровью и совсем понемногу, им хватает. А убить его просто так нельзя, только сжечь сильным огнем или приказ дать, который он выполнить не может. Вот он и побежал выполнять, а осознав, что не выполнить ему — лопнул и в ад отправился. Ну или куда уходят такие как он…

Петя слушал и не понимал половины из того, что говорит дед. Рука начала ныть, и мальчик всхлипнул, хотя дед предупредил, что всё нормально: поболит пару дней и пройдет. Добавил, что не смотря на кажущуюся мерзость, лидерцы стерильны и не переносят болезней. Но мальчишке было не объяснений дедушки.

— Я к маме хочу. Отведи меня! — попросил он деда.

— Нет внучек, один иди, я не могу, — отказался тот.

— Ну почему? Ты у нас давно не был! У меня вон рука ранена!

— Маленькая ранка. Тут не далеко, садись на велосипед и едь, как раз родители с работы прийти должны! — не уступил дед.

Обиженный Петя взгромоздился на велосипед и покатил в сторону города, до которого и правда было недалеко. А дед грустно посмотрел ему вслед от ворот, покачал головой и скрылся за дверью дома.

Через полчаса Петя взахлёб рассказывал маме и отцу о случившемся с ним происшествии, то и дело показывая перевязанное запястье в качестве доказательства. Родители тревожно переглядывались между собой и были явно напряжены.

— Сынок, понимаешь… — начала мама, поглаживая мальчика по голове. — Дедушка, он…

— Так, погоди. Я сам! — оборвал её отец. — Слушай сын, ты уже взрослый. Знаешь, что люди умирают. Твой дедушка умер ещё два месяца назад. Мы с мамой решили тебе попозже сказать, что его нет. Знаем же как ты его любил. Да видно передержали с вопросом, вон у тебя как в голове отложилось, что ты деда видишь. Мы думали,

ты с ребятами в деревне как обычно играешь, ты же у нас самостоятельный. В общем, прости сын, но такие вот дела. А это все пройдет: и ранка, и впечатлительность. А за дедушку мы свечку поставим на днях. С нами в церковь пойдешь.

Петя слушал и не верил тому, что родители говорят. Но он был сообразительным и быстро понял, что они не обманывают. Всё сходилось: и то, что дед давно у них не был, не ходил в магазин, не пошел провожать его, перепуганного, до дома. Вспомнились и другие мелочи. Однако мальчик не понимал, кто его тогда спас, и если это и вправду был дед, то как у него получилось.

Не находя разумного ответа, мальчик всхлипнул, сказал родителям, что всё понял, и ушёл в свою комнату. Мама на всякий случай зашла к нему, убедилась, что Петя лёг и моментально уснул, затем вернулась к мужу.

— Что ты обо всём этом думаешь? — спросила она, взяв его за руку.

— А что тут думать? — рассердился тот, но быстро взял себя в руки. — Мальчик умный, но впечатлительный. К деду так привык, что придумал его и после смерти.

— А в сарае, что было?

— Да поранился среди хлама твоего отца, вот и

всё. Кстати, есть покупатель на дом в деревне, — ответил муж, уведя взгляд в сторону.

— А перевязал его кто? Умело перевязано, сам бы он так не смог! — не унималась жена.

— Да мало ли кто увидел мальчишку с ранкой и помог. Спасибо доброму человеку! Но ты права, нам надо больше внимания сыну уделить. Ничего, через две недели на море поедем, с него эта морочь мигом слетит от новых впечатлений. Море — это классно! — завершил разговор отец Пети.

Когда родители замолчали, Петя потихоньку прикрыл дверь в свою комнату. Щёлочка, через которую он подсматривал и подслушивал, была совсем незаметной.

«Раз они так говорят, значит так и есть», — подумал мальчик. И вдруг ему стало очень легко. Решение, которое предложили родители, было хоть и печальным, но вполне понятным. И что самое важное — в нём совсем не было места монстрам с уродливой куриной головой…

Шухари

Я столкнулся с ними в июне 2017 года. Разглядывая этих существ во время инцидента, я изначально принял их за стайку кошек, собак, бобров, ну не знаю, какая ещё живность может водиться в деревне. В фауне Центрального Черноземья я разбираюсь плохо, впрочем, и про остальных животных я имею только общее представление. Я городской житель, видевших зверей только в зоопарке за безопасной решеткой.

Наверное, они больше всего были похожи на прямоходячих собак, таких мохнатых, крепких, клыкастых. Если бы не их странные головы. В стоячем положении эти существа мне ростом до колена, примерно. Местные называют их странным словом «Шухари», и это показалось поначалу смешным, как и другие байки, тут же рассказанные мне дотошными соседками моей тетки Тамары, как только я приехал к ней по делам на своей потрёпанной машинке.

Дел, собственно, предстояло немного. Пока стояло тёплое время года, мне нужно было оценить тепловой контур дома моей родственницы,

заказать нужное оборудование (я в этом неплохо разбираюсь) и через месячишко приехать и установить всё нужное с парой помощников. Осмотреть дом, прикинуть и прямо со смартфона заказать всё нужное — на это ушел максимум час. Я прогулялся по двору, дошёл до окрашенного в синий цвет штакетника, за которым сразу начиналось травяное поле, тянущееся до самых холмов вдалеке, полюбовался природой. Высокая трава была похожа на зелёное море, её стебли колыхались под лёгким ветерком.

Затем я отправился покурить на лавочку за забор, где и встретился с любопытными старушками, тут же явившимися поболтать с редким городским гостем. Две пёстро одетые женщины тараторили без умолку, а я только слушал, посмеивался и кивал.

Поведали они мне следующее:

— Ты, Сереженька, осторожен будь, ночью за калитку ни ногой. Шухарей у нас век не было, старый Мироныч говорит, ему про них ещё его дед рассказывал. Мол, живут они на старом погосте, на Голом холме за деревней. С виду на собак похожи, но голова больше на человеческую смахивает, а хвост длинный и голый как у крысы. Живут под землёй в норах, грызут древние кости,

мышей, червей всяких ловят. Тем и питаются. Людей не любят, прячутся от них, но при опасности для себя или в обиде могут и напасть стаей. В дома однако лезть не смеют, даже если дверь открыта. У нас старики до революции им носили подношения небольшие в виде цыплят, зерна, творога. Несмотря на то, что тогда в селе церковь стояла. Считалось, что урожай хороший будет. Потом перестали носить им еду, и больше не видели их.

А месяц назад люди в оранжевых спецовках приехали, погост техникой чистить стали от кустарника, остатков старых могил, дорогу гравием просыпать. Вроде как вышку мобильной связи на холме установить к осени хотят и ещё здание рядом. Дело-то благое, но начала мелкая живность пропадать в хозяйствах, а неделю тому назад старая Пахомовна собирала землянику неподалёку от холма и пропала. Через день нашли её обглоданный скелет, окровавленное тряпьё и бидон с ягодой. Полиция, егеря, местное начальство — все там были. Списали на забредшую стаю волков. Побродили по окрестностям, порыскали. Никакого хищного зверья. Мироныч и рассказал всем, что это шухарей проделки, и пока не изведут их, житья нам не будет. Только поди их выгони, тун-

нелей-то за века нарыли небось по всей округе. Одному-двум мужикам на холм соваться боязно, а большой толпе они и не покажутся.

— Так, может, и вправду волки шалят, а птицу вашу таскают куницы или лисы? — прервал я распалившуюся от эмоций и жары старую женщину.

— Ну, знаешь, мы к тебе тут со всей душой, предостеречь решили, а ты говоришь, что врём мы, сплетничаем, — обиженно уперев руки в бока, одна из соседок отодвинулась на метр от неблагодарного слушателя. — Пойдём-ка Петровна, пусть Тамара сама своему племянничку разъяснит, что да как.

Не успел я остановить разобиженных старушек и объяснить своё недоверие, как они, взявшись за руки словно маленькие девочки, засеменили в сторону раскидистых вишен, дающих спасительную тень. Я усмехнулся, пожал плечами, выбросил окурок в ведро, служащее урной, и вернулся в дом, где тётка уже выставила на стол ледяную окрошку на квасе. Моя любимая летняя еда.

— Чего эти старые сплетницы от тебя хотели? — спросила тётя, подкладывая мне пару кусочков домашнего черного хлеба.

— Про шухарей каких-то рассказывали, — улыбнулся я, приступая к еде.

— Много чего рассказывают, — поджав губы сказала тётка, так и не удостоив меня толковым ответом про местную байку. — Серёж, а ты можешь поехать завтра утром, а не сегодня? Мне в райцентр по делам надо, автобус рано приходит, а мне с тобой бы, на машине…

— Да никаких проблем, тёть Том, — согласился я.

Тётка торопливо собрала какие-то вещи из буфета и вышла из кухни. Я же доел и отправился в небольшой сад за домом, чтобы поболтаться в гамаке, подвешенном в тени плодовых деревьев. Разомлев после вкусного обеда, я прикрыл глаза и задремал, отстранившись от своих проблем и городской суеты.

Проспал я почти до самого вечера, затем решил проведать старого знакомого. Тётке ничего не сказал. Сходил к старику Петровичу, помог поправить забор, поболтал с ним около часа и уже в потёмках возвращался к тётке на ночёвку. Несколько мутно светящих и облепленных мошкарой фонарей слегка освещали мой путь в несколько сотен метров, но дорога мне была известна с детства, и я нашёл бы тёткин дом в

кромешной темноте.

Я шёл, насвистывая себе под нос весёлую песенку, чем то и дело раздражал лающих за заборами собак. Чистейшее звёздное небо над головой настраивало на некий мистический, глубинный лад, заставляя задуматься о том, насколько же мы оторвались от настоящей жизни в своих городских коробках.

Мой идиллический поход был неожиданно прерван острой болью в правой голени. Совсем не по-мужски взвигнув, я присел на корточки, прижав рукой больное место. Между пальцами потекло горячее, и я нащупал дырку в мышце размером с грецкий орех. Краем глаза увидел, как от меня в темноту шарахнулась в сторону худощавая низкая тень. Я подобрал с земли увесистый камень, привстал и охнул. Капец, раз меня укусила псина, то впаяют мне теперь месяц уколов от бешенства, а про алкоголь на свадьбе у друга можно забыть.

Из кустов под забором раздалось злобное ворчание, совсем непохожее на собачий рык. Скорее в нём прослушивалась бессвязная человеческая речь. Я уже было подумал, что у меня ум за разум от шока зашел, но тут лампочка придорожного фонаря заморгала и разгорелась сильнее. Свет

вырвал из полумрака собравшихся в небольшую стаю четырёх странных мохнатых существ, стоявших столбом подобно сусликам и пожирающих меня широко посаженными, фосфоресцирующими, жёлтыми глазами. От их жутких оскаленных морд, похожих на сморщенные стариковские лица, меня прошила ледяная дрожь.

— Шухари! Господи Боже! — непроизвольно вырвалось у меня из сдавленного ужасом горла. Рука сама метнула в тварей подобранный камень. Вопль, полный злости, оповестил меня, что я чертовски удачливый метатель камней. Но упиваться своей меткостью было некогда, ноги сами понесли меня прочь от рванувших ко мне монстров в сторону тёткиного дома.

Бежать было около двухсот метров, и я нёсся, побивая все мыслимые и немыслимые рекорды в скорости. Частый топот небольших лапок преследовал меня по пятам, но я не позволил себе оглянуться. Их стало больше, они гнались теперь не только позади меня, но и справа, и слева. Воображение рисовало не менее полусотни монстров, жаждущих порвать меня на клочки.

Олимпийским прыжком я перемахнул через тёткин забор, пулей влетел на веранду, рванул на себя дверь, заскочил внутрь помещения и закрыл

её за собой. Без сил опустился на дощатый пол.

— Ты чего телефон с собой не взял? Я звонила тебе! Ох, батюшки, — тётка не спала и тут же принялась обрабатывать рану на моей ноге. — Говорили же тебе, что ночью опасно. Я сама собиралась за тобой идти, но испугалась, да подумала, что пронесёт в этот раз…

Я помалкивал и терпел, пока тётка перетягивала раненную голень бинтом. Потом выдал:

— Тёть Том, раз полиция с этой пакостью справиться не может, то собирайте вещи и поедемте со мной, когда рассветёт. Здесь оставаться нельзя! Тут армию надо вызывать, раз полиция с егерями ни беса не сделала.

— Нет, не поеду, — она закончила перевязку, отодвинулась от меня и критически осмотрела свою работу. — Деды говорят, что когда большая стройка начнётся и фундамент заложат, они уйдут сами. Вышки мобильной связи они и вовсе не переносят. Потерпим.

— И что, будете по вечерам и ночам по домам сидеть? В туалет во дворе даже не выйти! — я начал уже злиться на её упрямство.

— Значит, будем, — спокойно сказала она. — По нужде и ведро на веранде сгодится. И армию нельзя звать, по поверьям если их перебить, то

беды и несчастья ещё худшие начнутся.

Я хотел напомнить ей, что и скотина страдает, и старуха жертвой шухарей стала, но смолчал. Что она не знает, что ли, об этом? Хотят жить рядом с этой пакостью, пусть живут.

— Ну как нога? — спросила она.

— Получше, — ответил я, походив туда-сюда по комнате и набравшись храбрости. — Пойду ворота проверю, хорошо ли закрыты.

— Не стоит. Они кровь чуют издалека, сто процентов во дворе тебя ждут, сидят в саду или за сараем. Про туалет я тебе уже тоже сказала, — холодно проговорила тётя.

Не поверив ей, я подошёл к окну, отдёрнул занавеску. Жёлтые кругляши глаз маленьких чудовищ были повсюду: возле забора, у стены сарая, даже на любимой тёткиной лавке. Сидели и ждали меня. Я поспешил задернуть занавеску.

— Сидят? — спросила меня тётя.

— Сидят, — хмуро ответил я.

— Ну иди спи, будильник не ставь. Сама тебя разбужу.

Я согласился с ней и поплёлся на видавший виды, но удобный диван. На удивление быстро заснул, видно помнил, что шухарям в дом нельзя.

Утром проснулся бодрый, походил по выделен-

ной мне для ночлега комнате. Боль в ноге почти не ощущалась. Выглянул в окно. Ночная прохлада уже уступила место теплу, принесённому солнцем, повисшем в безоблачном бирюзовом небе. Вся деревня давно проснулась и была наполнена обыденной жизнью: где-то тарахтел трактор, по двору важно расхаживали куры, петух взгромоздился на топорище колуна, воткнутого в колоду, а с пастбища, которое начиналось в сотне шагов за домом тётки, доносилось мычание коров.

Будто и не было никакого ночного покушения на меня. Всё вокруг дышало невообразимым спокойствием и неспешностью, которую невозможно найти в городах.

— Проснулся соня? — тётя зашла в мою комнату, будто подглядывала в ожидании, когда я проснусь. — Пойдём завтракать, а то ехать скоро. В одиннадцать мне в МФЦ надо быть, а то без справки останусь.

— Успеем. Тут ехать-то двадцать минут до вашего райцентра, — успокоил её я. — Давайте завтрак.

На завтрак были вареные сардельки, восхитительные оладьи с клубничным вареньем и крепкий кофе, как я люблю.

— Забыла спросить, ты шухарей вчера не

обидел? — строго спросила тётя, глядя как я с аппетитом уплетаю завтрак.

— Вообще-то они мне ногу прокусили. А я после этого всего лишь камнем умудрился в одного залепить. Это смотря кто кого обидел! — возмутился я.

— Плохо. Они любят, чтобы при любом конфликте последнее слово за ними оставалось. Бесова гордость им приказывает, — погрустнела тетка. — Ну доедай, а я пошла собираться.

Я закончил завтрак, собрал дорожную сумку и вышел во двор, к машине.

— Тёть Том, я готов, поехали, — громогласно заявил я, загрузив сумку в багажник и расслаблено оперевшись на капот своего «Рено».

— Иду, дом закрываю, — донёсся до меня голос хозяйки.

Я собирался достать телефон из кармана, просмотреть, не было ли сообщений со вчерашнего дня, но ввиду внезапно возникшей криворукости выронил его себе под ноги.

Тихонько выругавшись, я наклонился поднять телефон и тут же над моей головой просвистело что-то и врезалось в лобовое стекло, оставив на нем внушительную трещину. Камень размером с кулак с грохотом скатился по капоту, пока я оше-

ломленно пытался рассмотреть, откуда прилетел мне такой «подарок»».

И тут я снова увидел их, то есть шухарей. В тени сарая, из-за поленницы высунулись три лохматые омерзительные физиономии. Они скалили жёлтые клыки, пасти были растянуты в жутких ухмылках. Мелкие монстры были явно довольны собой.

Это всё что я успел разглядеть перед тем, как следующий камень угодил мне под правый глаз. Острая боль и вспышка заставали меня потерять всякий рационализм и яростно броситься на шухарей с колуном, выхваченным по пути из колоды.

— Серёжка, стой! Не надо! Пусть уходят! — тётка, увидевшая эту сцену с крыльца, аки гепард подбежала ко мне и повисла на руке, сжимающей топорище. Тем временем трое наглецов, воспользовавшись ситуацией, один за другим, визжа как поросята, перекувыркнулись через штакетник и устремились в сторону Лысого холма. Высокая трава почти сразу поглотила их, и только три шевелящиеся травяные дорожки выдавали присутствие улепётывающих бесов. Оставленный ими след быстро исчезал, скрываясь под живым ковром природы.

— Всё, племяш. Будем считать, что вы в расчете. Поехали уже! — тараторила взволнованная тётя, опасаясь, что я рвану за шухарями в погоню.

— Ладно, — бурчал я, осторожно потрогав рукой заплывающий глаз и направляясь к машине. — Извините, тёть Том, но вы все здесь немного того, не в норме. Что люди, что бесята эти. Живите тут, как хотите. Я свое дело сделаю, что обещал, и ноги моей здесь не будет больше. Поехали, а то и правда опоздаем.

Через пару минут я уже катил на полной скорости в сторону райцентра, глядя на дорогу через треснувшее лобовое стекло. Синяк под глазом — это ладно, но с ногой мне предстоял обязательный визит к доктору, где я уже решил соврать, что меня укусила обычная собака. Хотя след от укуса на собачий никак не походил. Но не говорить же в поликлинике, что на меня могильные бесы напали. Совсем в другое заведение направить могут. А мне такое вовсе ни к чему…

Наказание с того света

Я, как обычно, приехал на летний отпуск в деревню, где родился. Не как все нормальные люди, которые стараются поехать на море или куда-то подальше от места работы. Ну а моя деревня под самым городом, а там — домик, оставшийся от родителей. У меня есть некоторая особенность психики, я плохо переношу людей. Можно назвать меня интровертом, но я более гибок в обществе. С рабочими отношениями и с общением с девушками у меня проблем нет никаких, но вот отпуск люблю проводить в моей малолюдной деревне в одиночку.

Там народу мало совсем осталось, да и те заняты в летнюю пору своими делами. «Привет, пока, поход в магазин» — к этому сводится всё моё общение в деревне со знакомыми. Основное время я то на речке с удочкой, то в лес по грибы хожу, то в маленьком огородике копаюсь или в саду. Был у меня там друг, Колян Сазонов, жил по соседству и меня постоянно подкалывал, мол, чего ты как дед старый свой законный отпуск проводишь, тебе и тридцатки нет. Надо жить на всю катушку

и так далее. Сам-то Николай семьёй обзавелся в деревне: он механизатор, она секретарша в сельсовете. С женой ему, можно сказать, повезло — красивая, работящая. Детьми обзавестись не выходило почему-то.

Однако, как можно заметить, я упомянул про друга «был», а про его жену «можно сказать, повезло». Потому что в этот раз, едва я приехал в деревню, мне рассказал хороший знакомый, Санька Козлов, невероятную историю. Он перехватил меня сразу по приезду, я и к себе не успел зайти. Саня поведал мне следующее…

Нету больше моего друга Коли, помер он. Из-за жены, Екатерины, которая любовь закрутила с главой деревенской администрации (тот холостой), пока Колян впахивал с утра до ночи на местную агрокомпанию, арендующую у нас половину района сельхозугодий. Уехал как-то Николай на уборочную в ночь, да по пути из своего трактора увидел рядом с дорогой целые россыпи красивых полевых цветов. Остановился, набрал благоухающий приятными запахами букетик и решил жене приятное сделать, повёз цветы ей. Пожертвовал часом рабочего времени.

Ну а дома классическая ситуация: то ли глава сельсовета на его жене уже лежит, то ли наобо-

рот… Не долго думая, двинул Колян начальнику в морду, и не один раз, жене тоже перепало. Крику, воплей на всю деревню было. Бежал любовник от чужой жены через всю деревню в неглиже. Николай в расстроенных чувствах запрыгнул на свой «Урал» с коляской и понёсся сломя голову к трассе. В поворот за деревней не вписался и влетел со всего ходу в бетонный столб. Понятное дело, что без шлема был. Какой там шлем после подобной выходки жены. Разбил голову, шею сломал, правую ногу, короче, много травм как лёгких, так и несовместимых с жизнью получил. Похоронили Коляна вскоре.

А неверной жене и её любовнику хоть бы хны. Не прошло и недели с похорон, как глава стал к ней ночевать ходить каждый день. За спиной, конечно, все шушукались, но никто влазить в чужие дела не стал — в сельсовет же по-любому рано или поздно обращаться придётся. То справка, то выписка, то межевание, все вопросы через него. Думали, на этом история и закончится, сойдутся глава администрации и Екатерина для совместного проживания, ну а Коляну… что же, не повезло. Мало ли таких жизненных историй.

Но дело приняло совсем неожиданный поворот. В очередную ночёвку любовника у неверной

дамы, как только стемнело, из дома Сазонова послышался душераздирающий женский вопль, да такой, что сразу несколько мужиков из рядом стоящих домов повыскакивали. Двое из них, братья Никоненко, здоровенные бугаи, кинулись в дом Екатерины, из которого вопли доносились. К ним Санька Козлов присоединился. Нашли женщину, бьющуюся в истерике в своём дворе, возле крыльца, на освещённом подвесным фонарем месте. Та хрипит, глаза навыкате, пальцем во входную дверь тычет и лепечет, что Коля вернулся и главу сельсовета убил.

Братья переглянулись, один схватил топор, валявшийся тут же, второй подобрал увесистое полено и осторожно вошли в дом. Санька в это время Екатерину из двора повёл к соседям, валерьянкой отпаивать, пока мужики разберутся.

Однако мужики не разобрались. Сами пулей вылетели из сазоновского дома, чуть ли не визжа от ужаса и вооружение свое растеряв. Бросились к себе домой, крича остальным любопытным, чтобы в дома попрятались. А за ними из ворот вышел прихрамывающий силуэт и преспокойненько, припадая на правую ногу, прошёл всю деревенскую улицу. Как утверждали очевидцы, мужчина был бледным, в грязном костюме. Он

то и дело появлялся в местах, освещаемых редкими фонарями, потом снова пропадал во мраке. Хромой силуэт с покалеченной вмятой головой двигался в сторону кладбища, и никто не посмел выйти и остановить его.

Только через час выпившие для храбрости братья Никоненко, Санька и ещё пара крепких мужиков отправились на второй заход в дом Сазонова. Екатерина лежала без сил у соседей, не пошла с ними. Мужчины зашли в дом и увидели посиневшего и уже неживого любовника Екатерины у неё на кровати. Его грудная клетка была расплющена, лицо перекошено, изо рта, ушей и носа протянулись дорожки застывшей крови — последствия сдавливания невероятной силы. Впрочем, братья Никоненко рассказывали после, что видели погибшего в таком состоянии не в первый раз. Только тогда его обхватил тоже неживой Николай, в супружеской постели, на которую имел полное право. Сдавил до смерти. Оттого и бежали оттуда первый раз мужики, завидев такое зрелище, не укладывающееся в их разуме.

Вызвали полицию, началась суета, опросы-допросы. Дня два шухер стоял в деревне, всё искали таинственного убийцу, хотя местные жители

стражам правопорядка прямым текстом излагали суть произошедшего и отправляли на кладбище. Полицейские крутили пальцем у виска, однако на кладбище участкового заслали, глянуть на могилу Николая. Участковый, как и ожидалось, вернулся ни с чем. Сказал, что всё в порядке, даже венки на месте лежат, ничего особенного. Пока расследование застопорилось. Да и не нужно оно было деревенским, они-то были уверены, что Колян отомстил своему недругу.

Хотя по-моему мнению следовало наказать в первую очередь жену за измену. Которая, кстати, в город уехала, к родственникам. Там, болтают, с ума сошла и легла в психлечебницу. У мёртвых с наказаниями, очевидно, своя логика. Коля своё дело сделал и, решив, что достаточно, вернулся в могилу. Как это ему удалось, никто объяснить не сможет.

— Ну и как ты теперь тут отпуск проводить будешь с таким соседством? Мало ли опять домой наведается Колян, — ехидничал Санька, закончив рассказывать мне эту историю. — Езжай, как все люди, на море. Нервы целые будут.

— Да нормально отдохну и тут. Я ему ничего плохого не сделал, и вообще ему незачем возвращаться больше сюда, — возразил я рассказчику

и, попрощавшись, пошёл в свой двор.

Друга мне было бесконечно жаль, в отличие от той недобросовестной парочки. Но так сложилась жизнь, продлившаяся дольше положенного для Коляна, пусть и в иной форме…

Серёгина любовь

— Серёжка, сынок, ты бы мать пожалел, тридцатник тебе скоро, а ты за ум никак не возьмешься! Вон все твои друзья уже и женились, и детьми обзавелись, а ты что? — бодрая женщина лет пятидесяти в длинном, почти до земли, сарафане, наседала с укорами на крепко сложенного, рослого парня, копающегося в двигателе трактора. Жаркое августовское солнце нещадно припекало, но загорелый и привыкший к южной жаре Сергей словно не чувствовал палящих лучей и продолжал возиться с засбоившим стартером. А вот мать зудела у него над ухом как назойливый комар.

— Сенька уже троими детками хвалится, Митяня женился, и его жена первенца ждёт, у Василя через неделю свадьба, а ты то с Анькой из Селидово, то с Тонькой из Макаровки кувыркаешься. Тьфу, стыдоба! Вон, Танюшка Андреева, какая прекрасная пара тебе, разгильдяю! Женись, давай! — не унималась мать Сергея, приняв позу сахарницы и наступая на нерадивого сына.

— Мам, отстань. В твоей Танюшке под центнер веса, и не нравится она мне совсем, — начал

сердиться Сергей. — Иди к себе домой. Я завтра зайду.

Его мать, Валентина Васильевна, жила отдельно от сына на другом конце села, откуда парень переехал, подальше от чрезмерной опеки. С ней же проживал и отец Сергея, Никодим, одноногий инвалид, потерявший конечность в аварии ещё в молодости. Сын про родителей не забывал и успевал справляться с работой в обоих хозяйствах.

Валентина Васильевна, поняв, что и на этот раз пролоббировать кандидатуру дочери подруги-соседки её сыну не удалось, развернулась и пошла по утоптанной тропинке рядом с нагревшейся асфальтной полосой в направлении своего дома. Парень же, провозившись ещё с часок, победил сломавшийся трактор и попылил по грунтовке в сторону пшеничных полей. Он и так уже запаздывал на полдня, а бригадир Станислав, с прозвищем Борман, душу из него и так грозился вытрясти. Пока ехал, в очередной раз Сергею вспомнился его повторяющийся сон, где его обнимает незнакомая, но ослепительно красивая девушка. Он глотнул из полупустой полторашки прохладной воды и немного плеснул себе на лицо, прогоняя наваждение.

Трактор то и дело подбрасывало на дорожных ухабах, жара всё не спадала, в кабине летала, жужжа, назойливая муха. Лёгкие облачка иногда прятали солнце, но от пекла это не спасало.

Сергей преодолел половину пути к дальнему полю и весь погрузился в раздумья. «Дальними полями» местные называли все сельхозугодья по правую сторону речки, раскинувшиеся в десятке километров от Репьёвки, в которой жил Сергей. Молодой человек любил возиться с техникой, обожал ездить, любил свою работу и всецело отдавался ей, он находил в ней успокоение. Но сегодня что-то было не так, необычно скребло на душе предчувствие чего-то важного, что должно было в корне изменить жизнь Сергея. Почему это должно было произойти, парень объяснить не мог.

Он глядел перед собой на неровную ленту дороги с выжженой жарой травой на обочине и вдруг ему в голову пришла мысль, что мать не так-то и не права. Не Татьяна ему, конечно, была нужна, а кто-то другой, но определенно Сергею стала неожиданно небезразлична потенциальная семейная жизнь. Такого с ним прежде не бывало.

Пока он размышлял, пялясь на дорогу, небо вдруг затянуло тёмными, грозными тучами,

отливающими неестественным фиолетовым оттенком. Загремело вдалеке, с порывами ветра стал завиваться смерч, чего в этих местах совсем не бывало. Подивился Сергей такой быстрой смене погоды, но странные мысли его всё равно не отпускали. Смерч — штука опасная, но отчего-то парню не было страшно, он так и катил дальше по дороге, под звуки сухой грозы. Так и ехал, пока не добрался до смерча, переместившегося на дорогу и остановившегося на пути трактора. Тут двигатель трактора заработал с перебоями и совсем заглох.

Смерч, набравший к этому моменту с десяток метров в диаметре, истончился, поднялся выше к нависшим над местностью фиолетовым облакам, засветился вихрящимися жёлтыми кругляшами и исчез.

Но это было не всё: на его месте осталась стоять посреди дороги загадочная девушка. Девушка была необычной. У неё была точеная соблазнительная фигурка, чудной красоты лицо, волосы отдавали огненным светом, создавая ореол, а глаза сверкали подобно самым ярким звёздам. Она была поистине прекрасна и в то же время внушала неподотчётный страх.

Ошарашенный Сергей выбрался из кабины и неуверенно двинулся к ней, хотя сам ещё не понимал, какой вопрос задаст странной красавице. Впрочем, та взяла инициативу в свои руки.

— Привет, Серёжа! — улыбнулась она самой лучезарной улыбкой, которую видел в своей жизни молодой человек. — Я та, которая тебе нужна, которую ты ждал всегда, и вот я здесь.

— Ааа, кто ты? — запинаясь, спросил тракторист, остановившись в метре от неё.

— Я Лилия, демонесса первого уровня, я приходила к тебе во сне, — гордо задрала подбородок вверх девица. Облака в небе побледнели за считанные секунды и начали расползаться, расчищая место проглядывающей синеве.

— И зачем ты здесь? — продолжал притормаживать Сергей.

— Не разочаровывай меня, дорогой! — шутливо погрозила тоненьким пальчиком демонесса, и на ее ноготке вспыхнула красная искорка. — Я пришла в мир людей в поисках развлечений и приключений. Мне наскучили адские подхалимы и робкие ангелы, не могущие связать пару слов.

— А разве демоны и ангелы общаются? — совсем растерялся парень.

— Ну разумеется, красавчик, — девушка при-

близилась к нему, обняла, прижалась и тихонько проговорила, жарко дыша в ухо молодому человеку. — Это для вас мы официально разделены на непримиримых врагов, а на деле одна контора, как это у вас говорят. Просто выполняем разные функции в системе, а сейчас у меня отпуск. Ты бы знал, какая у нас иногда бывает путаница. То праведника случайно в котёл запихнут, то адских гончих случайно в отдел райских садов запустят.

— Правда? — пробормотал парень, чувствуя, как ему становится жарко совсем не от дневной духоты, а от прильнувшей к нему Лилии.

— Ага, — хитро улыбнулась та. — И не без моего участия. А то совсем скучно. Да не бойся ты, не обижу. Наверное.

— Невероятно, — пробормотал молодой человек.

— Ты мне понравился, — она чмокнула его в небритую щёку. Потрогала коротко стриженный ёжик тёмных волос, немного отстранилась, пристально глядя ему прямо в глаза. Огонь в её глазах завился в крохотные спиральки и будто гипнотизировал парня. — Но я даю тебе свободный выбор, так интереснее.

Сергей, хотя и действительно испугался, однако почувствовал притяжение к этому странному

созданию. Лилия подмигнула ему и впилась в его губы страстным поцелуем. Снова отстранилась, отступив на пару шагов.

— Впрочем, сначала поболтаем, нам некуда спешить. Твоя работа подождёт. Я сделала так, что про тебя временно забудет твое гнусное начальство, придала сил другим работникам и ваша уборочная не пострадает. Видишь, какая я заботливая? Эх, видел бы меня Белиал! — она рассмеялась лёгким, мелодичным смехом. Сергею показалось, что он чувствует сильный аромат каких-то невероятных невиданных цветов. Демоница тут же нарисовала ему в сознании картинку величественного горящего дерева, усыпанного гигантскими черными цветами.

— Что это? — тряс головой Сергей, пытаясь избавиться от навязчивой картинки.

— Заккум. Обычно он отвратителен и уродлив, но случаются моменты, когда заккум цветёт, и из него можно получить великолепные духи, не хуже райских, — она провела ладонью по его щеке и образ дерева исчез. — Прогуляемся и поболтаем?

— Хорошо. А ты красивая, для демона, ну и для человека, — наконец взял себя в руки парень и отвесил первый неуклюжий комплимент. Девушка снова засмеялась своим волшебным смехом и

взяла его за руку.

Они шли по бескрайнему полю и говорили. К удивлению Сергея, он обнаружил, что у них много общего. Оба чувствовали себя одинокими — один в своих бытовых терниях, другая в мрачных адских глубинах. Пока болтали, небо над парочкой очистилось, а тяжелые тучи незаметно убрались за горизонт.

— Мне пора, — сказала демоница. — Завтра встретимся здесь же. Только попробуй не приди! Съем! Сырым! Шутка!

Она поцеловала парня и взметнулась огненным лучом ввысь, оставив того стоять возле неожиданно затарахтевшего трактора.

Так и повелась у них с того дня странная любовь. Каждое утро Сергей отправлялся в поля и встречал возлюбленную. Его исчезновений никто и нигде не замечал. Все воспринимали его отсутствие на работе как должное. Лилия приходила каждый день, и Сергей влюблялся в нее всё сильнее. Порой она уносила его с собой в другие измерения, где они любовались невероятной красоты пейзажами и диковинными животными, а потом тонули в море любви и страсти. Демонесса показала ему мир, о котором он даже не мечтал:

мир желаний и свободы, где не было предрассудков и забот. Сергей, в свою очередь, открыл ей радости простого человеческого существования — посвятил в детали своего обычного, человеческого восприятия, которое было одинаково непонятно ни ангелам, ни демонам, несмотря на их сверхвозможности.

Однако их любовь была обречена с самого начала. Лилия знала, что ей нельзя задерживаться долго в мире людей. Её так называемый отпуск истекал. С каждым днем её силы убывали, и вскоре ей нужно было вернуться через огненные врата, в ад, к исполнению рутинных кошмарных обязанностей. Но она всё никак не находила в себе воли покинуть Сергея, а тот, в свою очередь, отчаянно мечтал о жизни с ней.

В последнюю встречу, когда Лилия должна была покинуть этот мир, они пообещали друг другу, что никогда не забудут свою необычную любовь. Он подарил ей кольцо с гравировкой, собственноручно выкованное в сельской кузнице, и пообещал, что будет ждать, сколько бы ни пришлось. Слегка недоверчиво улыбнувшись, демонесса заявила, что запечатала его обещание в своём сердце, пообещав вернуться, как только

сможет.

— Вот только не знаю, хватит ли на это твоей земной жизни, — грустно сказала она. — А ведь, зная твой добрый характер, ты вряд ли загремишь в ад… Но я что-нибудь придумаю.

Закончив эту фразу, она буквально растворилась лёгкой дымкой в его руках. Даже на тоненький огненный луч у неё не хватило сил. Он знал, это исчезновение надолго, а может быть и навсегда.

Летели годы. Сергей продолжал работать в поле или в мастерской, не зная, вернётся ли когда-либо его любимая. Временами ему виделись в облаках огненные силуэты, которые навевали приятные воспоминания. Поздними вечерами, когда небо было чистым, он сидел на лавочке, смотрел на звезды и мечтал о Лилии.

И однажды, когда он вновь смотрел в небо, он заметил, что звёзды загорелись ярче, чем когда-либо. В тот же миг Лилия вновь появилась перед ним, и они вновь соединили свои сердца. Она улыбнулась ему, и этот миг оказался вечностью — вечностью, в которой любовь победила все преграды: человек и существо из недр ада слились воедино и огненный вихрь унёс их в далёкие, неведомые миры.

Их последнюю встречу тайно наблюдала та самая Танюшка, подглядывая из соседнего двора. Она услышала всё, о чём говорила парочка, пообещала самой себе хранить эту тайну и никому не рассказывать никогда. Но на следующий день не утерпела, и всё село уже к вечеру обсуждало историю исчезновения Сергея с адской спутницей. Кто-то говорил с осуждением, а кто-то завистливо вздыхал и втайне тоже мечтал испытать такие сильные чувства. Историю восприняли вполне серьезно, ибо над Серёгиным домом ещё с неделю по ночам наблюдалось странное розоватое свечение. А потом исчезло. Родители парня сначала погоревали, а потом, когда сын посетил их обоих во сне и сообщил, что обрёл своё счастье и будет их иногда навещать, — успокоились.

С того случая минуло почти двадцать лет, но ни одна душа в Репьёвке не забыла о любви тракториста и демоницы, ставшей легендой. Их история напоминала всем, что любовь способна преодолеть любые преграды, даже если они кажутся абсолютно несокрушимыми.

Русалка

Ещё в детстве от моей бабушки Клавдии Савельевны я несколько раз слышал историю из её молодости. Она утверждала, что была свидетелем тех загадочных событий, о которых дальше пойдёт речь. Умела бабуля рассказать так, что слушаешь её, разинув рот.

Жила тогда моя бабушка в большом селе Загульное. Часть села находилась на правом берегу речки Железной, другая была ближе к безымянному болотистому озеру. Местные называли его Бездонное, но такого географического топонима вы не найдёте ни на одной карте. Хотя оно не такое уж мелкое, как можно судить по названию. Бездонным называли потому, что несмотря на то, что из притока речки в озеро впадало много воды, оно никогда не выходило из своих берегов и не подтапливало стоящие неподалёку домишки. При всех таких раскладах ни один даже тоненький ручеек не вытекал из водоёма, который имел не меньше сотни метров в диаметре и был почти идеально круглой формы.

Жители Загульного называли между собой озе-

ро провалом, говорили приезжим, что их озерцо уникально и связано с величавой Волгой подземным течением. Ещё одной отличительной чертой озера было то, что оно не всегда было с заболоченными берегами. Весной и осенью лучше было по берегу близко к воде не бродить, присосётся тягучим илом так, что ноги не выдернешь. А почти всё лето берега были чистыми, вода становилась почти прозрачной, словно очищался водоём самостоятельно, приглашая спастись от жары в его прохладных водах. Воды, кстати, были в нём действительно холодные, даже в самый жаркий период. Так что в воде особо было не понежиться, пять минут — и судорога хватать начинает.

На берегу бездонного озера выстроили две бани. Они и раньше там стояли; одни сносили, другие строили. Однако мылись и парились в них всегда толпой, почти никогда по одному. Традиция была такая. Днём ещё ладно, один-двое могли побаниться часок, а с наступлением позднего вечера местных было туда под ружьём не загнать. Причина суеверная и банальная: в любое время, хоть до революции, хоть в советское безрелигиозное, хоть в недавние годы — боялись мавок, утопленниц, или просто русалок. Болтали, что много таковых было в позапрошлом веке,

когда в уезде хозяйничала банда, и разбойники тела сбрасывали в озеро, откуда они никогда не всплывали. Отсюда ещё один вариант происхождения неофициального названия озера. Погибшие мужчины исчезали с концами, а вот женщины, особенно молодые красивые девушки, выбирались из-под воды для своих коварных дел по ночам.

Говорили следующее: когда темнота охватывала окрестности или ранним утром, они незаметно оказывались на берегу, прятались в прибрежных зарослях, устраивали засады и уводили в озёрные недра деревенских мужчин, сидящих ли с удочкой на берегу, парящихся ли в бане в неурочный час. По наблюдению редких очевидцев, полуголые девицы парней просто гипнотизировали, и те покорно шли навстречу судьбе. Причём могло это происходить не за один раз, а русалка устраивала какому-нибудь парню несколько свиданий на её условиях: никому не рассказывать и приходить в чётко обозначенное время. Как правило, к полуночи. Что одурманенные и выполняли.

По-другому нельзя было объяснить, что вдруг какой-нибудь молодой человек полностью отрешался от всего, становился замкнутым, а в один трагичный вечер, разбежавшись, нырял в ледя-

ную воду и тонул как топор, не шевелясь и даже не пробуя барахтаться ради своего спасения. Про таких старые люди говорили, что русалки забирают себе мужей в подводное царство. Искать после этого их бесполезно. Бездонное озеро же.

Жил неподалёку от озера Виктор — крепкий и симпатичный молодой человек, местный заводила и первый жених на селе. Семья у них большая был. Помимо Виктора, ещё трое сыновей у его родителей было. Однажды, изрядно вымотавшись на работе и закончив её только к самой ночи, пошёл Виктор один в приозёрную баньку. Всё его семейство уже успело там в тот день побывать.

Ушёл и не вернулся. Вначале подумали, что после бани к какой-нибудь местной девице решил нагрянуть, и отец с братьями не переживали, но мать забила тревогу. Тяжко у неё на душе стало. Уже собиралась отправить отца на его поиски, но услышали стук в дверь. Вернулся сын домой.

Но выглядел он странно и вёл себя по-странному. Разговаривал мало, сказал, что устал и будет спать. Думали — захандрил, и пройдёт за день-два душевная тягота. Однако не прошло, ещё замкнутее стал. Уходил из дому ночью часто, а куда неизвестно. Такое родных не устроило, в

селе все друг про друга всё знают. Инициатором слежки за ним снова выступила мать. Попросила одного из своих младших сыновей проследить, куда ночами Виктор шастает. Тот сказал, что ходит брат к озеру, иногда в баню, иногда просто сидит на берегу. Никого с ним не видел. Все советовали матери успокоиться и не паниковать.

Прошло несколько месяцев, и Виктор сделал родителям неожиданный подарок, привел в дом красивую беременную девушку.

— Это моя жена, Таня, — безэмоционально сказал Виктор ошеломлённым родителям. — Внук у вас скоро будет или внучка. С нами теперь будет жить.

Деваться семье было некуда. Не выгонять же? На все вопросы к девушке, кто она и откуда, та просто сразу пряталась за спину мужа, всем отвечала холодно, кратко и неохотно. Виктор вообще всем сказал, чтобы отстали от неё, что девушка сирота, из другого района, а познакомились давно в райцентре.

Девка хоть и была красивой и фигуристой, но по хозяйству с неё проку было мало. Ни готовить, ни в лес за грибами-ягодами, ни в поле, ни на огород, ни шитьём с вязаньем не могла ладу дать.

Впрочем, работу, связанную с водой, делала чуть ли не быстрее всех: и постирать, и воды принести, даже к рыбалке Виктора пристрастила. Хотя тот раньше рыбалку недолюбливал. От мужа при возможности не отходила ни на шаг. Постепенно смирились с её повадками в семье, сын доволен и ладно.

Почти все смирились, кроме проницательной матери. От её взгляда не ускользнуло, что как только родилась дочка у молодой пары, Таня стала всем чужой, только младенца и видела. Даже муж ей нелюбим стал. Ещё таскала крохотную девочку к воде, часто, почти каждый день, окунала её в любую погоду, а пытающихся присмотреть за ней прогоняла. Девочку сама Катериной назвала.

Когда девчушке исполнился год, вдруг нелюдимая невеста сама обратилась к свекрови, чего прежде не бывало.

— Присмотрите за дочкой, и окрестите её в воскресенье, мне нужно ненадолго отойти, — и вручила мнущегося у ног ребятёнка бабушке. Та опешила, советские времена, какой тут окрестите, но сказать ничего не успела, как невестка за дверь шмыгнула.

Её «ненадолго» затянулось на несколько часов. Пришедший с работы Виктор поинтересовался,

где ненаглядная супруга, но мать только развела руками. Передала сыну слова, сказанные Таней. Тот побелел весь и бросился к озеру. За ним всё семейство. А на берегу, возле бани только Татьянина одежда и обувь, и босые следы к воде ведут. Виктор и остальные мужчины в воду бросились, но не нашли никого. Водолазов даже вызвали на следующий день, те вдоль берега Бездонного озера провели поиски, тоже ничем не увенчавшиеся. Желание матери исполнили, дочку тайно покрестили.

С Виктора толку стало мало, запил он после пропажи жены, а через два года и сам сгинул. В озере утонул на глазах у всех. Доплыл до середины и камнем вниз. Осталась маленькая Катя без матери и без отца, пришлось её всей семьёй воспитывать.

Росла девочка быстро, весёлая, шустрая, в руках у неё всё спорилось. А вот воду она не любила, от озера и речки держалась подальше. На бережке в моменты отдыха не загорала, в баню только силой или через ссору заставить сходить можно было. Отстали от неё, у всех свои странности. Принесут ей родные воду, девчонка дома поплещется, помоется в большой бадье и чистенькая. А красавица пуще матери к шестнадцати годам

стала. Всё с ней в порядке было, кроме боязни озера Бездонного, да и любой большой воды. Так бы она и дальше туда не ступала, но случай распорядился иначе.

Отправила её занемогшая бабушка полную корзину белья пополоскать в озере. Та крайне нехотя согласилась и понуро поплелась выполнять указание.

Был праздничный выходной день, к мужикам двое парней-трактористов из района приехали. Ну и выпили они возле баньки, с местными. Те-то знающие, а приезжие сгоряча, сдуру полезли в ледяную воду, да к центру озерца поплыли. Там их обоих судорога и прихватила, конечности свело так, что секунды у них оставались. Пьяные и перепуганные собутыльники метались по берегу и звали на помощь, сами не решаясь броситься в воду. Знали местные, как Бездонное себя ведёт.

Катерина же вмиг бросила корзину и разбежавшись с мостика нырнула, к утопающим. Как говорят видевшие её в это момент, её ноги при прыжке в воду слились в блеснувший на солнце огромный рыбий хвост. Невероятно быстро она подплыла к погибающим парням и, сцапав обоих, вскоре вытащила их на берег. Когда выходила

из воды — ноги у неё снова нормальными были. Парни воды успели нахлебаться, еле откачали их. Но, к счастью, живы остались. А Катерина, выполнив свою спасательную миссию, домой сразу убежала, даже корзину не подобрав.

Долго ещё в Загульном удивлялись тому, как девушка двух рослых и тяжёлых парней из воды вытащила. В рассказанную выпившими мужиками байку, что она русалкой в тот момент стала, никто не поверил, несмотря на суеверность. Списали на состояние аффекта у Катерины, и что, вероятно, один из утопающих, ненадолго в себя пришёл и ей помогал. А потом у самого берега сознание потерял.

От самой Катерины по поводу случившегося и вовсе ничего добиться было нельзя. Через месяц она уехала учиться в город, в техникум, и там её разыскал один из спасённых. Ухаживал за ней до самого совершеннолетия. Тогда они сразу и поженились. В село Загульное Катерина больше никогда не возвращалась, родственники оттуда к ней сами в город ездили.

Постепенно забылась русалочья история и осталась в памяти только у моей бабушки. Ну теперь и у вас…

Сказка про мужика и беса

В небольшом селе жил-был мужик по имени Василий. Он был простым, трудолюбивым человеком, который работал в колхозе, заботился о своей семье, уважал своих односельчан и вообще слыл крайне позитивным и добродушным. Семья у него была, четверо детей. Не сказать, чтобы особый достаток у них был, но и не бедствовали. Правда, трудиться Василию приходилось не покладая рук. Работал мужик как ломовая лошадь. Не знал он, сколько выдержит так, одна надежда была, что дети подрастут, и помощи по хозяйству и в прочих делах прибавится. С одним человеком только Василий ругался — со своим соседом, владельцем яблоневого сада, за которым тот ухаживал с особенной любовью, а затем продавал вкусные, крупные плоды на базаре. Со всеми дружил, но сосед был сварлив и несносен, часто задирал Василия, критикуя того за то, что тот ни с фермы ничего домой не утащит, ни с тока мешка зерна тихой ночью не принесёт, отдав бутылку сторожу. В общем, за излишнюю честность.

Однажды Василий возвращался домой на вело-

сипеде с рюкзачком за спиной, оставив технику ночевать на краю поля, чтобы завтра продолжить работу. Солнце уже почти спряталось, и сумерки охватили окрестности. А путь домой у мужика лежал через небольшой прилесок, по-другому было никак не пройти, справа овраги, слева болото. Вот и была одна-единственная тропинка через лес, хотя была и нормальная грунтовка, по которой, впрочем, ехать было на полчаса дольше.

Катил Василий, насвистывая развесёлую песенку, разгоняя подступающую темноту велосипедной фарой, и вдруг заметил странный желтоватый свет, пробивавшийся сквозь деревья.

— Любопытно, — подумал он. — Как будто кто фонарь забыл в лесу или костёр жжёт, машина туда никакая не заедет.

Даже не раздумывая о какой-либо опасности, заинтригованный Василий оставил велосипед у тропинки и пошёл в направлении источника таинственного света. Вскоре он оказался у огромного дуба, царственно возвышавшегося над остальными деревьями. Вокруг могучего, в три обхвата, ствола, плясали жёлтые огоньки-шарики. От них-то и исходило свечение.

— Это чего ещё такое, да и дерева этого тут

отродясь не бывало, — вслух подивился мужик, осторожно положив рюкзак на траву и пристально разглядывая необычное явление. Огоньки при его появлении заметались и ещё быстрее закружились вокруг дуба.

— А вот что такое, — раздался откуда-то из кроны дуба грозный голос, раскатившийся на весь лес. Вслед за этим что-то массивное, крупное начало спускаться вниз, к подножию, цепляясь кривыми когтями за ствол и обдирая кору. Шерсть на теле у странного существа поблёскивала и отливала жёлтым, отражая мечущиеся огоньки.

Существо, пока спускалось, было видно мужику только со спины, но и этого вида обезьяноподобного тела с рогатой головой, да размером с полмедведя, хватило Василию, чтобы обомлеть, а его натруженным за день ногам отняться и совсем не слушаться. А уж когда монстр спустился на землю и развернулся к Василию мордой, тот понял, что перед ним самый настоящий бес. Причём, здоровенный такой, с метровыми рогами, длинными опасными когтями и горящими жёлтыми глазами.

Заметил бес растерянность мужика и расхохотался. Смех его был специфический, больше

похожий на карканье обозлённых ворон, и позитива застывшему перед ним человеку он не добавлял. Бес отряхнулся от сверкающей пыли, разогнал одним движением могучей лапы суетящиеся огоньки и подошёл к Василию вплотную. Растянув на жуткой физиономии ехидную ухмылку, он проговорил хриплым голосом:

— Ну привет, Вася-трудяга! Я не зря выбрал это место и тебя самого. С Лешим заспорил, что ты выполнишь всё, что я тебе скажу. У тебя, похоже, отлично получается работать и заботиться о своей семье. Но ты знаешь, как это бывает — судьба может быть жестокой! Трудись — не трудись, а по итогу только болезни будут от работы и кое-как хватит с голоду не подохнуть тебе и семье.

Василий, хоть и испугался поначалу, но быстро пришёл в себя. По крайней мере, монстр не стремится прикончить его или похитить, а значит есть шансы на благополучный исход. Когда бес читал ему лекцию о бесполезном труде, мужик вспомнил о своих родных и о том, как тяжело им будет житься без него, если всё пойдёт плохо.

— Откуда ты знаешь о моей судьбе? — спросил он, стараясь говорить уверенно и спокойно. — Моя жизнь, мои заботы — это не твое дело!

Занимайся своими грешниками, их полно.

— О, но это как раз моя работа, — усмехнулся бес. — Я собираю души, играю судьбами и превращаю радость в горе. А законченными грешниками занимаются другие адовы слуги.

Василий решил не поддаваться на провокации и, растягивая время, начал рассказывать бесу о своей жизни. Он говорил о том, как трудится ради своей семьи, как любит их и заботится о них. Словно его слова были защитой. Между тем, бес действительно стал выглядеть менее угрожающе. Он даже хитро прищурил пылающие глаза, призадумавшись.

— Всё равно не пойму, зачем ты это делаешь? Можно же жить проще, как твой сосед, например. Да, что сосед — как ваше любое начальство, которое приворовывает и делает вид, что борется с ворами! — в конце концов спросил бес, почёсывая косматую макушку. — И вообще, почему ты не боишься меня? Ну или не просишь чего-нибудь для себя.

— Мне нечего бояться, — ответил Василий. — Я живу честно и следую своим путём. Ты можешь быть сильным и страшным, но твоя сила не срав-

нится с тем, как вижу мир я, как я люблю своих близких. Просить не пойми у кого тоже не в моих правилах.

На мгновение бес замер, глядя на замолчавшего Василия. В его глазах пробежала тень сомнения. Но внезапно он разразился громким смехом и прогрохотал:

— Ты забавен, мужик! Ладно, чтобы спасти свою душу, ты должен выполнить простую задачу. Принеси мне яблоко из сада твоего соседа, и тогда я оставлю тебя в покое. Даже вознагражу! Жду тебя здесь с яблоком через два часа, потом найду где угодно. Иначе — душа вон, зато твои принципы целы.

Не раздумывая, Василий согласился. Он знал, что должен сделать всё для своей семьи, не оставить их одних. Согласившись со служителем ада, он пообещал скоро вернуться и, добравшись до велосипеда, покатил в сторону села.

Перелезть через соседский забор, украсть яблоко и, забежав на минутку домой, поцеловать спящую семью, было делом быстрым и несложным. Сделать ещё одну необходимую, но крайне важную мелочь, он тоже успел. К концу второ-

го часа Василий вернулся к дубу, под которым нечисть раздраженно ковыряла землю раздвоенным копытом.

— Что-то ты не торопился! Давай сюда! — протянул нетерпеливый бес к мужику чёрную ладонь. Тот, однако, отступил на шаг назад.

— Ну, чего тянешь? — монстр был явно недоволен и начал злиться. Его глаза запылали, кора дуба за его спиной угрожающе покраснела.

— Я знаю, что могу сам изменить свою судьбу, — спокойно ответил Василий. — Это яблоко — символ того, что я готов стоять за свои принципы. У меня хватит храбрости и решимости на любой поступок, даже украсть у соседа яблоко. Правда, за яблоко я на крыльце соседу денег оставил и записку с извинением. Условия твои я выполнил, яблоко украл и принёс, но тебе оно не достанется!

Пока нечисть переваривала его слова, мужик достал из кармана украденный плод и невозмутимо съел его на глазах у изумлённого беса.

И лишь тогда бес понял, что мужик оказался хитрее его, а демонические силы не имеют власти над духом человека. Конечно, он имел все возможности покончить с наглым людишкой, но

спора с Лешим это бы не выиграло. Тот наблюдал за происходящим сотнями глаз лесной живности и усмехался.

Разразившись гневным воплем, распугавшим всю живность в округе, бес покрылся огненной дымкой и исчез вместе с заколдованным дубом, оставив после себя увесистый мешочек из змеиной кожи. Василий облегченно вздохнул, подошёл к мешочку, поднял его и, открыв, увидел, что тот полон золотых монет и драгоценных камней.

Вернулся мужик домой и, конечно, всё рассказал своей жене. Та на радостях на следующий день поделилась по секрету с лучшей подругой, и понеслись сплетни.

В общем, с тех пор Василий стал героем всяких баек и небылиц в своем селе. А ещё через два дня к нему заявился участковый и напомнил, что нет никаких бесов, и найденный клад надо сдать государству и получить вознаграждение, а то в тюрьму. Запросил милиционер свою долю, но Василий ему отказал, сказав, что всё решит честно.

Долго Василий маялся, пока не утряс всё по совести. Немного ему досталось от бесовской награды, но всё же хватило на новый дом и щед-

рые подарки жене и детям. Но самое главное — мужик ещё крепче уверился в том, что дело для него самого было не в деньгах, и даже самые страшные бесы не могут сломить дух человека, который верит в свои идеи и не дурак при этом…

Призраки Чернявского озера

Недалеко от деревни Чернявки есть небольшое озеро. Красивые там места, скажу я вам! Только вот местные его избегают и на вопросы о нём отвечают исключительно шёпотом. Говорят, что озеро проклято, и чтобы туда отправиться, нужно быть или очень отважным, или очень глупым. А чтобы остаться у озера на ночёвку, нужно быть и вовсе безумным. Ну или отчаянно влюблённым.

Я и сам побывал таким.

Лето — традиционная пора для искателей приключений, собирателей старинных преданий и любителей красот природы. Нашу деревню они тоже не обходили стороной: тут были и предметы старины, начиная от прялок и до чудом сохранившейся кузницы 18-го века, и артистичные старички, с удовольствием делившиеся деревенскими байками, которые с каждым годом становились всё эпичнее, и множество полянок, ручейков и величественных деревьев, которые открывали отличные возможности для фотосессий.

Однажды в деревню приехала очередная груп-

па непоседливых и любопытных туристов. Среди них была она — Вера, решительная красавица из тех, ради кого мужчины отправлялись сражаться с драконами и ветряными мельницами. Как оказалось, у неё был единственный изъян — тяга к непознанному. И, конечно, услышав рассказы о проклятом озере, девушка вознамерилась его осмотреть и почему-то непременно возле него переночевать. Её товарищи не были настолько фанатами проклятых мест и составить ей компанию отказались. Большинство девушек на том бы и остановилось, но только не Вера. Думаю, она давно заприметила парня, который постоянно околачивался возле группы и пожирал Веру влюблёнными глазами. То есть, меня. И вот, получив решительные "нет" от всех своих товарищей, она, перекинув на грудь русую косу, в которую заплетала чудесные вьющиеся волосы, двинулась в мою сторону. Я не поверил своим глазам и на всякий случай оглянулся, нет ли за мной кого-то, кто мог стать её целью. Но нет, она явно направлялась ко мне.

— Привет! — пропела девушка.

От этого немудрёного слова у меня ноги подкосились. Я что-то промычал, на что Вера нахмурилась:

— С тобой всё в порядке?

Я закивал, как ненормальный. Вера усмехнулась и спросила:

— Как тебя зовут?

— Митя, — еле смог выдавить я из себя.

Вера ходить вокруг да около не стала и сразу перешла к делу:

— Митя, мне нужен сопровождающий к озеру. Я собираюсь там провести дневную и ночную съемку. Поможешь мне?

И я, как баран, согласился.

В назначенное время следующим утром я, собрав подходящие, на мой взгляд, вещи для похода на сутки, ждал Веру у сельсовета. Она почти не опоздала. Час же для красивой девушки за опоздание не считается? Критично осмотрев мою экипировку, она покривилась, но ничего не сказала, а просто взвалила на меня гору какой-то аппаратуры и налегке пошла по направлению к озеру.

Дорога оказалась несложной и недлинной. А ещё и приятной: Вера шла по луговой тропинке впереди меня, а я любовался ею сзади. Надо сказать, что я до того времени на озере никогда не бывал и, когда мы, наконец, вышли к обрыву, был поражён красотой места: вода в лучах всё ещё

утреннего солнца имела какой-то удивительный фиолетовый оттенок, по берегам колыхалась еле заметная дымка. Вера тут же скомандовала привал, отняла у меня какую-то штуковину, оказавшуюся по итогу хитроумной видеокамерой, и начала снимать. А я, как преданный рыцарь, ждал. Наконец, Вера решила, что с этого ракурса фото и видео достаточно, и мы двинулись вдоль берега, ища удобный выход к воде. Так мы дошли до опушки леса, окружавшего озеро почти со всех сторон. Вера призадумалась, но не надолго, и двинулась вперёд. Благо, тропинка не прерывалась.

Сейчас, спустя годы после того случая, я вспоминаю, что лес был каким-то неправильным. Нет, с деревьями, кустами и прочими лесными атрибутами всё было в порядке. Даже красиво. Только вот звуки… Когда мы зашли в тень деревьев, их как будто приглушили. Слегка, но вполне заметно. Однако впереди меня шла по тропинке девушка моей мечты, и о каких-то странностях со звуками я тогда даже и не задумался.

Попетляв среди деревьев, тропинка вывела нас к небольшому пляжу.

— Вот оно! — воскликнула Вера. — Просто идеально! Остаёмся здесь.

Я с облегчением скинул с себя поклажу и при-

сел отдохнуть, заодно прикидывая, где поставить палатку для Веры. А она в это время с восторгом скинула с себя футболку и шорты, оставшись в современном купальнике, то есть почти голой, и принялась плескаться в озере.

— Митя, иди купаться! — махала руками Вера, но, как бы мне этого ни хотелось, сейчас точно купаться не пошёл бы, потому просто отрицательно затряс головой.

Немного придя в себя, я занялся палаткой и костром. В конце концов, нам тут предстояло провести почти сутки. Слегка очистив от веток пространство между двумя деревцами, я растянул там палатку, а костёр решил развести прямо на песке, так было безопасней. Когда в котелке уже закипала вода, Вера, наконец, решила, что пока водных процедур достаточно.

— Митя, принеси мне полотенце! — попросила она, и я, стараясь не смотреть на девушку, бочком подобрался к берегу, держа полотенце в вытянутой руке.

Понятно, что раз я не смотрел на Веру, я смотрел в сторону леса. Мой взгляд зацепился за что-то, но тогда "что-то" потонуло в буре моих эмоций. Уже потом я понял, что меня тогда напрягло: в тот день дул лёгкий, приятный ветерок, и раститель-

ность нежно колыхалась под ним. Но не везде. В кронах деревьев выделялись какие-то еле различимые, совершенно неподвижные силуэты.

Потом я кашеварил, а Вера устанавливала камеры и какие-то приборы. Вообще, девушка оказалась приятной собеседницей, очень разговорчивой. Не замолкала ни на минуту, рассказывая о разных случаях из своих путешествий. Ну а я слушал — другой роли мне не отводилось. Слушал и посматривал на озеро, вода в котором менялась удивительным образом: вот она почти прозрачная, а вот — непроницаемая, как зеркало. И цвет менялся от нежно-голубого до практически чёрного. Вера тоже это заметила и была в полном восторге, предвкушая, как будет показывать удивительные кадры товарищам.

Мы ели кашу, пили чай, Вера болтала, много купалась, даже немного походила по лесу вокруг пляжа. Мне показалось, или, когда Вера зашла под деревья, неподвижные пятна в кронах разом сдвинулись в её сторону?

Стало вечереть, с озера потянуло прохладой. Вера, к моему облегчению, натянула на себя спортивный костюм, и начала перенастраивать аппаратуру на ночную съемку. Я поддерживал костёр и заводил новую порцию чая. Ощущая

какую-то смутную тревогу, я периодически осматривался, когда, как мне казалось, замечал краем глаза какое-то смутное перемещение. В окружении леса, в темноте мне было немного не по себе.

Мы снова выпили чаю, и Вера решила немного поснимать со вспышкой, сказав, что фотографии могут получиться "сказочными". Я наблюдал не всю съемку, занимался костром. Но когда наконец повернулся к Вере, меня просто парализовало от ужаса. При каждой вспышке по краю создаваемого ею круга света поднимались размытые фигуры. Чем больше Вера щёлкала аппаратом, тем больше их становилось, и тем ближе к нам они были.

Я хотел закричать, но не мог. Меня как будто парализовало страхом. И тут я почувствовал страшную боль: костёр разгорелся сильнее, и пламя лизнуло руку. Вместе со способностью двигаться вернулась и способность соображать хотя бы немного. Я подскочил к Вере, забросил её на плечо и бросился бежать по тропинке к выходу из леса. Девушка верещала и лупила меня по спине, пытаясь вырваться, что-то хватало за ноги так, что пару раз я чуть не упал, ветки цеплялись за волосы, нещадно вырывая клочки из моей

шевелюры.

Остановился я только у обрыва, вдруг ощутив, что нам больше ничто не угрожает. Опустив всхлипывающую Веру на землю, я без сил упал рядом. Но не было мне покоя:

— Митя, посмотри, что это... — прошептала девушка, дёргая меня за руку.

Над озером колыхалось марево, состоящее, как казалось, из множества призрачных рук.

Мы вернулись в деревню. Не поворачиваясь ко мне и не говоря ни слова, Вера отправилась к дому, где остановилась её группа. Уже следующим утром они уехали.

А я зарёкся выполнять прихоти женщин, пусть даже и любимых, хорошенько всё не обдумав.

Дом на окраине

Так уж случилось, что в маленькой деревне Шувалово ходили жуткие слухи о доме, который стоял на краю поселения. Местные жители с некоторых пор избегали этого места, особенно когда темнело. Люди утверждали, что тот, кто осмелится войти в пустующий дом, может встретить его хозяина — мертвеца, когда-то носившего имя Алексей.

Трагическая история с одиноким фермером Алексеем произошла восемь лет назад. Мужчина был уважаемым человеком и по шуваловским меркам вполне обеспеченным, но однажды его нашли мёртвым соседи на его же дворе, возле поставленного на ремонт «уазика». Говорили, что он был убит бандой рэкетиров из райцентра, но свидетелей так и не нашлось. Хотя Алексей не раз жаловался в милицию, что у него некие тёмные личности вымогают деньги. Правда, в районном отделе над его жалобами лишь посмеялись, выдав что-то вроде — «Когда убьют, тогда и приходите» и даже участковый, который был один на две деревни, не отреагировал. Болтали

также, что один из убийц был молодым лоботрясом — родственником областного прокурора Мартынова и даже его однофамильцем. Но доказательств не было, хотя парень жил на широкую ногу явно не на зарплату бухгалтеров-родителей.

Слухи всякие ходили: правдивые или нет, но разбираться с этим делом органы правопорядка почему-то не спешили. В общем, посудачили, повздыхали, да и успокоились местные, раз больше никто не пострадал.

Сведущим людям казалось, что это обычная уголовка, которую спустили в «глухари». Однако, спустя несколько недель после похорон в деревне начались странные события, которые снова взбудоражили население: Василь Шувалов, а в деревне Шуваловых было много (оттуда и название), всех убеждал, клянясь и божась, что видел в заброшенном доме нечто похожее на погибшего Алексея. Около полуночи Василь разругался тогда с женой и пошёл бродить по деревне, успокаивать нервы. С психу дошёл до самой окраины, где стоял дом несчастного фермера, и остановился там перекурить, облокотившись на дощатый забор.

Фонарей в деревне было всего три: два на обоих концах Шувалово, и один в центре, возле сель-

совета. Достал, значит, он зажигалку, поднёс трепещущий огонек к лицу и… чуть не подавился сигаретой. Из пыльного окна фермерского дома на него уставилось бледное лицо Алексея, прильнувшее к стеклу с внутренней стороны. Ошибиться Василь не мог. Фонарь-то как раз возле того дома стоял, точнее — через дорогу. Видно было отлично.

В глазах покойника светились синим зрачки, лицо было вытянуто и отдавало желтизной, лицо не двигалось и было похоже на маску, но это точно было лицо Алексея. В небольшой деревне все прекрасно знали друг друга.

Поначалу Василь словно примёрз к месту, где стоял, слушая шорохи со стороны дома фермера, а когда до него донеслось неясное бормотание знакомого голоса, рванул мужик со всех ног подальше от мрачного дома в направлении любимой жёнушки. Дома он поведал супруге о происшедшем, и та полночи отпаивала его, едва не схватившего инфаркт, валерьянкой. Ну а потом, разумеется, через день-другой уже вся деревня была в курсе, и даже утверждали, что покойник имя убийцы, Сёмки Мартынова из райцентра, пытался выговорить, да не смог.

В следующие несколько дней парочка желаю-

щих испытать судьбу потопталась в сумерках у дома Алексея, но даже под храбрящим действием зелёного змия они не решились войти туда. А вот лицо мертвеца утверждали, что видели. И снова кошмарный лик у стекла и бормотание неразборчивое.

Что сказать? Страшно было всем шуваловцам, а соседи фермерского дома, хоть тот и был метрах в тридцати от их жилья, даже второго огромного пса завели. На всякий случай. Как положено, пожаловались участковому, но тот ожидаемо отмахнулся, дескать не лезьте ко мне с мистической ерундой — занят, дел по горло.

Смельчаков в ночные походы к дому Алексея больше не находилось, а значит и история со временем попритихла. Из сельсовета позвонили наконец разысканной родственнице погибшего — племяннице Марии, жившей в далёкой столице. Мол, приезжай, вступай в наследство, хороший дом, пятикомнатный, тёплый и вообще — всё по закону должно быть. Та обещалась приехать через две недели.

Две недели прошло, и, казалось, все забыли о мертвеце и поуспокоились, но с приехавшей в деревню молодой женщиной, племянницей Алексея Марией, произошла неприятная исто-

рия. Учитывая мрачноватую обстановку в доме фермера, ей предложили переночевать у соседей. Рассказали про мертвеца, пугающего мужиков.

Однако та была девицей современной, упрямой, которая «чихать хотела на ваши деревенские сплетни», и решила собственноручно проверить высказанные ей предупреждения. Приехала она с утра, а уже вечером того же дня решила заночевать в страшном для местных доме. Было видно, что девушку так и распирает любопытство и желание утереть всем нос. Местные пальцем у виска покрутили, но перечить ей не стали. Только втихаря трое самых крепких мужиков во главе с заводилой Антоном решили у соседей переночевать. Мало ли чего, вдруг помощь понадобится, а дисковых телефонов — с пяток на всё Шувалово, и ближайший метрах в двухстах, у глухих стариков Щегловых. С них понятно какая помощь. Хоть ядерная война — ночью не дозовешься.

Как говорил один телевизионный юморист — «Смеркалось». Часов десять вечера было. Наступающая ночь выдалась лунной, прохладной и немного ветренной. Окна фермерского дома светились, разливая жёлтый электрический свет на кусты в палисаднике и кривую дорожку, ведущую к забору. Ветер слегка тревожил листья молодых

деревьев, растущих в деревенских садах, и казалось, что ночь обычная и спокойная. Половинка луны тоже неплохо освещала местность.

Мужики из соседского двора видели, что девушка ходит туда-сюда по дому, мелькает в окнах и зачем-то то гасит, то снова включает свет. Списали на причуды московской жительницы, а когда свет везде погас, мужики хлопнули по полстакана самогона с хозяином Петром и с чувством выполненного долга отправились спать.

Посреди ночи их поднял истошный женский крик и грохот бьющегося стекла. Повыскакивали мужики, побежали к источнику шума. А навстречу им полуголая Мария с воплями. Неслась, едва с ног не посшибала. Девушка вся дрожала, выкрикивала фамилию Мартынова, произнося её раз за разом. Отвели трясущуюся от ужаса девицу к соседям, перепоручили хозяевам, ну и отправились в фермерский дом выяснять что к чему. Трое взрослых крепких мужиков ведь, чего бояться. Так и пошли, на подгибающихся от страха ногах.

В доме, из которого бежала Мария, ощущался холод, гораздо более сильный, чем ночная прохлада. На кухне и в коридорчике горел свет. В остальных комнатах царили темнота и тишина, только скрип половиц от шагов пришедших

нарушал её, да в разбитое окно зала то и дело врывался ночной ветерок. Мужики помялись и, с трудом преодолевая нарастающий страх, начали осматривать комнату за комнатой, разделившись по одному, чтобы быстрее всё оглядеть и убраться восвояси.

И вдруг в одну из комнат захлопнулась дверь. Оставшийся внутри Антон, естественно, обернулся на звук и окаменел от ужаса, увидев нависшую над ним полупрозрачную жуткую фигуру. Выглядело это существо, а назвать его даже мёртвым человеком уже было трудно, просто чудовищно. Черты лица монстра словно растеклись, глаза превратились в тёмные провалы, сквозь прорехи рваной одежды проглядывала потемневшая, вздувшаяся кожа, с обвисших губ сочилась отвратительно пахнущая чёрная густая жидкость. Однако сомнений не было — это был Алексей, но трансформировавший в нечто невообразимое, в полуэфемерный оттиск того, что раньше было обычным человеком, но скопировавший эмоции и желания последних минут его жизни. Его форма всё ещё пыталась удержать в себе человеческие габариты, но с течением времени это удавалось всё хуже.

— Вы. Пришли. Ко мне, — проговорил отры-

висто Алексей глухим голосом, который звучал как эхо из могилы. — Помочь. Наказать. Убийца Мартынов. Синяя куртка. А то сам.

В этот раз не было невнятного бормотания. Каждое слово было отчётливо, звучало набатом словно приговор. А в это время двое остальных мужиков безуспешно ломились в дверь с другой стороны, сообразив, что с их товарищем происходит что-то неладное. Вот только тонкая межкомнатная дверь словно стала крепче бронированной плиты и не сдвинулась ни на миллиметр.

Надо отдать должное — Антон нашел в себе силы собраться и кивнуть монстру, давая понять, что понял и передаст информацию кому надо, только отпусти.

— Накажите, — повторил мертвец, немного отодвигаясь. — Не могу уйти. Не наказан.

Потустороннее существо говорило об освобождении, но Антон уловил в его голосе плохо скрываемую ненависть, и мужчина понял, что Алексей ищет скорее не освобождения, а мести. Но живому было не до оценки слов покойника, он сделал шаг в сторону, и тут же мёртвая рука схватила его за плечо. Адская боль растеклась

по телу, демонстрируя насколько сильным был монстр.

— Накажите, — прорычал он, и в комнате стало ещё прохладнее. — Нужно расплатиться.

Зажмурился Антон в преддверии печальной участи. Ожидал того, что обезумевшее от желания мести существо, совсем потеряв контроль, прикончит и его. Но этого не произошло. Хватка ослабла, боль в плече ушла, в распахнувшуюся дверь ввалились товарищи Антона, слышавшие весь диалог. Впрочем, теперь в комнате кроме их троих никого больше не было. Никаких кошмарных покойников. Нечего и говорить, что заспешили оттуда мужики, как только могли, и до утра выгоняли из себя страх спиртным, держа стаканы в дрожащих пальцах.

На следующий день деятельная московская особа, даже не поблагодарив за помощь местных, укатила прочь из Шувалово. Мужики в очередной раз обратились к участковому, заявив, что видели некоего человека, утверждавшего, что видел убийство Алексея. Дали подробное описание убийцы, даже в чем тот был одет в ту ночь. Про призрачного мертвеца им хватило ума не говорить, потому выдумали свидетеля. Участко-

вый под давлением общественности пообещал проверить информацию.

Прошло полторы недели, и шумиловцы узнали об аресте Мартынова-младшего с дружками и что на старшего Мартынова-прокурора завели дело, и под него копают следователи из Москвы. Приписали мужики себе заслугу в поимке преступников, хотя некоторые утверждали, что это племянница Алексея впечатлилась произошедшим и постаралась растормошить следствие через своих знакомых.

К каким выводам можно прийти, зная подробности этой истории? Возможно, были правы и те, и другие. Вот только не получилось бы ничего у живых, если бы настойчивый мертвец им не напомнил о мести и справедливом наказании.

А в доме фермера перестали происходить странные вещи, и не появлялись больше в окнах жуткие образы. Впрочем, там с тех пор всё равно никто не живет, хотя дом уже дважды продавали. Не уживаются там люди, говорят, что тяжко.

А жители деревни продолжают на всякий случай обходить дом на окраине стороной, и стараются поменьше думать о том, что происходило в его стенах. Вдруг лишняя мысль об усопшем вернёт его из мрака небытия, и тень Алексея

продолжит бродить по своему дому и требовать мести у случайно заглянувшего прохожего, посчитав кару убийцам недостаточной.

Картина

Дом бабы Нюры ходил ходуном. К ней приехали внучка с мужем и затеяли генеральную уборку, каковой старый дом давно не видал.

— Саня, выноси эту рухлядь на огород! — командовала Инна, сбрасывая с чердака всякую ненужную всячину, мешавшую подобраться к крыше для починки.

Муж покорно таскал какие-то мешки, коробки, поломанные стульчики и прочую чепуху к месту, оборудованному ими для костра — всё предполагалось просто-напросто сжечь. Бабушка дала "добро" на эту операцию, сказав, что ничего ценного на чердаке отродясь не было. Кое-что Инна всё-таки оставляла, например, старинный сундук, антикварные, по её разумению, инструменты, прялку. Шустрая девушка успевала всюду: и на чердаке порядок наводить, и мужем командовать, и с бабулей общаться. Вот только топала по чердаку, а уже и тут, показывает что-то бабуле:

— Ба, а это что за картина?

— Картина? Инуся, ну какие у нас картины

могут быть? Вот, иконы только да фотокарточки, — баба Нюра кивнула на стену, по традиции увешанную фотографиями всей родни.

Девушка озадаченно крутила в руках небольшую картину, на которой был изображен какой-то пейзаж. По виду мазня мазнёй, да и состояние не ахти.

— Саня, как думаешь, может, она ценная?

Муж, как раз вернувшийся в дом за новой партией вещей на вынос, тоже покрутил картину, поковырял её, даже понюхал зачем-то.

— Да не похоже на ценность какую-то. Но давай на всякий случай оставим, мало ли. В городе покажем специалисту. Сразу уберу её в багажник, чтобы не забыть.

Мужчина ушёл, Инна снова полезла на чердак, а бабуля пошла печь фирменный яблочный пирог, который внучка просто обожала.

Провозившись ещё с час, Инна довольно осмотрела чердачное помещение: можно было приступать к ремонту крыши — основной цели их с мужем приезда. Вообще, они ездили к бабуле часто, если не каждую неделю, то через неделю точно. До деревни было 1,5 часа езды от города по скоростной трассе и ещё минут 15 по вполне хорошей просёлочной дороге — то есть, фактически

рукой подать до деревенского колорита. В старом доме всегда находилось дело для молодых крепких рук, да и просто компании любимой внучки и её мужа, с которым у бабы Нюры сразу сложились отличные отношения, старушка была рада.

— Инуся, Сашенька, ну давайте за стол, обедать будем, а то уже умаялись вы.

Молодёжь, подурачившись у рукомойника на улице, разместилась на маленькой, но очень уютной, светлой кухоньке. Обед прошёл прекрасно, как и положено среди близких людей.

— Ну что, я посуду помою, а ты слазь на чердак, оцени, что нужно для ремонта заказать, — предложила Инна мужу.

Саша не возражал, и уже через минуту наверху послышались его шаги. А Инна, собрав посуду в тазик, отправилась на улицу. Водопровода в доме не было, и им никак не удавалось убедить бабулю дополнить домик "удобствами". Тут старушка была непреклонна. "Я так привыкла", — вот и весь ответ. Хоть на современную скважину во дворе согласилась, и то хорошо. Вот там и было обустроено место для "водных процедур" для людей и посуды.

Когда Инна возвращалась назад, в сенях её глаз зацепился за что-то странное. Она, было, уже

зашла в комнату, но вернулась и нахмурилась: у стеночки обнаружилась найденная на чердаке картина.

— Саня! — позвала девушка. — А ты чего картину тут бросил?

Муж выглянул с чердака:

— Не бросал я ничего, я её в багажник убрал, как и говорил.

— А это что? — Инна продемонстрировала ему картину.

Саша даже вниз спустился:

— Ничего не понимаю. Может, это просто ещё одна картина. Пошли, посмотрим?

В багажнике картины не было. Саша только плечами пожал, когда Инна подозрительно посмотрела на него. Заперев машину, они занялись делами и о картине забыли. Пока отправившаяся на огород бабуля снова не обнаружила её в сенях:

— Дети, тут ваша картина, не забудете?

* * *

Саша с Инной стояли перед картиной и не решались к ней притронуться.

— Саня, тебе не кажется, что она как-то изменилась? — прошептала девушка.

Муж внимательней присмотрелся к изображению. А ведь и правда, на картине вроде бы проявились какие-то смутно знакомые контуры.

— Ну, мы же не рассматривали её, — неуверенно ответил Саша.

Наконец, он взял простыню, осторожно завернул в неё чудивший предмет и запер в сарае на навесной замок. А потом еще припёр дверь доской, так, на всякий случай. Они с женой не верили во всякое сверхъестественное, но с картиной творилось что-то странное. Непонятное происшествие выбило всех из колеи, и работы по починке крыши было решено немного отложить, а пока отправиться на речку, расслабиться. Молодёжь ушла купаться, бабуля села смотреть какой-то сериал.

* * *

— Инна!

От неожиданности лежавшая на бережке девушка чуть не подпрыгнула.

— Инна! Скорее! Там бабе Нюре плохо! — кричал бегущий к ним соседский мальчишка, отчаянно маша руками.

Когда Инна с Сашей примчались домой, возле бабули хлопотала соседка.

— Да всё в порядке, задремала я и, видно, повернулась неудачно, — приговаривала баба Нюра.

— Ага, "повернулась неудачно", тоже скажешь. А кто тогда так кричал? — ворчала соседка, баба Клава. — К врачу тебе, Нюша, надо, — а потом обратилась к Инне: — Мы когда прибежали, бабушка твоя аж посинела и хрипела.

— Ба, у тебя болит где-нибудь? — Инна осмотрела бабулю с ног до головы, проверила пульс, давление, температуру. Внешне всё было в порядке. Бабушка отрицательно покачала головой:

— Я отлично себя чувствую. Может, приснилось чего?

— Милая, — раздался за спиной у Инны странно напряжённый голос мужа, — посмотри сюда.

Девушка повернулась. У входа в комнату, прислонённая к косяку двери, стояла картина, которую они заперли в сарае. И теперь на ней уже был отчётливо виден домик бабушки. Спутать было невозможно — вот она, скважина под навесом. Инну пробрала дрожь:

— Саша, я боюсь. Давай её сожжём.

Через пару минут костёр уже пылал, и Саша кинул туда картину. Она быстро занялась, и вскоре от самого полотна ничего не осталось, только рама догорала. День уже клонился к закату, Саша

затушил костёр, и они с женой отправились в дом, пить чай с остатками пирога и отправляться на боковую. В деревне было принято и ложиться, и вставать рано. Когда Инна засыпала, ей в голову вдруг пришла тревожная мысль, и девушка стала трясти мужа:

— Саша, а ты Акселя видел вечером?

Парень задумался, а потом покачал головой:

— Нет, точно помню, как он ворчал, когда я картину в сарай нёс. А уже когда костёр разжигал, его не было. Может, загулял? Пёс всё-таки не на привязи.

— Он никогда дом ночью не оставляет, ты же знаешь, — возразила ему Инна.

Малыш Аксель действительно был прекрасным охранником и был предан бабуле всем своим тельцем и душой.

— Я из дома не выйду ночью, — заявил Саша. — Утром разберёмся с Акселем. Давай попробуем всё-таки поспать.

Саше снился отличный сон: он играет с Акселем, на лавочке возле дома над чём-то весело смеются Инна с бабулей. Вдруг пёсик злобно зарычал, подскочил и цапнул его за руку. Всё было так натурально, что Саша проснулся.

"Приснится же", — пробормотал он. Однако бы-

ло странно, что рука, укушенная во сне, ощутимо болела. Но тут ему стало не до сна: по комнате клубился дым и кое-где даже пробивалось пламя. Саша бросился тормошить жену, но разбудить её не удавалось, видимо, уже наглоталась дыма. Через дом пробираться было опасно, и Саша просто выбил окно. Закинув Инну на плечо, он выбрался наружу. Дом пылал.

"Бабуля!" Вылив на себя ведро воды, которое всегда стояло возле скважины, и обмотав лицо полотенцем, Саша двинулся в дом. К счастью, комнатка бабушки находилась прямо возле входа. С неё когда-то началась постройка дома, и старушка считала её счастливой. Видимо, так и было. Саша с бабулей на руках еле успел выскочить из дома, и тот за его спиной просто сложился. К тому времени подоспели соседи, Инне уже оказывали помощь. Вскоре и баба Нюра пришла в себя. Заливаясь слезами, она смотрела, как догорает родной дом, в котором прошла большая часть её жизни. Инну с бабушкой забрала к себе соседка, Саша с другими мужчинами заливали водой догорающие останки дома.

На следующий день прояснились кое-какие подробности ночных событий. Вышедший покурить сосед рассказал, что дом бабы Нюры

загорелся как будто весь сразу. Только вокруг него какая-то чёрная рамка виднелась. Странный такой пожар. Но для Саши ещё не всё закончилось, его ожидала ещё одна страшная находка… Доставая из сарайчика инструменты, он обнаружил там бездыханное тельце Акселя. Завёрнутое в ту самую простыню, которой они закрыли картину. Саша ничего не сказал об этом Инне и бабуле, просто похоронил пёсика под берёзкой, под которой маленький страж так любил валяться на травке.

Под тёмной водой

Отшельника Михаила жители деревни Антиповка зауважали сразу, как только он поселился в заброшенной избе, давно одиноко стоящей на берегу озера. Довольно крупное для тех мест озеро пряталось от посторонних глаз в лесу и было почти в версте от Антиповки. Однажды в той избе уже проживал старый монах, но три года назад куда-то пропал. То ли ушёл куда глаза глядят, то ли ещё чего случилось. Михаил был крепким мужчиной, лет пятидесяти на вид, седобородым, крупным и мускулистым. Первый раз он явился в поселение за провизией и, так как у него денег не было, починил крышу солдатской вдове, Матрёне, трём старушкам покосившиеся заборы подправил. Недавняя война, опустошившая мужское население деревеньки, заставила местных женщин и на Михаила поглядывать, хотя к тому моменту все знали, что тот — монах-отшельник и ведёт исключительно уединенный образ жизни. По Антиповке прокатились слухи, что Михаил — бывший кавалерийский офицер, который басурманов положил множество и теперь грехи в

отшельничестве замаливал.

Мужских рук в деревне точно не хватало, да ещё мастеровитых, в которых вся работа спорилась. С начала лета и до последних августовских дней Михаил приходил в деревню из своего холостяцкого убежища, работал в хозяйствах, принимал в качестве оплаты хлеб, овощи и молоко, иногда и мясо перепадало. В лесу водились и кабаны, и косули, только не желал монах даже звериную кровь проливать своими руками. Много её в битвах пролил. Однако рыбалкой не гнушался, частенько сиживая с удочкой на помосте лесного озера.

Деревенские детишки часто следили за Михаилом. Чем-то он вызывал их интерес. Наблюдательный отшельник тоже замечал их, но не прогонял, наоборот, свистульки им и рогатки ловко мастерил. Веселил ребятню. Но к озерным водам, по наказу старосты Антиповки, их не подпускал, хворостиной грозил наказать за непослушание. Деревенский слабоумный Тимоха, щуплый мужичок лет тридцати, как и дети, постоянно крутился возле избы монаха. К тому же его, как и всех сумасшедших, тянуло к воде. Слабоумного отшельник ни в свой дом, ни к озеру тоже не пускал. Михаил боялся, что дурачок

потонет, и староста с него за недосмотр спросит. К озеру у местных жителей было своеобразное уважение, они в нём не купались, только изредка рыбу ловили, и то исключительно в светлое время суток.

С нарушителями этих традиций часто случались несчастья. Десять лет назад из петербургского университета приехал к озеру молодой преподаватель-натуралист. Целью он себе поставил изучение озера, про которое не пойми как прослышал и исследовал природу вокруг него. Болтал, что в озере водится уникальная древняя рыбина, которая там сохранилась с незапамятных времен. В пустующей на то время избе он поселился на всё лето, но неожиданно исчез через месяц. Местные заметили, что учёный прекратил в Антиповку приходить за продуктами. Искали его и уездные полицейские, и деревенские жители, и даже охотники. Каждый аршин вокруг озера обыскали. Но не нашли, как в воду канул. Предположив последнее, трое храбрецов рядом с берегом ныряли и с лодки несколькими связанными шестами прощупывали дно. Так же безуспешно. Почему рядом с берегом только? Да потому что стиснутое со всех сторон дубовым лесом таинственное озеро было очень глубоким,

хотя по размерам и небольшим. Сам водоём имел почти идеально круглую форму и был около тридцати саженей в диаметре. Поэтому связанные шесты до дна попросту не доставали. Меряли глубину верёвкой с привязанным к ней камнем. Выходили невероятные двадцать саженей глубины, что было очень много для такого небольшого водоема. Причём камень извлекался со дна весь в блестящем голубоватом и очень липком иле. Такого в округе нигде было не найти. Поэтому опасались странного озера деревенские и детишек туда не пускали на всякий случай. А купаться от мала до велика ходили на речку Зазнобу, она им безопаснее казалась, хоть и вода прохладнее.

Наступили первые дни осени, и отшельник готовился к холодам со всем старанием. Он чинил обветшавший дом и завешивал сушилки стройными рядами просоленной рыбы. Запасся у местных провизией, чтобы хватило до самой весны, потому что по сугробам в Антиповку не набегаешься. По вечерам Михаил любил сидеть на деревянном помосте, выступавшем в воду на две сажени, обожал слушать лёгкую волну, которая плескалась об опорные столбы. К началу осени чистая озёрная вода позеленела, рыбы стало меньше, но водоём всё равно манил к себе

монаха.

Была у Михаила любимая вещица: книга со стихами про море, путешествия и бушующие волны. Вот и любил отшельник, находясь в уединении, читать себе вслух строки о бескрайних морских просторах, сидя при этом на любимом помосте. Читая стихи, представлял себе седовласый мужчина, что вокруг него бескрайний океан, видел величественные парусники, рассекающие бурные волны. Так и проводил он короткое время отдыха.

В один из тёплых сентябрьских вечеров Михаил сидел на помосте в раздумьях, прочитав перед этим вслух очередной стих. Он вспоминал прожитую жизнь и не заметил, как вокруг стало необычайно тихо. Над успокоившейся поверхностью озера пронёсся неизвестно откуда взявшийся филин, ухнул и скрылся в густой чаще. Отшельник просидел на помосте до наступления темноты, пока на потемневший небосвод не взошла полная луна, окрашенная в багровые тона, а по озеру не поползли мутно-серые клочья тумана. Седые клубы двигались над водой, подтапливали берег, захватывали пространство под помостом. Если бы на Михаила кто-то посмотрел со стороны, то могло бы показаться, что седой человек

восседает на облаке, которое под ним колеблется и будто дышит.

Это завораживающее зрелище оставалось в таком состоянии недолго. Озёрная вода вдруг забурлила, разошлась концентрическими кругами от центра водоема к берегам, сгоняя покорившийся туман и освобождая водную гладь. Потом озеро успокоилось столь же быстро, как и взволновалось. Взгляд Михаила упал на центр блестящей лунной дорожки на воде, и там, совсем близко к помосту он увидел… голову прекрасной, светловолосой девушки и её обнаженные плечи. А лицо незнакомки было необычайно привлекательно. Монах Михаил за долгие годы службы успел побывать во многих странах, был близок со многими красавицами, но эта превосходила их всех. Правильные благородные черты, слегка подсвеченные синевой выразительные глаза, небольшой, аккуратный нос, манящие пухленькие губы.

Михаил непроизвольно попробовал найти во внешности нежданной гостьи хотя бы один дефект, но не смог. А затем девушка выскользнула из озера на помост и растянулась на влажных от тумана настильных досках, как раз позади монаха, отрезав тому путь домой. Однако онемевший

от восхищения красотой незнакомки отшельник и не собирался никуда уходить. Он не отводил взора от абсолютно обнаженной девушки, призывно разлёгшейся перед ним. Только одна вещь встревожила Михаила. Когда загадочная красавица забиралась на помост из ночного озера, ему привиделось, что её изящные ножки составляют нечто целое, оканчивающееся широким, двойным плавником, сама она слишком блестела в неверном лунном свете. Впрочем, через секунду длинные ноги девушки стали абсолютно нормальными и изысканными и вызывали у мужчины совсем не тревожные чувства.

— Ты… кто такая? — выдохнул отшельник, ощущая неодолимую тягу к нежданной гостье. Он почувствовал горячую волну желания, заставляющую его забыть о данных самому себе обетах. Ему ужасно хотелось прикоснуться к ней, ощутить её прикосновения.

— Ты ведь русалка? Зачем ты явилась мне? — Михаил заикался от волнения, не понимая, как ему дальше себя вести с голой красавицей, которая пока не проронила ни слова.

— Прочитай стихи мне завтра. Когда снова взойдёт луна… — мягкий голос соблазнительницы ласкал слух монаха каждым звуком. Девушка

улыбнулась, поднялась с помоста и неспешно придвинулась вплотную к монаху. Затем положила руки ему на плечи, страстно прижалась к оторопевшему мужчине. Пользуясь его растерянностью, поцеловала Михаила в щёку и, блеснув упругим телом, грациозно спрыгнула в воду, на прощание мелькнув гибким рыбьим хвостом, в который превратились её ноги в момент прыжка. Из глубин озера до слуха отшельника долетел девичий смех, и наступила тишина. Озеро снова заволокло туманом, который будто ждал этого момента.

Монах ещё некоторое время оставался на помосте, не находя в себе сил вернуться домой. Потом тяжело зашагал в свое убежище. Про ночные молитвы Михаил забыл начисто. Перед его глазами был навязчивый образ нагого тела русалки, затмевая любые другие мысли. Отшельник не смог заснуть той ночью и только к восходу солнца он ненадолго забылся тяжелым сном. Пробудился он, услышав манящие нотки русалочьего голоса, громко позвавшего его по имени.

Михаил вскочил со своей жесткой лежанки и побежал к помосту, надеясь снова увидеть прелестницу, но там никого не было.

— Конечно же. Она ведь сказала, что явится но-

чью, при луне, вот я остолоп, — говорил сам себе мужчина, тем не менее не отводя покрасневших глаз от подёрнутой невесомой туманной дымкой озёрной поверхности. Его страшило, что отвернись он на миг от воды, не увидит вчерашнюю бесстыдную красавицу. Всё больше он понимал, что она заполонила его сознание, что он хочет больше всего на свете получить этот бесценный дар и не кратко-одномоментно, а завладеть им навсегда.

Так и просидел Михаил весь день то на пеньке на берегу, то на деревянном посте, будто верный цепной пёс в ожидании корки хлеба. Про еду и питьё он и не вспоминал, не было у него ни голода, ни других позывов. Прикованный к водам озера незримыми узами, вместе с тем он ощущал, что так быть не должно. Слишком крепка такая быстрая зависимость. Ближе к вечеру отшельник заметил деревенских детей, прятавшихся в приозерных кустах. Михаил выругался и швырнул в них палку. Попал одному из детишек в ногу, и перепуганная ребятня сбежала. К сумеркам к избе монаха пришел умалишенный Тимоха и застал хозяина в том же положении, что и днём. Тимоха тут же получил тумака от Михаила и был немедленно прогнан. Дурачок с криками сбежал

от рассерженного монаха, прежде спокойного и миролюбивого. Слабоумный, обливаясь слезами, прибежал в деревню и начал всем жаловаться. Однако на него никто внимания не обратил. Мало ли что дурачок скажет.

Как только подступила темнота, Михаил начал исступлённо читать стихи об океане. Он произносил рифмованные строки для неё, для русалки, в которую влюбился без памяти. И его возлюбленная пришла. Вернее, подплыла к рыбацкому помосту. Она выполнила свое обещание, когда наступила ночь, а скатившееся за горизонт солнце сменилось красной полной луной.

Наступивший штиль и полностью спокойное озеро позволяло отшельнику увидеть всё. Русалка заливалась серебристым смехом и махала рукой обалдевшему от счастья мужчине, но на помост не взбиралась, оставаясь в воде. Зато она демонстрировала Михаилу соблазнительные части роскошного тела, ныряя и резвясь перед ним, то плавая на спине, то на животе, совсем рядом с монахом.

— Иди же ко мне! Умоляю! — горячо просил её Михаил, топчась на месте от вожделения на самом краю помоста. Однако русалка только маняще улыбалась и удалялась от помоста.

Красавица отплыла к середине водоема и оттуда помахала рукой единственному зрителю, призывая к себе. Однако тот замер, борясь с непреодолимым желанием подчиниться призыву. Увидев его сомнения, русалка горько заплакала и снова жалобно позвала к себе мужчину.

Тот не выдержал её слез, сбросил одежду, нырнул в воду и быстро поплыл к ней. Теперь озёрная девушка счастливо смеялась. Тела обоих слились, губы соприкоснулись в поцелуе, а тёмная вода вокруг радостной парочки взволновалась и начала вращаться, образуя водоворот, который быстро увеличивался в размерах. Однако Михаил не замечал этой опасности. Ему было всё равно. Монах наслаждался обхватившей его нагой русалкой и полностью подчинился её власти.

Даже когда бледное девичье лицо девушки, крепко державшей возбужденного отшельника на дне водоворота, вдруг стало зелёно-чёрным и приобрело омерзительные очертания лица утопленницы, а ряды острых как иглы зубов впились в его шею, Михаил видел только её первоначальный образ. Раненый монах не чувствовал боли и страха, опускаясь вместе с коварной русалкой на дно озёра. До последнего глотка воздуха мужчина ощущал неповторимое блаженство. Когда тела

обоих окончательно скрылись под бурной водой и водоворот замедлился и пропал, лунная дорога снова отразилась на водной глади.

Впрочем, свидетель у этого происшествия всё-таки был. Обиженный недоверием местных жителей, Тимоха вернулся к озеру, спрятался в кустах и видел всю жуткую сцену с самого начала. После того как озеро успокоилось, он выбрался из своего укрытия и, промычав что-то вроде «Утопленница забрала», пошёл в сторону деревни. Антиповцам он рассказал о произошедшем только утром. Речь слабоумного впервые в жизни была настолько ясной, что слухи об обстоятельствах гибели монаха разнеслись на всю волость.

После ничего не давших поисков пропавшего Михаила местными в Антиповку приехал следователь Иноземцев с бородатым верзилой-помощником. Он долго всех опрашивал, записывал показания, а потом и сам поселился с помощником в приозёрной избе. Никто не знает, что он там делал. Местные не сильно рвались узнать, они были напуганы.

Прошло три дня, и Иноземцев вернулся в деревню с настойчивым требованием изготовить для него вместительную просмоленную бочку, а

также купил бричку с лошадьми и заплатил двум местным крепким мужикам за помощь. Готовую бочку сразу забрал, их у бондаря несколько штук было. А бричку на следующий день к лесному озеру привели мужики, не без труда продираясь по узкой дороге.

И вот что те мужики рассказывали… Надежно закупоренную, крайне тяжёлую бочку всей толпой еле на бричку смогли взгромоздить. А в той бочке было слышно, как что-то жалостно вздыхало и плескалось. С такой добычей Иноземцев и уехал в город. Слухи поползли, что валуйского оборотня он ловить собрался. Громкое дело было, но это совсем другая история…

Фотографии на чердаке

Старый дом встретил их скрипом двери и запахом нежилого помещения. Костя поморщился — затхлый воздух пах пылью. Мама тут же распахнула окна, впуская свежий летний воздух, и принялась командовать разбором вещей.

— Ничего, быстро обживёмся, — оптимистично заявил папа, осматривая просторную гостиную. — Зато какая природа вокруг! И недорого совсем. К тому же, дом вполне приличный — хозяева явно следят за ним.

Дом действительно был неплохой — большой, добротный, с новой крышей и свежевыкрашенными стенами, даже полы заменили на современный ламинат. Видно было, что хозяева неплохо вложились в его обустройство под сдачу городским, жаждущим деревенского отдыха. В гостиной стоял современный диван, на кухне имелась вся необходимая техника, даже посудомоечная машина. Только старая деревянная лестница на чердак выдавала истинный возраст здания — её ступеньки пели и постанывали под ногами, словно жалуясь на прожитые годы.

Косте было пятнадцать, и перспектива провести всё лето в деревне его не особо радовала. Друзья остались в городе, Интернет здесь работал с перебоями, а телевизор показывал всего пять каналов. Но выбора особо не было — родители, откладывающие деньги на обмен на квартиру побольше, решили сэкономить на отпуске и снять этот дом вместо привычной поездки на море. К тому же тут их сын мог "оздоравливаться" всё лето, а не три недели — деревня была совсем рядом с городом, и родители после окончания отпуска вполне могли ездить на работу прямо отсюда.

— Воздух-то какой! — восторгалась мама, развешивая занавески. — И молоко парное, и овощи с грядки. Отдохнём от городской суеты.

Внизу были гостиная, кухня и две спальни, а наверху — просторный чердак, заставленный старой мебелью и коробками с вещами. "Барахло, — так определила это мама, мельком заглянув туда в первый день. — Только пыль собирает".

Первые дни прошли в обустройстве. Родители с восторгом погружались в деревенский быт. Папа занимался участком — косил траву, починил скрипучую калитку, даже небольшой мангал из кирпичей соорудил непонятно зачем, ведь они привезли с собой разборный. Мама разбила на

огороде несколько аккуратных грядок, засеяв их укропом и петрушкой. А по вечерам их небольшая семья сидела на веранде, пила чай и слушала, как поют птицы в ветвях старых деревьев.

Костя пытался найти себе занятие. Он гулял по окрестностям, читал книжки, привезённые из дома, и страдал от скуки. Местные ребята его возраста держались особняком — чужаков здесь не особо жаловали. Телефон ловил только на втором этаже у окна, да и то через раз.

А потом зарядили дожди. Целыми днями серое небо поливало землю водой, превращая дорожки в грязное месиво. Гулять стало невозможно, огород превратился в болото, а веранда наполнилась раздражающими звуками падающих капель. От безделья Костя зачастил на чердак. Захламлённое помещение оказалось очень интересным местом. Парень методично разбирал коробки, полные странных вещей: старых игрушек, пожелтевших газет, каких-то безделушек. В одной из них обнаружился набор ёлочных игрушек, которым было лет пятьдесят, не меньше. В другом — старые пластинки и сломанный проигрыватель.

В один из вечеров, когда дождь барабанил по крыше особенно громко, а в окна чердака стучал мокрыми ветвями деревьев ветер, Костя нашёл

альбом с фотографиями. Снимки были явно старыми — на обороте одного он разобрал дату двадцатилетней давности. На фотографиях были молодые люди. "Похоже, студенты", — решил Костя. Они смеялись, позировали на фоне этого самого дома, жарили шашлыки на заднем дворе. На одном снимке компания играла в волейбол — сетка была натянута между теми самыми яблонями, что до сих пор росли в саду.

Особенно ему запомнилась одна девушка — темноволосая, с живыми глазами и открытой улыбкой. Она была почти на каждом снимке — то с книжкой в руках на веранде, то с гитарой у костра, то просто смеющаяся в камеру. На обороте некоторых фотографий были надписи. "Марина с гитарой", "Наша русалка", "Маринка читает Цветаеву".

Именно в тот вечер Костя впервые заметил что-то странное. Убирая альбом обратно в коробку, он краем глаза уловил какое-то движение. Обернулся — никого. Только тени от заходящего солнца причудливо ложились на старую мебель, а дождь всё так же барабанил по крыше. Он списал это на игру света и спустился вниз ужинать.

Ночью ему приснился сон. Та самая девушка с фотографий стояла у его кровати. На ней было

лёгкое светлое платье — похожее на одно из тех, в котором она была на одном из снимков. Лунный свет проходил сквозь её фигуру, делая её похожей на туманный силуэт. Она пыталась что-то сказать, но Костя не мог разобрать ни слова. Только видел, как двигаются её губы, как она протягивает к нему руки. Проснувшись, он долго лежал в темноте, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Сон казался удивительно реальным — он даже помнил лёгкий запах полевых цветов, который, казалось, всё ещё витал в комнате.

На следующую ночь сон повторился. А затем ещё и ещё. Девушка появлялась снова и снова, всё так же беззвучно шевеля губами. Иногда она сидела в старом кресле у окна, иногда стояла у кровати, но всегда смотрела на Костю с какой-то невыразимой тоской. Он начал замечать, что и днём происходит что-то странное — краем глаза он то и дело ловил какие-то тени, а в доме ему иногда слышались непонятные звуки. То половица скрипнет, то тихий смех прошелестит, то зазвенит гитарная струна.

Родители же ничего не замечали. Папа целыми днями возился в сарае, что-то мастеря, мама занималась своими грядками, когда позволяла погода, и варила малиновое варенье. По вечерам

они усаживались смотреть старые фильмы по телевизору, а Костя всё чаще поднимался на чердак, чувствуя необъяснимую тягу к этому месту.

В пятницу вечером, когда дождь наконец-то прекратился, и закатное солнце заливало чердак оранжевым светом, он снова достал альбом. Фотографии словно ожили в золотистых лучах — казалось, что люди на них вот-вот начнут двигаться. И тут он почувствовал — кто-то стоит за его спиной.

Медленно обернувшись, он увидел её — девушку с фотографий. Она была полупрозрачной, как туман, но Костя отчётливо различал каждую чёрточку её лица. Он хотел закричать, но не мог издать ни звука. В горле пересохло, сердце колотилось как безумное.

"Не бойся, — прошелестел у него в голове девичий голос. — Мне нужна твоя помощь".

В следующее мгновение реальность словно растворилась. Костя увидел события двадцатилетней давности — как будто смотрел кино. Но это было намного реальней — он чувствовал запахи, слышал звуки, ощущал тепло летнего вечера.

Компания студентов часто приезжала на эту дачу, принадлежавшую родителям одного из них — высокого парня по имени Андрей. Марина

училась на филологическом, готовилась стать переводчиком. Ей нравилось читать стихи у костра, играть на гитаре, собирать полевые цветы. Её все любили — за живой характер, за искренность, за умение слушать и слышать.

В тот роковой вечер они жарили шашлыки, пили вино. Костя видел, как Марина спорит с Андреем — тот был явно пьян и агрессивен. Она что-то говорила про его отношение к другой девушке с его факультета, про то, что нельзя так себя вести. Потом он схватил её за руку, она вырвалась, побежала. Он догнал её у старого погреба. Всё вышло случайно — он просто хотел её остановить, но она споткнулась, упала, ударилась головой о камень.

Испуганные студенты, вмиг растерявшие беззаботность, склонились над неподвижным телом. Пульса не было. Андрей плакал, повторяя: "Я не хотел, не хотел..." Он предложил вызвать милицию, но остальные были против. "Подумайте о родителях! О нашем будущем! Это же случайность, никто не виноват..."

Они спрятали тело Марины в дальнем углу старого погреба, которым давно уже никто не пользовался, наскоро вырыв неглубокую яму. А затем замаскировали место какими-то ящиками.

Договорились говорить всем, что она уехала раньше остальных — якобы хотела ещё позаниматься перед важным экзаменом. Потом было объявление о пропаже человека, поиски, которые ни к чему не привели… Компания молчала. Со временем они разъехались кто куда, постарались забыть, но у каждого эта история оставила свой след в душе.

Видение закончилось так же внезапно, как началось. Костя обнаружил, что сидит на пыльном полу чердака. По лицу текли слёзы. Призрак Марины всё ещё был здесь, но теперь от него веяло усталостью.

"Помоги мне обрести покой, — прошептала девушка. — Моё тело до сих пор там, в погребе. Никто не знает правды. Родители так и не узнали, что со мной случилось. Они до сих пор ждут…"

На следующий день Костя за завтраком как бы между прочим сказал:

— Мам, а ты не слышала писк из погреба? Похоже на мышей.

Мама побледнела — она панически боялась грызунов.

— Нужно всё проверить! — заявила она. — Ты же разберёшься?

Она повернулась к мужу, тот закивал:

— Конечно, но у меня с Кузьмичом дел на весь день. Вечером гляну.

"Вечером" маму явно не устраивало.

— Да ладно, — небрежно кивнул Костя, — я сам спущусь. Возьму фонарик и осмотрю всё как следует. Может, это и не мыши вовсе.

Получив от мамы благодарное "только осторожнее там", он взял фонарик и по жутко шаткой лестнице спустился в погреб. В дальнем углу, куда указывала Марина в видении, под полусгнившими ящиками земляной пол оказался чуть мягче. Костя осторожно раскопал землю с одной стороны и скоро наткнулся на то, что искал.

* * *

Полиция работала несколько дней. Оперативники, эксперты, следователи — дом превратился в место преступления. Были проверки, допросы, громкие заголовки в местных газетах. Дачный посёлок наполнился шумом и слухами.

Виновных нашли довольно быстро — фотографии из альбома помогли установить круг подозреваемых. Они давно разъехались по разным городам, но следователи смогли восстановить картину событий двадцатилетней давности. Андрей, теперь уже успешный бизнесмен из Но-

восибирска, первым во всём признался.

Родители Марины, постаревшие, но всё ещё не потерявшие надежду найти дочь, наконец узнали правду. А призрак девушки больше не приходил к Косте — ни во сне, ни наяву. Только иногда после летнего дождя ему казалось, что в воздухе витает едва уловимый запах полевых цветов.

Могильник

Вадька был непослушным парнишкой одиннадцати лет от роду. Когда родители его оставляли на попечение деда и бабушки, те просто не знали, как уследить за резвым сорванцом. Он выходил с утра и пропадал до самой темноты с такими же шалопаями-дружками. Только те были местные, из больших семей, за ними и не приглядывал особо никто, а Вадька городской, над ним пожилые родственники буквально тряслись: не дай бог залезет куда-нибудь, куда не следует. Как перед родителями мальчишки потом оправдаться?

А мест, чтобы влезть в проблемы, в деревне было предостаточно; тут тебе и заброшенный ток с элеватором, проржавевшими конвейерами, шнеками и полуразрушенными складами, крутые овраги, примыкающие к густому лесу, бурная речка с заводями и омутами, частично растащенные, неликвидные свинарники и коровники, от которых остались только осыпающиеся бетонные каркасы с торчащей арматурой. Ну и, конечно, главное неприятное место села — скотомогильник, рядом с бывшей скотобойней и деревянным

полусгнившим домиком ветстанции, в которой никто давно уже не работал. Шесть послеперестроечных лет не прошли даром для некогда процветающего колхоза, и все, кто мог зашибить «длинный рубль», потянулись в крупные города, оставив семьи вести домашнее хозяйство и поддерживая деньгами. Так и родители Вадьки устроились в областном центре, парнишку оставили в деревне доучиться учебный год, побыть лето, а к осени забрать его пусть и на съёмную, но пока хоть такую, квартиру.

Вадьке, в принципе, было неплохо и в деревне, и в городе. Он везде легко устраивался и заводил друзей. В деревне, в которой он вырос, давно была крепко сколоченная ребячья шайка, которая обожала всё исследовать в радиусе десятка километров и похулиганить. Чего стоило только обокрасть наделы бахчи на дальних полях и довести до белого каления сменного сторожа, живущего в шалаше возле арбузо-дынных владений. И ведь не столько съедят трое мальчишек, Вадька, Степан и Миша, как поразбивают и порежут из озорства. Ничего их не страшило.

А вот скотомогильник они обходили стороной даже без предупреждений и увещеваний. Сказывалось общее настроение всех местных,

которые к территории массового захоронения останков животных относились с потаённым страхом и опаской. А уж слоняться возле него ночью даже взрослые мужики не решались. Впрочем, у взрослых особо и времени не было на такие эксперименты: работа да дом, какие там исследования мрачных мест.

Надо сказать, могильник не всегда вызывал к себе такое отношение местных, ведь скот и раньше там забивали много лет, потом разделывали, а те кости, что не отправляли перерабатывать на костную муку, захоранивали, постоянно подкапывая и досыпая зловещий холм. Он быстро рос, увеличиваясь в размерах.

Ещё до того, как колхоз разорился и скот массово пустили под нож, мальчишки прибегали посмотреть на залитые кровью разделочные полки и прочее оборудование, с тёмными, дурно пахнущими потёками на рабочих поверхностях. Ковырялись палками в высохших лужах соли и хлорной извести, которыми уже для галочки посыпали всё вокруг скотобойни. Ну а кости работники действительно закапывали рядом, в курган; не таскать же их чёрт знает куда, особенно когда завод по переработке костей закрылся.

Через полгода после массового забоя потяну-

лись, повеяли слухи о костяной нежити, иногда выбирающейся по ночам из могильного холма, переросшего в курган. Рассказывали про тоскливый вой, то тихий, то громогласный. Называли существо кто как. Кто Коровьим духом, кто Бычьей смертью. С фантазией на имена для нечисти у местных было не очень.

Зато её хватало на болтовню и сплетни, гласящие, что именно факт ликвидации сразу двух сотен голов крупного рогатого и помельче скота, породил тот ужас, который уж утащил в недра холма парочку местных алкашей. Те действительно пропали с концами, но годы были бурные, исчезнуть они могли по разным причинам, как те трое после них — бухгалтерша, дед Пахом и местный дурачок по кличке Пьеро. Так дурачка прозвали за то, что всю жизнь таскал большую, не по размеру, одежду. И хотя рациональное объяснение находилось: бухгалтерша была связана с воровством имущества, дед любил пошататься по лесу и даже заночевать там, а дурачок, он и есть дурачок, но временами на зловонный курган всё равно косились с опаской. Восемь метров в высоту, в три раза больше в длину и в два раза в ширину, скотомогильник был настоящей земляной горой. Особенно для детей.

Дурно пах он не всегда. Например, весной, когда его частично размывало талой водой, иногда летом, после ливней, или в любое время года, когда стенки земляной горы раскапывали стайки спущенных с привязей на прогулку дворовых собак. И как бы ни сыты были животные, а всё равно их тянуло как магнитом к скотомогильнику. Ладно, что они носились по всей деревне с костями в зубах, весело погавкивая, но это доставляло проблемы. Вот и торопились мужики побыстрее закопать разрытые псами ямы и норы, чтобы не распространился ни запах, ни зараза, не привлекло опасное зверьё из леса. А волки, лисы постоянно тёрлись у домов, в надежде утащить курицу или гуся у зазевавшихся хозяев.

В тот июньский вечер Вадька с товарищами решили покрасоваться перед сверстниками на дискотеке в клубе, где собиралась разновозрастная молодёжь. Инициатором проказы, заключавшейся в походе в ночное время за коровьими черепами, был Вадька. Предполагалось добыть черепа, запихнуть в них огарки свечей, незаметно выставить на краю площадки перед клубом и поджечь. Зачем и какой эффект это должно было произвести, местные не поняли даже после происшествия.

Настал тот самый вечер, когда компания, незаметно улизнув из своих домов, вооружилась лопатами, свечами и фонариками и отправилась на дело. Больше всего опасался попасться Вадька, чей дом был почти на краю деревни, от которого было не более двухсот метров до могильника. Ещё одним тревожащим фактором был здоровенный бобыль Николай, который детвору недолюбливал и вечно гонял из заброшек и остатков колхозного имущества. Николай жил ещё ближе к месту предполагаемого преступления. Он мог надавать затрещин и развести для наказания по домам всех троих подростков, причём ни дав возможности удрать ни одному, держа их без труда за шивороты. Потому до самого скотомогильника заговорщики фонариков не включали, справедливо полагая, что иногда выходящий покурить на лавочку мужик обязательно заинтересуется, куда это идёт шалопутная троица пакостить на ночь глядя.

Добравшись до искомого объекта, мальчишки стратегически зашли со стороны насыпи, невидимой из деревни, и уже там включили фонарики, приготовившись копать. Днём Миша, посланный на разведку Вадькой, определил места, где из земли торчали обломки костей, и

пометил их вешками с клочками ткани. Всё это должно было ускорить ночной процесс, так как нужно было успеть до часа ночи, до конца дискотеки, когда выходящих по плану должны были встречать огненные черепа. Сгустившая темнота и возбуждение от ожидаемого зрелища подстёгивали юных копателей, заставляя активнее рыть. Был извлечен и очищен от почвы первый череп, второй. Третий был забракован, ввиду отсутствия рогов, придающих устрашающий вид жуткому артефакту. Осталось найти ещё один, и можно приступать к самой интересной части приключения.

Когда Степан глухо стукнул штыком лопаты, по округе разнёсся низкий, душераздирающий вой. Из-под земли пробились полоски зелёного свечения, и глинистая почва зашевелилась, выпуская из себя ожившие кости. Длинная кость, заканчивающаяся копытом и непонятно как сочленённая, подбила Степку под колени и повалила. Тут же завизжавшего от ужаса мальчишку облепили и другие кости, потащили ближе к себе, к кургану. Он, пребывая в панике, отбивался и упирался как мог, но у него мало что получалось.

К чести его друзей, те хоть и были объяты ужасом и орали во всё горло, но уцепились в то-

варища, не давая быстро втянуть друга в курган. Оброненные фонарики светили куда попало, и лишь один из них наполовину освещал место неравной схватки. Борьба заняла несколько минут, и силы начали оставлять ребятню. Кое-как удерживая обмякшего Степана, им ещё удавалось не дать неведомому существу забрать добычу. Однако снова раздался леденящий жилы вой, и из земли вылез тот, кто управлял всем кошмарным процессом.

Вадька позже описывал его как хаотическое скопление костей, сгнивших шкур, рогов и копыт, а там, где в центре гигантской фигуры должна была находиться голова, оказались плотно стиснутыми и прижатыми друг к другу сразу три человеческих черепа со светящимися зелёными глазными впадинами. Сам монстр только спереди напоминал деформированный человеческий многоголовый скелет, а его спина тянулась многочисленными рёбрами и уходила в скотомогильник. Нежить была прямым его продолжением. С ним уже бороться у мальчишек сил не хватило. Изумрудная аура монстра заставляла слабеть, вой закладывал уши.

Когда на крики ребят подоспел вооруженный топором бобыль Николай и сразу сцепился с чу-

довищным скелетом, Степан уже исчез в глубине кургана. Мишка с Вадькой, собрав последние силы, бросились наутёк, в сторону деревенских домов. Они забегали во дворы, стучали в окна, зовя взрослых на помощь Николаю. Кое-где люди уже были во дворах, разбуженные шумом. Целая толпа мужчин бросилась к скотомогильнику, от которого неслись истошные вопли человека и потусторонний вой чудовища.

Однако пока они добрались туда, схватка уже закончилась. Только брошенный топор и ещё светящие фонарики, да взрыхлённая земля с метровой наполовину обвалившейся норой, уходящей вглубь зловещего кургана, были немыми свидетелями трагедии. Двое измученных ребят были отправлены по домам, а взрослые всю ночь провели возле холма в поисках пропавших Степана и Николая. Они рыли его оползающие стены, освещаемые фарами подогнанного «Зила», обошли каждый метр холма. Но никто не был найден.

Утром приехали милиция и машина скорой помощи. Исчезнувших пробовали искать с собаками, но в этот раз животные скулили и, поджимая хвосты, пятились от кургана. След взять не удалось. Поискав несколько часов по округе

Николая и Стёпку, государственные службы прекратили поиски, пообещав на днях организовать волонтеров и более крупными силами продолжить разыскивать. С тем и уехали.

Помертвевший от горя отец мальчишки поговорил с мужиками, и те, согласно покивав, разошлись с поручениями. Помощи от властей ждать не стали. Через час все четыре деревенских бульдозера начали срезать могильник, а два трактора ковшами грузили почву, перемешанную с костями животных, в кузова подогнанных грузовиков. Содержимое вывозили подальше от деревни и ссыпали в глубокий овраг. Те мужчины, что были не задействованы в работе с техникой, работали лопатами и внимательно осматривали извлеченную массу земли. Невозможно было определить в этой груде костей с почвой, была ли там описанная ребятами нежить.

К вечеру скотомогильник перестал существовать, но пропавшие так и не были найдены. Деревенские жители, уставшие и расстроенные, разошлись по домам.

На следующий день родители забрали Вадьку в город. Через месяц семья Миши предпочла переехать в соседнюю деревню, чтобы поправить психику мальчишки. Говорят, у них это получи-

лось. Костяной монстр исчез вместе с курганом. Никто из пропавших так и не был найден. В деревне ещё несколько лет обходили стороной проклятое место, пока агрохолдинг не арендовал территорию и не построил на огромных площадях длинные ряды курятников, прихватив и очищенную от земли площадку. К середине нулевых годов, поскольку больше мистических инцидентов не было, история была затёрта в памяти у местных и почти забыта…

Свинья

Была у нас в деревне соседка проблемная. Звали её Елена Петровна. Чертовски вредная и сварливая баба. Лет ей было около сорока, но всю жизнь она жила одна. Со всеми, в том числе с моими родителями, общалась через губу, с парочкой таких же тёток брехливые сплетни разносила, семьи ссорила, кляузы на местных в сельсовет писала чуть что. Рассказывали, что мужики её смолоду сторонились. Мне тогда лет двенадцать было, и хотя я самым младшим в семье был, но уже многое понимал, что народ болтает. Да и сама эта женщина бывала предметом наших ребячьих шалостей. Например, у неё в саду были роскошные вишни и груши, которые мы всей ватагой лазили обносить, вычислив, когда её нет дома. За что она потом устраивала скандалы нашим родителям и требовала с них компенсацию. В общем, мы тоже были «хороши» в какой-то степени. Но всё равно не были такими пакостниками, как она.

И действительно. Все, включая молодёжь, знали, что глаз у тётки Елены сильно дурной и работал стопроцентно! На кого она ни глянет

искоса, кто хоть немного ей не понравился или насолил чем-то, то всё — дальше без вариантов. Не пройдёт и месяца, как беда приключится с этим человеком. Он или заболеет, или покалечится, или вообще в реке утонет. Одного мужичка, который бесплатно (по указанию сельсовета) вспахал ей огород так, что ей не понравилось, она и вовсе со свету сжила. И как! Стая волков растерзала мужика в посадке. Вот шумиха тогда была! У нас же волков отродясь не бывало; последних, дед говорил, ещё в тридцатых добили. Если бы Марфа Николаевна, соседка жертвы, своими глазами не видела, как волчья свора треплет орущее тело, то никто бы в такое не поверил. Пока она своего мужа позвала, пока тот с ружьём прибежал, спасать было некого. Только мелькнули вдалеке несколько удирающих в сторону леса волчьих силуэтов. И всё, больше после того случая волки ни разу никому не попались.

Совсем тогда плохие слухи про Петровну поползли, хотели ей местные взбучку устроить. Но участковый вмешался, не позволил случиться самоуправству, сказал, что сам разберется. Ходил к ней, беседовал. Потом его как поменяло — милиционер стал хмурый и как в воду опущенный. Ходил по деревне, пистолет из рук не выпускал

и всем грозился, чтобы Елену Петровну никто не трогал, теперь, мол, это его дело. Так и терпели её, непонятно как прикрывшуюся законом. Лучшим способом было её просто избегать, а если гадости начинает говорить, то развернуться и уйти без споров.

Нашей семье она завидовала особенно и по-чёрному. Дом большой и красивый, семья немалая, четверо детей в ней. Отец в доле с другом рыбхоз держал, запускали малька, потом добывали и продавали подросшего карпа и толстолобика, дома хозяйство приличное держали. Мама завучем в школе была. Старшие братья ремонтировали в городе машины. До города, кстати, десять минут езды было. Деньги в семье водились, в общем. А у противной соседки ни мужа, ни хозяйства. Иногда к ней непонятные людишки приезжали из города, зависали у неё по часу-полтора и выходили с таинственными рожами и свёртками в руках. Говорили, что она предметами для порчи занималась, за это и деньги получала. Ну и участковый, который жил в городе, стал к ней ночами приезжать. Неплохо она устроилась.

И тем не менее, несмотря на все её возможности, Петровна только могла ядовито шипеть в нашу сторону. А всё потому, что она однажды

столкнулась с нашей бабушкой-сибирячкой, приехавшей к нам погостить. Они столкнулись нос к носу у забора, когда завистливая соседка заглядывала через него к нам во двор. Не знаю, о чём у них там был разговор, но Петровна две недели не показывалась из дома и не принимала клиентов. Бабушка сказала маме, что «черно-душная», так она назвала соседку, ближайшие годы нам не грозит. Я подслушал этот разговор и намотал на ус, потому и лазил за черешней без особого страха, решив, что наша бабуля напугала её навсегда. Откуда же мне было знать, как из-за одного случая обернется дело!

Был один из выходных дней, когда мы с друзьями вчетвером сидели у меня на лавочке перед двором, в тени раскидистых крон яблонь, нависающих через забор. Было очень жарко, так что мы даже на пруд идти поленились, просто болтали ни о чём, ожидая, пока жара хоть немного спадёт. Сидим мы, значит, разговариваем, и неожиданно к нам подходит Петровна, протягивает банку, полную спелой черешни и говорит:

— Я знаю, что вы ко мне собрались залезть, вот вам, кушайте на здоровье! Мытые уже!

Пока мы с опешившими физиономиями соображали, как реагировать, она вручила презент мне

в руки, хитро улыбнулась и ушла к себе во двор.

Я повертел двухлитровую банку в руках, глянул на друзей, ожидая их реакции.

— Саня, лучше не ешь, она же ведьма, — посоветовал мне рыжий Колька. — Мы никто не будем есть. Мало ли чего она наколдовала там.

— Ерунда, моя бабуля её так приструнила, что она нам ничего сделать не может, — зачем-то начал хвалиться я и запихнул горсть спелых ягод себе в рот, демонстрируя неслыханную храбрость и, как позже оказалось, глупость.

Я снова предложил друзьям угощение, но они отказались и заторопились куда-то по своим делам. Мне было понятно, что они не одобряют моего решения. Съев треть банки вкусных ягод и оставшись один, я высыпал оставшиеся в кормушку нашего курятника и птицы мгновенно уничтожили черешню, довольно кудахча. Родителям и братьям я ничего не сказал, почувствовал, что выхвачу неприятностей за это. Помыл банку и отнёс, поставил на скамейку Петровне. Стукнул ей в окно и, когда она показалась и приоткрыла створку, сообщил, что вернул тару, и выдавил из себя «Спасибо».

У неё была такая довольная физиономия при этом!

Вернулся домой, до вечера помогал маме по хозяйству, а потом у меня жутко скрутило живот. Ну, я не стал списывать это на какое-то колдовство, мало ли, после ягод бывает такое. В окно увидел, как к соседке на ночёвку подъехал владелец милицейского уазика. Живот к тому времени болеть перестал, но ужасно потянуло в сон, и я отправился в постель.

Всю ночь мне снилась всякая гадость, мутные, глупые сны. Я проснулся, едва рассвело, весь в раздёрганном состоянии, дрожащий, вспотевший. Мои домашние ещё спали. Стало душно, прямо дышать нечем. Я встал с кровати и приоткрыл форточку. Не помогло, в комнате было так же спёрто. Дальнейшее было странным: ноги сами меня понесли из дома на наш огород, в сторону овражка. Я шёл и удивлялся — вроде не хочу же идти, а двигаюсь как зомби. Хотя соображаю всё, только приказать своему телу не могу. Так я выбрался на середину огорода и шёл бы ещё дальше, если бы не стал как вкопанный.

На межевой тропинке, по которой я прошёл половину длины огорода, мне перегородила путь огромная, клыкастая свинья. Нет, даже не свинья, а дикий кабан! Какой же огромной была эта тварь! Я видел раньше кабана в зоопарке, и

тот показался мне настоящим великаном, но это существо было ещё больше. Не знаю как, но я определил в животном женский род. Её налитые кровью глаза и угрожающее хрюканье обратили бы меня в бегство, если бы я мог бежать. Но я от страха не мог шагу ступить, просто стоял и смотрел, как дикий зверь приближается ко мне, собираясь растерзать.

— Санька, беги сюда! — услышал я далёкий мужской крик. Знакомый голос нашего участкового.

Это и вправду вывело меня из ступора, и я припустил прочь от чудовища, а оно устремилось за мной. Я думал, что бегу очень быстро, но страшная свинья настигала меня: тяжёлый топот копыт по высушенной жарой почве грохотал в моих барабанных перепонках, грозное хрюканье с присвистом резало слух и заставляло холодеть от страха. Ещё бы чуть-чуть и…

Но тут грянули один за другим несколько сухих пистолетных выстрелов. За моей спиной раздался такой громкости свиной визг, что перекрыл все другие звуки. Шум от падения грузного тела стал сладкой музыкой для меня.

Я добежал домой, не оглядываясь, и чуть не врезался в заспанного батю, выскочившего на

крыльцо на звук выстрелов. Толкнув меня в дом, отец побежал в сторону огорода, откуда раздался крик участкового, полный ужаса.

Я нырнул в кровать, забился под одеяло.

Выбрался оттуда только через час, когда меня позвала завтракать мать. Братья к тому времени уехали на работу в город, и мы оставались втроём. Отец уже сидел за столом и рассказал мне такие вещи, что я не сразу поверил. Он сказал, что когда добежал до места, где упала замертво подстреленная свинья, то увидел бьющегося в истерике участкового у окровавленного тела нашей злобной соседки.

Оказывается, что группа криминалистов уже приехала, прошла через её двор и работала на месте происшествия, а потерявшего самообладание стража порядка, который меня спас, увезли в город его коллеги. После этого отец сердито глянул на меня и спросил, какого чёрта я там делал в такую рань. Мне пришлось рассказать всё, начиная с момента ягодного подарка.

— Она всё-таки придумала, как до нас добраться. Очень повезло, что участковый ночевал там и вышел поутру покурить или ещё зачем и не признал в кабане, гнавшемся за тобой, обратившуюся ведьму. С оружием он не расставался

сроду, был у него бзик такой. Ну инстинктивно и начал стрелять, милиционер же как-никак, — заключила мама.

Отец же молчал. Он не верил в подобные вещи и признавал только материальное. Однако и опровергнуть слова мамы не мог. Когда он прибежал на место, то увидел уже свершившуюся картину и никакой дикой свиньи. Даже следов копыт не было. Разумеется, его уже опросил следователь и предупредил, что ещё не раз будет беседовать. И, конечно же, он им не расскажет ничего о том, что сказал я. Это же невозможно доказать, а вот проблем себе приобрести — запросто.

Целых две недели местные обсуждали случившееся, участкового сняли с должности и завели на него дело. Я, кроме родителей, не рассказывал никому о том утре. Опустевший дом соседки продала её дальняя родственница другим людям, и скоро у нас появились нормальные соседи.

Вот такая история случилась в моём деревенском детстве. Когда я рассказываю о нём через много лет своим друзьям, то они смеются. Но мне до сих пор не до смеха…

Ползуны

Небольшая компания любителей выпить и помыслить не могла, каким трагическим образом завершится их предновогодняя пьянка, устроенная на свежем воздухе. Жуткая смерть застала пьянчуг врасплох, и никто из них не сумел понять, что происходит. От жертв осталось совсем немного.

Такую картину места преступления участковый уполномоченный Олег Степанов увидел впервые за годы службы. То, что осталось от трёх человек, сейчас бы поместилось в обычную дорожную сумку.

Пятый год Степанов работал сразу в трёх сёлах после того, как его перевели из райотдела в участковые из-за конфликта с начальством. До того, на службе в девяностых, ему пришлось пройти через многое. Повидал и наркоманов, и помешавшихся от алкоголизма мужиков, и женщин, жестоко убивавших мужей за неверность. Однажды он даже получил заряд картечи в плечо от сбежавшего уголовника, прятавшегося на

местных торфяных болотах от облавы. Но то, что случилось сегодня…

Четвёртого, единственного выжившего из злополучной компании, бородатого старика в потёртом пальто, трясло от пережитого. Исходя из того, что он рассказал об увиденном по возвращению из магазина с бутылкой водки, старика надо было сдавать в психиатричку либо… Либо туда же надо было отправить старшего лейтенанта Олега Степанова. Если записать в отчёте, во что именно милиционер выпустил обойму из табельного «Макарова», это можно было счесть сумасшествием.

— Пойдёмте отсюда, Олег Васильевич. Холодно же, — свидетель теребил в руках зелёные шерстяные варежки и старался не смотреть в сторону останков собутыльников. Безголовая половина тела одного из погибших лежала на оторванной ноге другой жертвы. Серый валенок на окровавленной конечности смотрелся страшно и одновременно нелепо. От третьего потерпевшего и вовсе остались только голова и клочья тряпья. А чуть дальше, за жуткими останками, лежало то, что поставило бы в тупик любого эксперта…

В снегу растянулось неподвижное трёхметро-

вое тело существа, напоминавшего гигантскую пиявку. Его тёмно-синяя кожа была покрыта частыми участками с чёрными волосками и выпирающими сферическим наростами коричневого цвета. По верхней части «пиявки» проходил мощный гребень, состоящий из загнутых назад шипов. Издалека этого монстра можно было принять за трубу метрового диаметра.

— Скоро уходим, — ответил участковый мужчине и присел на корточки возле поверженного им чудовища, пребывая в состоянии прострации.

«Прямо Святой Георгий над побеждённым змеем», — подумалось Степанову. Пять дырок от пуль, выпущенных из его пистолета, сочились сладко пахнущей прозрачной жидкостью. Лёгкая вмятина от шестой пули на одном из выпуклых наростов свидетельствовала о бронированных участках на теле существа. Такими наростами было покрыто по бокам и сверху практически всё тело чудовища. Участковому повезло, что он всадил большую часть пуль между защитными пластинами.

Началось произошедшее так… В кабинет участкового в сельском совете без стука влетел

пенсионер Истомин. Он протараторил, что его друзей «чёрт разорвал и пожрал». Милиционер вначале подумал, что старик допился до этого самого «чёрта». Но глядя в ошалевшие от ужаса глаза прошедшего войну старика, он решил, что произошло действительно что-то серьёзное. Олег одел форменную куртку, поправил кобуру, закрыл кабинет, расположенный в начале коридора сельсовета, и направился с Истоминым на место происшествия.

К лавке перед палисадником они бежали едва ли не наперегонки. Семидесятидевятилетний дед не отставал от упитанного, но шустрого участкового. От сельсовета было метров четыреста по неочищенной от снега просёлочной дороге. В любом случае, получалось быстрее добраться ногами, чем заводить и греть двигатель старенького «уазика». Этой зимой дороги чистили редко. Всего в селе было двадцать четыре дворовых хозяйства, сельсовет со складом, расположенным позади него, а также магазинчик с продуктами и всякой мелочёвкой. Село находилось среди осушённых в восьмидесятых годах торфяных болот, в пятидесяти километрах от райцентра. До места происшествия они ещё не добрались, когда сердце Степанова сжалось от нехорошего

предчувствия.

И предчувствие его не обмануло. Никакого чёрта, конечно, не было. Однако разбросанные по снегу останки людей выглядели не менее жутко. Истомин не мог всё это устроить. Степанов выругался, тяжело дыша.

— Этот… Он был тут. Не я это, богом клянусь! — прочитав подозрение в глазах участкового, завопил пенсионер.

— Кто «этот»? — спросил, отдышавшись Степанов. На очищенном от снега деревянном столике в небольшом саду, расположенном со стороны улицы, лежал кухонный нож. Рядом с ним — почти пустая бутылка водки и нарезанная зелень. Опрокинутые стаканы блестели среди кусков разбитой скамейки, а снег вокруг был перерыт, будто по нему таскали брёвна.

— Петрович! Может это были медведь или стая волков?

— Я что, не знаю, как выглядит волк или медведь? — вспыхнул старик и задышал в снятую рукавицу. Пробежка не пошла ему на пользу. Истомин закашлялся и полез в карман пальто за пачкой папирос.

— Митрич говорил, что видел на торфяниках волков, — начал вслух размышлять Степанов и тут же осёкся.

Существует мнение, что человек способен чувствовать приближающуюся угрозу, даже не видя и не слыша её. Это заложено в людях с незапамятных времён. Может быть, именно так разворачивался какой-нибудь кроманьонец и бил каменным топором напавшую клыкастую смерть. Инстинкты…

Побелевшее лицо Истомина и ссыпавшиеся с задрожавших кустов шапки снега заставили участкового развернуться и выпустить всю обойму в стремительный белый вихрь, летящий на людей. За секунду до этого Олег почувствовал, как щёлкают молоточки у него в висках и страх ползёт ледяной дорожкой по позвоночнику. Хорошо, что не стал рассматривать и размышлять, в кого стреляет. Это спасло жизнь им обоим.

Мощное, тяжелое тело, пробитое несколькими пулями, ударило в ноги участковому. Сильный толчок усадил милиционера на снег. Существо упало рядом, вытянулось в судорогах, напоследок клацнув воронкообразной круглой пастью с рядами острых зубов, возле ноги правоохранителя.

Когда монстр перестал подёргиваться, его рот, подчиняясь неизвестной мышечной реакции, словно втянулся внутрь, оставив лишь небольшой тёмный овал.

— Пошли! — схватился за рукав куртки обалдевшего участкового Истомин. Милиционер в ступоре сидел на снегу, мучительно соображая, что он подстрелил. Олег встал и снова присел возле мёртвого существа.

— Слушай, Петрович. От меня не отходи ни на шаг. Пойдём звонить в район, — страж правопорядка, наконец, справился с собой, поднялся и был готов действовать.

Назад к сельсовету они шли молчком, пока милиционер не решил уточнить.

— Сколько ты видел таких? — мрачно спросил он старика.

— Да кто же их знает! Я только из магазина, водку мужикам нёс, а там — черти. Нет, не черти — ползуны! Целый клубок! И рвут! Мужики так кричали! — Петрович оглянулся на свой двор, возле которого произошла трагедия.

— Ну, примерно хотя бы.

— Пять или шесть, может быть больше! И сугробы вокруг ходуном ходили! Я как всё это увидел, то понял, что ничем не помогу. Сразу побежал к вам.

— Это ты сделал правильно. Хорошо, что один живёшь. И те два дома рядом с твоим пустые.

— Жалко мужиков…

Добравшись до сельсовета, они обнаружили толпу из двадцати человек. То есть почти всех, кто не уехал из села на праздники. Селяне, жаждущие новостей, прибежали к зданию администрации, услышав звуки выстрелов. Участковый изучающе посмотрел на них: старики, дети, несколько молодых девушек.

«Как объяснить? Как им сказать? Паника будет», — раздумывал Степанов.

— Уважаемые граждане! Расходитесь по домам. На мужиков напали волки, я стрелял, троих они перед тем загрызли. Скоро с района приедут сотрудники, облава будет. Расходимся! Не толпимся! — бодро выкрикивал он, ничего лучше не придумав. Ну да, толпа и не думала расходиться. Конечно, кто-то ушёл домой, но большинство рассудило, что спокойнее будет рядом с воору-

женным милиционером. Посыпались вопросы.

Оставив главу администрации, Валентину, разбираться с собравшимися людьми, Степанов ушёл с Петровичем в свой кабинет. Налил себе и Истомину горячего чая из термоса. Покрутил диск телефонного аппарата, набирая номер.

— Дежурный! Капитана Бородянского! Это старший лейтенант Степанов из Нелюдовки звонит, — потребовал участковый.

В трубке Степанов услышал знакомый бас капитана на фоне женских голосов и громкой музыки. Очевидно, в конторе уже начали отмечать праздники.

— Что у тебя, Степанов? Поему докладываешь не по форме? — голос Бородянского был раздраженным. Капитана отрывали от приятной компании.

Степанов коротко изложил о случившемся. В трубке полминуты помолчали, оценивая сказанное им. Потом начальник разразился продолжительной тирадой.

— Лейтенант, какие ползуны к едрёной матери?! Вы там что, с местными уже напились?

Три трупа в Нелюдовке? Какой тебе спецназ? Отправлю следователя Смирнова, криминалиста и Малыгина. Труповозка только завтра сможет приехать. Всё на этом!

— Товарищ капитан, я полагаю…

— Да мне плевать, что ты полагаешь. Я всё сказал. Молодец, что доложил, и то, если сказал правду! Ты точно трезвый?! Может ещё танки с авиацией тебе прислать?

Связь оборвалась, обозначив финал разговора. Участковый вздохнул, потом глянул на пенсионера, пьющего чай из розовой чашки.

— Слышишь, Петрович, у тебя же дома есть ружье. Ты у нас тут вооруженный один, кроме меня.

— Есть ружье, — поднялся со стула Истомин и насупился. — В сейфе, как положено, дома. А там эти…

— Надо забрать оружие Петрович. Из отдела, дай бог, к ночи приедут, дороги заметённые, чистят из района медленно. А у меня пара обойм всего в наличии.

Милиционер посмотрел в окно, разрисованное

морозным узором. Зимнее небо ещё пару часов будет светлым, но что потом? Что будет происходить в темноте? Может, ползуны не нападут? Может быть, испугались грохота выстрелов и смерти соплеменника и больше не покажутся? Но если нет? Трое погибли от ужасных ран, не успев не то что сбежать, а даже позвать на помощь.

Пока Степанов размышлял, старик допил чай, поставил чашку на полку и отправился к выходу. Решив, что его нельзя отпускать одного домой, участковый догнал его. По пути отдал приказ главе администрации, уговорившей жителей вернуться домой. Теперь Валентине нужно было обойти местных и сказать, чтобы они заперлись и не высовывались на улицу. Когда Валентина начала расспрашивать о причинах, отмахнулся от неё, сказал, что позже расскажет.

— Петрович, покрывала найди. Прикроем мужиков и ползуна от любопытных глаз. Не дай бог, бабы увидят, паника будет, — участковый и Истомин пробивались сквозь снежные наносы, местами проваливаясь выше колено. Зима выдалась снежной.

Старик понятливо кивнул. Степанов бросил беглый взгляд на нелюдовскую улицу. Разбросан-

ные по длинному пологому холму одноэтажные домишки. Треть из них пустуют, зияют чернотой оконных проёмов. Между домами приличное расстояние. Окно в окно тут и не жили с соседями никогда. От дома Истомина сквозь начавшие падать снежные хлопья виднелись затянувшиеся туманом торфяные болота.

Откуда взялся туман? Да ещё в пятнадцатиградусный мороз! Старик, вышедший из двора со свёрнутой тканью, полным патронташем и охотничьим ружьём, застал участкового разглядывающим дым на горизонте.

— Там три дня назад дети костры жгли. Я прогнал их, а костры вглубь провалились. Может низовой пожар разгорелся, — ткнул старик пальцем в сторону дыма, стелющегося над болотами. — Думаете, оттуда они полезли?

— Не знаю, — вздохнул Степанов. Он отвернулся от пенсионера и начал укрывать останки людей принесённым тряпьем.

— Много-то помощи приедет? — с подозрением спросил Истомин. — Нам в сорок третьем на высоте помощь двое суток обещали. От роты в итоге четверо бойцов осталось.

— Ну, Петрович, если ты войну пережил, этих ползунов и без подмоги уделаем. Пускай только сунутся, — убеждал милиционер, уйдя от прямого ответа.

— Мне бы автомат, — произнёс пенсионер и глянул с сожалением на собственную «вертикалку».

— Пушку ещё, скажи, — рассмеялся участковый и, вспомнив сказанное капитаном, снова нахмурился. — Вернёмся в мой кабинет, там устроим штаб до прибытия ребят.

Возле кабинета участкового их встретила беспокойная старушка — жена одного из погибших. Двух остальных не хватились домашние. У обоих были взрослые дети, не проживающие в Нелюдовке, а жёны давно умерли. Пришлось Олегу Степанову пригласить пожилую женщину в кабинет и, отпаивая оставшимся чаем, сказать правду. Узнав о случившемся, женщина ойкнула и спрятала лицо в клетчатом платке.

— Ты мне, Виктория Борисовна, не разводи панику, прошу. Понимаю, что очень тебе тяжело. Запрись дома, пока я с Петровичем не обойду всех и не скажу, что выходить безопасно.

Проводив старушку из своего кабинета, милиционер глянул на настенные часы. Стрелки показывали четыре часа дня. Через час уже стемнеет, и на всё село будет гореть четыре тусклых фонаря. На остальных фонарных столбах лампы сгоревшие. Помнят ли про его сообщение в районе? Не должны забыть и не среагировать, ведь три трупа — дело нешуточное. Вопрос в том, когда они приедут. Вряд ли быстро. Занесённые дороги, начальство выпивает, время под Новый год. Трупы ведь никуда не денутся, а капитан уверен, что это нападение зверей… Чёрт, лучше не думать. Остаётся только надеяться, что помощь поспешит.

— Можно зайти, Олег Васильевич? — в кабинет участкового заглянула глава села. Женщина заметно нервничала.

— Я тут вернулась от людей и услышала краем уха про чудовищ…Это правда?

— К сожалению, — ответил коротко участковый. — Вы обошли всех?

— До Терёхиной далеко, я послала племянника к ней. У Пашковых кто-то вроде есть, постучала, но мне не открыли. Я постучала-постучала по

окнам и ушла.

— Вот что, — встревожился Степанов. — Вы говорили, что ваша дочка в город собиралась с детьми.

— Да, завтра утром поедем все вместе, — ответила Валентина.

— Собирайте родню прямо сейчас, сажайте в «уазик» и везите. Дело опасное.

— Как же я людей оставлю? — всплеснула руками женщина. — Меня же посадят!

— Не посадят. Везите своих, я беру ответственность на себя. Соседку ещё заберите. Будут вопросы — скажете, что выполняли моё указание. Если нужны будете, то я вам позвоню, — рассердился Олег.

— Не волнуйся, мы присмотрим за людьми, — проворчал Истомин. — Участковый дело говорит.

Потрясенная женщина ушла, а Петрович и Степанов вышли на улицу, чтобы прогреть машину. «Уазик» покряхтел и нехотя завёлся, постреливая выхлопом.

— Надо к Пашковым сходить, глянуть, почему не открыли, — Олег нащупал в кармане оставшуюся обойму. Вторая уже вставлена в пистолет. Милиционер пнул носком тёплого ботинка колесо машины, сбив с диска наледь. — Петрович, ты тут оставайся. Я сам пойду.

— Вы же сказали, чтобы от вас не отходил!

— Сейчас парни из района подъедут. Если я не успею к тому времени вернуться, расскажешь им всё. Я пошёл.

Оставив пенсионера с ружьём рядом с заведённым автомобилем, Степанов побрёл к Пашковым. Он неспешно шёл в том же направлении, где находился и дом Истомина, только Пашковы жили через дорогу, напротив. Тем временем на село опустились сумерки. Проморгавшись, зажглись фонарные столбы, в части домов тоже появился свет в окнах. Участковый ускорился, чтобы дойти до нужного дома, пока совсем не стемнело.

Дойти до дома Пашковых милиционеру не позволил истеричный женский крик позади него, разнёсшийся на всю округу. Потом раздались испуганные крики со стороны сельсовета. Степанов ругнулся и побежал назад, на ходу выхватив

табельное оружие. Он бежал, с ужасом глядя, как всего в нескольких шагах от него осыпаются и вздымаются сугробы. Движение происходило во многих местах. Олег издали видел мечущихся в ужасе людей, падающих, бегущих, утаскиваемых в темноту. Слабый свет из домов и редкие фонари освещали эту нереалистичную, чудовищную картину. Казалось, ползуны были повсюду. Их продолговатые тела выныривали из снега и снова исчезали в нём, но уже вместе с людской добычей.

Олегу пришло в голову, что это похоже на кошмарный сон, только проснуться было нельзя. Он спотыкался, бежал и кричал людям, чтобы они собирались в здании сельсовета, надеясь их там защитить. Очередной ползун вывалился из сугроба прямо ему под ноги, оскалившись усаженной зубами смертельной воронкой. Это существо отличалось от убитого раньше Степановым. Из головного сегмента у новой твари росли четыре щупальца, каждое толщиной в человеческую руку. Эти щупальца были покрыты блестящей чёрной кожей. Растопырив вибрирующие щупальца, монстр попробовал схватить ими ногу Степанова, однако получив несколько пуль, ползун зашипел и скрылся, быстро зарывшись

в глубокий снег. Перед этим он подарил Олегу полный ненависти взгляд шести расположенных дугой, фосфоресцирующих синеватых глаз.

До здания сельского совета оставалась какая-то сотня метров. Туда бежали все, у кого вышло избежать нападения чудовищ, игнорируя приказ Валентины сидеть в своих домах. «Уазика» на очищенной от снега площадке возле сельсовета уже не было. Видимо, Валентина успела уехать вместе со своими племянниками и соседкой.

«Хорошо, — подумал Степанов, хладнокровно отметив этот факт. — На шесть человек здесь меньше».

Девушка в белом свитере и джинсах выбежала из соседнего дома, сделала несколько шагов и тут же упала, сбитая с ног мощным ударом. Новый ползун вцепился в упавшую, разбрызгивая вокруг кровь несчастной жертвы. Участковый выстрелил в тварь, но без особого успеха. Пуля срикошетила от защитной пластины. Над местом, где только что находились ползун и его добыча, взметнулось снежное облако, скрывшее на миг происходящее там. Когда оно осело, на месте атаки остался только залитый кровью взрыхлённый снег.

Безумный рывок к сельсовету. Два ружейных выстрела донеслись оттуда. Это Петрович прибил картечью к кирпичной стене гнавшегося за женщиной ползуна и в спешке перезаряжал оружие. Ветеран действовал спокойно, не в пример всем остальным. Кроме участкового, пожалуй.

— Все в здание! Скорее! — заорал Степанов. — Быстрее, вашу мать!

Крик участкового вместе с матерщиной подействовал на людей. Петрович и милиционер последними вбежали в сельсовет. За ними в дверной проём попытался протиснуться и особо шустрый ползун. Однако выстрелы из пистолета Степанова и ружейный выстрел старика продырявили голову монстра. Агонизирующее чудовище ещё подёргивалось, его приголовные щупальца колотили утоптанный снег, когда на него набросились три таких же хищника, раздирая на части.

Петрович захлопнул тяжелую металлическую дверь, не став смотреть на пиршество всеядных монстров. Люди, попавшие внутрь помещения, без сил повалились, кто просто вдоль стен, кто на стулья в кабинетах. На время они оказались в безопасности, кирпичные стены были пре-

пятствием для ползунов. Зарешёченные окна располагались высоко, а чудовища не совершали слишком высоких прыжков. Зато вдоль любой поверхности они стремительно двигались и атаковали с чудовищной силой. Стена сельсовета со стороны стоянки вздрогнула от мощных ударов, однако устояла.

Оглядев собравшихся людей, Олег прошелся по коридору. Не стоит рассиживаться, когда местные на него смотрят. Ведь он их последняя защита. Ну и Истомин, разумеется. Молодец, ветеран, бил без колебаний что врагов на войне, что этих гадов!

Степанов вставил последнюю обойму в «Макарова». Пересчитал подопечных. Вместе с Петровичем, следящим за улицей через решетку окна, их было девять. Степанов — десятый. Выходит, пропало одиннадцать человек. Возможно, кому-то повезло уехать до нападения. Сейчас не разобраться.

Петрович порыскал по шкафам кабинета главы администрации, нашел несколько пачек печенья, бутылку коньяка и большую коробку шоколадных конфет. Старик раздал конфеты и печенье людям, потом спрятал бутылку во внутренний карман пальто. Кроме участкового

и пенсионера, в сельсовете укрылись только женщины. Пять постарше и три молодые. И все они могли впасть в истерику.

«Надо их чем-то занять», — подумал Степанов.

— Так, гражданки! Встаём и тащим сюда из подсобки обрезки досок, инструмент и гвозди. Забиваем окна, оставляем щели, чтобы ствол оружия можно было просунуть.

Подход Степанова оказался верным. Занятые делом женщины, всхлипывая, принялись укреплять окна. Польза такой деятельности была сомнительной, но хотя бы они не паниковали.

— Во, команды раздаёшь! Прямо генерал! — улыбнулся Петрович. Он уже успел выпить немного найденного коньяка.

— А ты тоже хороший вояка, — усмехнулся участковый. — Правда, валенок у тебя порванный.

— Один из них вцепился в ногу, подыхал уже, а обувь испортил, — сокрушался пенсионер.

Оба засмеялись, снимая напряжение. Через двадцать минут женщины завершили работу и обступили милиционера и Истомина, со страхом

заглядывая им в глаза.

— Поспите немного. В кабинете секретаря и Валентины. Из здания пока не разрешу, никому не выходить! — скомандовал Олег. Женщины ушли, переговариваясь между собой. С мужчинами осталась только Татьяна, рыжеволосая худая девушка. В руке она сжимала топор, которым только что забивала окна.

— Тебе чего нужно? — спросил участковый.

— Я с вами останусь.

— Зачем?

— Я не хочу закончить как моя соседка… Беспомощно, без борьбы.

— Хорошо, — сдался Степанов. — Будешь прикрывать Петровича, когда он перезаряжаться будет. Если твари вдруг сюда полезут.

Девушка согласно кивнула и уселась на стул, готовая вскочить в любую секунду.

Снаружи затихло. Только иногда шелестящее перемещение ползунов под стенами сельсовета напоминало людям о страшном соседстве. Криков с улицы тоже больше не было слышно.

Степанов надеялся, что ещё кому-нибудь удалось спрятаться в своих домах и хватит мозгов не высовываться наружу. Прошло два часа томительного ожидания. Петрович отозвал участкового в сторону и спросил:

— Что там с помощью?

— Не знаю, — признался Олег. — Телефон не работает, два раза уже проверил.

— Беда, — грустно протянул старик. — В селе ещё телефоны есть, но как до них добраться?

— Приедут обязательно. Не стоит рисковать.

— А если не приедут или слишком поздно? Сожрут же нас, — последнюю фразу пенсионер произнёс громко, и задремавшая Татьяна открыла глаза, прислушавшись к их разговору.

— Гудит что-то! — девушка вскочила и подбежала к окну. В щель она разглядела свет фар приближающегося к сельсовету уазика, в простонародье называемого «буханкой». Татьяна бросилась открывать дверь с таким энтузиазмом, что Степанов еле успел пресечь её глупый порыв.

— Сдурела? Жить надоело? Петрович, отломи

одну доску. Крикнем и предупредим группу!

Доска была оторвана, и участковый оглядел улицу. Света от ближайшего фонаря и взошедшей луны для этого хватало. Масса тяжелых снеговых туч ушла, открыв небо, покрытое звёздной россыпью. Олег следил за приближающейся машиной. Вот она повернула с дороги и подъехала к площадке перед сельсоветом. Тревожное чувство охватило участкового. В окно он не наблюдал ни одного врага. Всё было тихим, замершим. Слишком тихим. Рыхлый снег оставался спокойным, однако Олегу в каждом сугробе мерещилось спрятавшееся чудовище.

— Ребята! Оставайтесь в машине! — заорал Степанов.

— Не выходите! — крикнул Петрович, тоже почувствовав неладное.

Но было поздно: первым из машины выбрался водитель. Он хотел походить и размять занемевшую спину. Затем из боковой дверцы выпрыгнули наружу две тёмные фигуры. Очевидно, следователь и криминалист. В следующий миг снежные кучи вокруг площадки взметнулись стремительными телами монстров. Смерть вце-

пилась в прибывших людей. Дважды гремели выстрелы. Однако ползуны уже не бежали от звуков стрельбы.

Водитель сообразил, что путь к спасению — вернуться в машину. Но не успел. В спину ему впились сразу две клыкастые пасти, разгрызая кости и втягивая в себя плоть словно мясорубка. Такого нечеловеческого жуткого крика Степанову ещё не приходилось слышать. В ком слившихся человеческих тел и ползунов вести огонь из окна было бессмысленно. Петрович выругался и сполз по стене, схватившись за сердце. Татьяна рыдала на груди участкового. Шум нового трагического события разбудил женщин, дремавших в соседних кабинетах. Они снова начали паниковать, поняв, что сейчас произошло.

— Вот и вся помощь, — неестественно спокойно сказал Олег.

— Пришлют ещё, когда кинутся искать этих. Но сколько времени пройдёт? — бормотал старик.

— Думаю к утру или через несколько часов. Вот же хитрые уроды! — участковый впал в ярость. — Откуда только взялись?

— Сто процентов говорю, что из торфяников, —

уверенно произнёс Петрович и прибил на место оторванную доску. Потом прислушался. — Тише!

Работающий двигатель «буханки» мерно тарахтел, но не этот звук привлёк внимание Истомина. Он слышал стук. Еле слышный стук. Потом шипение и снова стук, доносившийся с тыльной стороны сельсовета.

— Там запасной выход. Деревянная дверь со стороны склада, — испугалась Татьяна. Мужчины бросились подпирать дверь в конце коридора всем, что нашлось. Хлипкая дверь ходила ходуном и с каждым ударом слегка отодвигалась. Громкое шипение оповестило осажденных, что большая часть ползунов собралась за этой дверью. Монстры разгонялись и по очереди таранили импровизированную баррикаду. То, что они попадут внутрь, было только делом времени. Причем недолгого. Степанову ничего не оставалось как приказать:

— Женщины — к машине. Петрович, ты за руль и езжай в район. А я их придержу! — воспользовавшись передышкой, участковый приволок к баррикаде газовый баллон из подсобки. Там стояла ещё пара таких же. Пока Олег тащил и их, старик и Татьяна держали дверь. Большему ко-

личеству людей к задней двери было не подойти из-за тесного коридора.

— Только все сразу! Дверь открыли и рванули в машину, не толпиться, без паники! Если кого-то поймают, то другим не останавливаться! Всё равно им не поможете, — добавил Степанов.

Женщин уговаривать не пришлось. Они собрались у входной двери, готовые к броску. Если им встретится один-два ползуна, то шансы добежать до машины у большинства были. Олег остаётся здесь и задержит тварей, бьющихся в заднюю дверь. Иначе все погибнут.

— Олег, я останусь, — тихо, но уверенно сказал пенсионер. — Пожил и повоевал я неплохо. У тебя семья, ты молодой. Иди, некогда препираться.

— Спасибо, Петрович. Когда услышишь сигнал, значит мы поехали. Лезь на чердак, там в подсобке лестница. Места там немного, но тебя там, может, и не достанут, ты должен успеть!

Степанов подпёр обломком доски место, которое он до этого удерживал, и побежал вслед за Татьяной и остальными. Женщины выскочили на улицу, преодолевая дистанцию до открытой машины. Пара ползунов попыталась перехватить

их справа, но Степанов высадил в них последнюю обойму. Чудовищ это не прикончило, но замедлило. Все успели забраться в «уазик» и закрыть дверцу. Как только машина, посигналив, вылетела на дорогу, в сельсовете раздался оглушительный взрыв. Очевидно, ветеран взорвал газовый баллон, когда держать дверь уже не оставалось сил. Заодно прикончил нескольких ползунов.

Степанов надеялся, что старик успел забраться на чердак и выстрелить оттуда по баллону, но шансов на это было мало. Старый ветеран спас их, но себя не уберёг.

«Уазик», пробивая снежные перемёты, покинул опустевшее село. Рядом с ревущей машиной справа и слева выкапывались ползуны, пытались вцепиться в колёса. Одного из них «буханка» переехала, чудом при этом не перевернувшись. Но у них вышло, они вырвались из объятий смерти.

На следующее утро группа внутренних войск прибыла на бронетехнике в Нелюдовку. Военные перестреляли всех ползунов и выжгли их гнёзда, обнаруженные на краю торфяников. Хищники сами выдали их местоположение, удирая к ним из села, поняв, что новая добыча им не по

зубам. Одну раненную тварь удалось захватить живой возле догоревшего сельсовета с помощью сверхпрочных металлических сетей. С большой осторожностью военные погрузили обездвиженное существо в специальный контейнер, закреплённый в кузове «Камаза».

Спасшимся селянам объяснили, что их атаковал ранее неизвестный науке реликтовый вид хищных гигантских червей. Но почему они были такими огромными? Об этом военные умолчали.

Старшему лейтенанту Олегу Степанову присвоили внеочередное звание «майор». Его перевели в спецотдел и отправили в столицу, подальше от этого села. Всем пострадавшим и их семьям заплатили солидные суммы, вместе с рекомендацией не распространяться о произошедшем. Впрочем, люди сами хотели скорее забыть случившийся кошмар и помалкивали. Тело Истомина Александра Петровича так и не было найдено..

Колокольчик

— Коля, ты же был её любимчиком, вот и езжай, разбирайся, — голос сестры в трубке был раздражённым и ехидным одновременно. — У меня совершенно другие планы.

У Майи всегда были другие планы, когда речь заходила хоть о малейших семейных делах. Всегда выкручиваться приходилось мне, а сестрица, всегда с идеальным маникюром и причёской по последней моде, появлялась под самый конец и только в том случае, если от этого ей была какая-то выгода.

— Ты не оригинальна, — постаравшись тоже добавить насмешку в голос, ответил я. — Может, хоть на этот раз придумаешь что-то новенькое? Кстати, бабуля завещала дом нам обоим.

Я буквально услышал, как Майя скривилась, наморщив носик и надув губки:

— Неужели ты думаешь, я буду копаться во всякой рухляди? Да вся эта возня с продажей — точно не для девушки. Езжай сам, ищи продавца на дом вместе со всем хламом. Пришлёшь мне, что там надо подписать.

Ещё немного попрепиравшись, мы закончили разговор тем, чем обычно и завершались все такие разговоры, — моим полным поражением. Что ж, буду разбираться сам.

А дело мне предстояло неприятное, потому совсем не хотелось ехать одному. Наверняка в старом бабушкином доме нахлынут воспоминания о тех временах, когда наша семья ещё была большой и дружной. Хотя большой она оставалась до сих пор, но семейными отношения многочисленной родни назвать точно было нельзя. И в не малой степени виновата в этом была бабушка.

Взяв отпуск на работе, я отправился в путь. Нельзя сказать, что ехать было далеко — чуть больше ста километров от нашего города. Я помню дорогу наизусть, ведь в детстве вместе с родителями проехал её не одну сотню раз. Наверное, я знаю тут не только каждый поворот или знак, но и каждое дерево и даже камни. Я решил не торопиться, и теперь ползу в первой полосе со скоростью черепахи, наслаждаясь прекрасными осенними пейзажами за окном моей старушки "Ауди". Подползают воспоминания, но я гоню их прочь — что было, то прошло, какой смысл копаться в прошлом?

Через два часа показался поворот на дорогу к

посёлку, в котором живёт… нет, жила, моя бабушка. Ещё десять минут — и я у цели. Сколько я тут не был? Хотя я прекрасно помню, сколько. Десять лет. А дом внешне всё такой же — большой и гостеприимный, окружённый ухоженным садом и обрамлённый цветником, в котором, как мне казалось в детстве, цветы не увядают круглый год. Конечно, всё дело было просто в грамотном подборе кустов, о чём я позже узнал, конечно. Но цветник это знание нисколько не испортило в моих глазах. А ещё тут потрясающие, засыпанные мелким красным гравием, дорожки — просто гениально проложенные вокруг дома и по в принципе не такому большому саду так, что пары, отправлявшиеся на романтическую прогулку перед сном, могли за пару часов ни разу не пересечься.

Подъезжаю по такой же, только пошире, дорожке к дому. Кстати, тут есть отличный гараж, аж на четыре машины, стилизованный под деревянный сарай. Когда он появился, я не помню, а вот как его перестраивали, чтобы превратить вызывающе современное строение в нечто более подходящее старому дому, в памяти хорошо сохранилось. Из гаража, как и полагается, можно попасть прямо в дом, который для этого тоже

пришлось немного изменить — в стене появилась внушительная дверь, ведущая из гаража в кухню. Постояв немного перед нею, наконец, захожу внутрь.

Не знаю, чего я ожидал. Вру, конечно. Отлично знаю, чего — хоть каких-то эмоций. Бабушки больше нет — ведь это должно вызывать скорбь? Я надеялся, что в самом доме придёт печаль, однако в душе ничто не шевельнулось. Конечно, мне жаль, что бабушка умерла, но чувства могли быть и поярче. Прислушиваюсь к себе: нет, ничего. Вообще, последние лет десять в этом плане были какими-то неяркими. Иногда ко мне приходили воспоминания о том ощущении безмятежности и вечного праздника, которое охватывало меня раньше при поездках к бабушке. Но они казались такими далёкими, что особо не беспокоили. Сейчас у меня была прекрасная размеренная жизнь, и я рад, что не нужно было срываться куда-то по нескольку раз в месяц, чтобы отметить очередной день рождения, в принципе, малознакомого мне человека, хоть и родственника.

Ну что, время осмотреть дом, оценить имущество, так сказать. Конечно, было бы проще, если бы кто-то поехал сюда вместе со мной. Но родители и дядя, мамин брат, отказались, — мол, дом

теперь ваш, вы и разбирайтесь. Более дальним родственникам я и не стал звонить, тем более мы не общались много лет. Оставалась Майя, но от неё поддержки я даже особо и не ждал. Ладно, справлюсь и сам.

Беглый осмотр дома меня удовлетворил — все помещения были в хорошем состоянии, никакой ремонт не требовался. Это отличная новость, ведь теперь продажа дома не должна занять много времени. Завтра же вызову агента, пусть этим займутся профессионалы. А я пока разберусь с бабушкиными вещами. Да, мне этого не хочется, и проще было бы сделать так, как посоветовала Майя — просто выбросить весь хлам. Но я решил, что так будет неправильно. Хотя отложу это на завтра, а сегодня погуляю по саду — погода отличная.

Я не фанат фотографии, но в саду потянуло устроить фотосессию. Хотя бы для того, чтобы Майю позлить — она была звездой соцсетей, а виды среди гордо демонстрирующих свои осенние гривы деревьев были потрясающие, таких даже в нашем городском парке не было. Вскоре пара десятков селфи отправляется сестре. "Пф, нашёл, чем удивлять", — пришёл ответ, но я-то знал, чувствовал, что она завидует. Пока гулял по

саду, продрог немного, осень есть осень, нужно было одеться потеплее. Пора возвращаться и выпить чаю.

Кухня в доме что надо — последнее слово техники. Я люблю всё планировать, потому подготовился к поездке тщательно, да и ехал ведь на машине, можно было набрать с собой всякого. До города не так далеко, конечно, да и в посёлке имеется какой-никакой магазинчик, но не люблю я лишней суеты. Потому с собой у меня достаточно припасов, чтобы не заморачиваться ближайшие три, а то и четыре дня. Перед прогулкой я подключил холодильник, сейчас пройду через гараж и захвачу из машины коробку с продуктами, которые как раз туда и отправятся.

Всё, пора пить чай, а то ещё заболеть не хватало. "Так, тут же есть кладовая", — пришла мысль. Интересная штука ассоциации всё-таки. Чай у бабушки — это непременно варенье на столе. Любопытство заставило заглянуть в тесное помещение. Оно, как и в прежние времена, забито всевозможными банками и баночками. Даже удивился немного: зачем одинокой старушке столько всего? "Наверное, привычка", — подумалось мне. Все баночки — обязательно с наклейками, на которых написано, что там содержится и когда

сварено. Бабушка в этом плане была непреклонна: всё, чему было больше года, беспощадно уничтожалось. Достаю баночку малинового варенья — первого средства в борьбе с простудой, как учила бабушка. А ведь оно этого года… Впервые после звонка нотариуса, сообщившего о кончине бабушки, во мне шевельнулось что-то похожее на скорбь — неожиданный эффект от варенья.

Варенье оказалось очень вкусным, я даже немного углубился в воспоминания из детства. Из них меня вырвал звонок телефона, заставив вздрогнуть. "Николай Витальевич?" — поинтересовался густой бас. "Он самый", — подтвердил я. Голос был мне не знаком, и стало даже любопытно, кто бы это мог быть, поскольку никаких звонков, тем более от незнакомцев, я не ожидал. Неожиданно обладатель баса замялся: "Николай Витальевич, тут такое дело… Я из нотариальной конторы, с вами разговаривал другой наш сотрудник. Он, как бы сказать… Владел не всей информацией". Мой собеседник умолк. "Простите, — подбодрил я его, когда пауза затянулась, — что значит, не всей?" "К завещанию вашей бабушки есть приложение, — вздохнув, продолжил нотариус. — Мой, хм… коллега… Он очень молод, торопится всё время". И он опять

замолчал. "Простите, не знаю, как по имени-отчеству вас, но можно узнать, в чём, собственно, дело?" — этот бас так не вязался с неуверенностью речи, что начал меня раздражать. Нотариус снова вздохнул: "По распоряжению вашей бабушки в доме после её смерти не должны жить её родственники. Дом следовало сразу выставить на продажу. Но вы, видимо, уже там?" Я подтвердил его предположение: "Да, я в доме, но не вижу никаких проблем. Я собираюсь его продать как можно быстрее". Мой собеседник облегчённо выдохнул: "Тогда эту… неувязку… можно вполне списать на разночтения. Вы ведь не будете там жить? А просто побудете какое-то время, непродолжительное. Правильно?" "Совершенно верно. Так всё в порядке? Мне не нужно срочно отсюда бежать?" — усмехнулся я. Нотариус заверил меня, что он всё уладит, и мы распрощались. Однако его звонок почему-то меня встревожил: с чего бы бабушке делать такую приписку к завещанию?

Заменив уже остывший чай, я отправился с чашкой в зал, намереваясь посидеть немного в Интернете, а затем отправиться спать. Погрузившись в просмотр забавных роликов, я не сразу обратил внимание на назойливый звук, очень тихий, который зудел где-то на грани восприя-

тия. Я прислушался, покрутил головой, но никак не мог уловить, откуда же он исходит. Больше всего было похоже на колокольчик. Постепенно звук становился тише, а вскоре и вовсе исчез. Это было странно, но мало ли какие звуки могут послышаться в старом доме? А может, они вообще доносились из посёлка. В конце концов, я махнул на странный звук рукой и отправился спать в комнату, где раньше, давным-давно, проводил очень много времени.

Засыпая, я думал о том, когда изменилась судьба этого дома. Ведь бабушка жила отшельницей только последние десять лет. Когда-то всё было совсем по-другому: большой дом принимал десятки гостей, съезжавшихся по первому зову бабы Нины на все мыслимые и немыслимые праздники, а иногда и просто так. Маленькая старушка помнила не только дни рождения родственников, но и даты всех памятных моментов в их жизни. И не ленилась обзванивать родню с напоминанием — не забудьте поздравить! Частые встречи отлично способствовали крепости семейных уз, как говорится.

Но десять лет назад всё изменилось, и я отлично помню тот день — моё, а точнее, наше с Майей, двадцатилетие. Конечно, отмечать такую дату

планировалось у бабушки. Мы с сестрой тогда были не разлей вода — близнецы, как-никак. Осень выдалась прекрасная, тёплая, совсем не дождливая, и мы, отпросившись в университете, решили провести у бабушки целую неделю. Как же она обрадовалась! Сестра была права насчёт того, что я был её любимчиком. Но права только отчасти. Бабушка выделяла среди всех родственников не меня одного, а нас с Майей. И сейчас любимые внуки останутся с ней на целую неделю. Мы замечательно проводили время втроём: вместе готовили, гуляли, смотрели телевизор. Вечера были нашим любимым временем. Бабушка усаживалась в любимое кресло, мы располагались возле неё прямо на пушистом ковре, и она рассказывала нам истории. Я не знаю, были ли они правдой или вымыслом, но было потрясающе интересно. Но однажды… "Колокольчик!" — подскочил я на кровати. Точно, всё началось с колокольчика! И сейчас я точно понял, что тогда услышал точно такой же звук, который побеспокоил меня сегодня. Тихий, навязчивый.

В тот вечер всё и закончилось. Я никогда не видел, чтобы люди так бледнели. Именно тогда я понял, что имеют в виду, говоря "Побелел, как мел". Вот такое лицо стало у бабушки. Она за-

молкла и как будто окаменела, но длилось это всего несколько секунд. Затем она вскочила и закричала на нас. Сказать, что нас с Майей это шокировало, было мало. Я никогда не видел бабу Нину в таком состоянии: она была в ярости, обвиняла нас в том, что все её используют, орала, что с неё хватит. В конце концов, она просто выгнала нас вон, на ночь глядя, не дала даже вещи собрать, крикнув вдогонку, что вышлет их почтой, но видеть нас в своём доме не хочет больше ни минуты. Наверное, тогда нужно было что-то предпринять, сопротивляться. Но нам с сестрой было так обидно, что мы просто дошли до шоссе, поймали попутку и уехали в город. Предстоящий день рождения был безнадёжно испорчен.

Бабушка не ограничилась только нами: за несколько дней она умудрилась перессориться со всеми родственниками. Помню, с неделю все перезванивались, встречались и обсуждали неожиданные перемены в бабе Нине. А потом всё постепенно стихло. Звонков и встреч становилось всё меньше, а вскоре они и вовсе прекратились, как будто семейная идиллия держалась только на бабушке. С тех пор я даже с родителями общался не часто. Да что там с родителями — даже с Майей мы в целом ограничивались только

телефонными разговорами, встречаясь только по праздникам.

В мои воспоминания снова вторгся посторонний звук. Мне кажется, или назойливый колокольчик теперь звенит немного громче? Я встал с кровати и сделал пару шагов туда-сюда по комнате, стараясь определить, откуда идёт звук. Похоже, из шкафа. Шаг в ту сторону, и тут меня охватил ужас — второй шаг я уже сделал не сам. Я упёрся ногами в пол, по крайней мере, попытался. Но ноги сделали ещё один шаг. Интересно, так чувствует себя марионетка? Мне стало нестерпимо холодно, то ли от ужаса, то ли в комнате действительно резко упала температура.

Вдруг всё прекратилось. Я не сразу сообразил, что звонит телефон. "Коля! — услышал я в трубке вопль моей невозмутимой сестры. — Мне страшно! Убирайся оттуда!"

Конечно, я убрался, со всей скоростью, на которую был способен, как был, в трусах и тапках, с мобильным телефоном в руке. Теперь стою перед домом и не знаю, что делать дальше. Ах да, Майя ещё там, на другой стороне линии. "Ты не представляешь, что сейчас было", — почему-то шепчу я в трубку. Но сестра продолжает орать, что-то непонятное. Постепенно она взяла себя

в руки и по-деловому спросила: "Ты где?" "Стою перед домом, как идиот", — ответил я и хотел продолжить, но сестра меня перебила: "В дом не заходи, я сейчас приеду". Я стал возражать: "Я тут практически голый и ночью, мне холодно. Правда, уже не страшно. А тебе ехать два часа. Я лучше тут сам, всего-то делов — через кухню в гараж пройти". Тут Майя снова заорала: "Идиот! Не лезь в дом, тебе говорят. В посёлок иди, постучись к кому-нибудь и жди меня там". Тут я представил себе, как уже почти ночью стучусь в дверь какого-то благовоспитанного жителя, он, а ещё хуже, она открывает дверь и видит меня, в таком вот виде. "Я ж тебе сказал, я в трусах и тапках, представляешь, как меня в посёлке примут?" "Тогда просто жди меня, не так холодно, не окоченеешь", — приказала сестра и оборвала вызов.

Наверное, сказался стресс, но я даже и не замёрз, да и Майя домчалась всего за полтора часа. Она захватила с собой спортивный костюм, в который я и облачился. На мне он выглядел весьма забавно — канареечного цвета с рукавами и штанинами сантиметров на пять короче, чем нужно.

— Так, Коля, поехали сразу в город. Попросишь в агентстве, чтоб твои вещи собрали и авто пригнали, пусть в счёт включат, — потянула меня

сестра в машину.

Но меня что-то останавливало. Может, глупость, может, что-то другое.

— Майя, давай утра дождёмся, и я сам всё соберу, там мой ноут остался, с заметками по продаже, — нашёл я причину. — Чувствую, днём в доме точно ничего не случится.

Сестра задумалась на какое-то время, а потом кивнула:

— Ладно, мы вернёмся утром, но мне нужно стресс заесть, поехали на заправку, перекусим.

Пока мы поедали хот-доги, я рассказал Майе обо всём, что произошло, включая всплывшие в памяти воспоминания о том дне, когда нас прогнала бабушка. Сестра слушала и хмурилась. В конце концов, она сказала:

— Знаешь, теперь и мне не хочется так просто уезжать. Нужно хорошенько пошарить в доме, раз уж ты меня сюда притащил.

Я хотел, было, возмутиться, что я её не звал, но передумал и просто кивнул.

— Но ночевать мы в доме не будем, — добавила Майя.

Я снова кивнул.

Мы вернулись к дому часам к одиннадцати утра, наевшись, наверное, на пару дней вперёд.

Дом встретил нас приветливо, но мы уже знали, что с ним нужно быть настороже, а потому решили не разделяться, а осматривать комнату за комнатой вместе. Но сначала я забрал ноутбук и вывел машину из гаража, на всякий случай. Майя предложила начать с бабушкиной комнаты. Резонно, на самом деле: если уж у бабы Нины и были тайны, то хранила она их наверняка поближе к себе.

Мы справились быстро, но не потому, что не старались — просто маленькая комнатка была практически пустой: только кровать, тумбочка рядом и лампа на ней. Странно, я вспомнил, что тут раньше был большой шкаф. Майя тоже это вспомнила:

— Коля, ты что-то про шкаф говорил. Может, это связано? Ну, что тут его нет.

Я пожал плечами:

— Может, связано, может, нет, бабушка уже не расскажет.

Но я ошибался. Мы уже собрались перейти в другую комнату, но Майя вдруг наклонилась к кровати и повернула ко мне голову:

— Помоги матрац поднять.

Там мы и обнаружили это. Бабушкин дневник. Сидя на кухне с чаем, мы по очереди перелисты-

вали страницы и читали отрывки. Чем больше, тем страшнее нам становилось.

— Коля, давай уедем. Читать можно и не здесь, — Майя поднялась и, испуганно всматриваясь в каждый тёмный угол, стала пробираться к выходу. Я был с ней полностью согласен, и мы сбежали.

Майя не захотела ехать в разных машинах, и мы возвращались в город на моей, по дороге не проронив ни слова. Только в конце сестра попросила:

— Давай ко мне.

Оказавшись в квартире, Майя сразу включила везде свет, меня это совершенно не удивило. Я бы ещё и лампочки поярче вкрутил кое-где.

— Ну что, варим кофе и читаем? — предложила сестра. — Давай ты вслух только, я не смогу.

Прихлёбывая сладкий кофе, я начал читать.

* * *

"Всегда считала дневники чем-то смешным. А теперь сама завела, на старости лет. Хоть с бумагой поделюсь, нет больше сил в себе ужас держать. Хорошо, что всех разогнала отсюда, а то ведь не уследить. Пусть живут, хоть и не радост-

но, зато спокойно. Пусть живут".

"Чёртов колокольчик. Я думала, всё в прошлом, цена уже уплачена. Но я хоть знаю, что всё реально. А как объяснить остальным? Ведь не поверят, они же не видели его. А ведь только я и осталась живой тогда…"

"Я помню, когда колокольчик прозвенел впервые. Мне было десять, Рае пятнадцать, Володе четырнадцать. Была суббота, мама приготовила картошку с мясом. Папа качался в кресле и курил трубку. У всех было отличное настроение, папа только что заключил выгодную сделку, и родители планировали перестраивать дом. Тут в дверь позвонили. Папа отправился открывать и вскоре вернулся озадаченный, с небольшим свёртком в руках. На свёртке была написала наша фамилия и адрес, но про отправителя ничего. Внутри обнаружилась коробка, а в ней — ничего. Нам кто-то прислал просто пустую коробку. Все решили, что это просто шутка, а потом пришло время обеда, и мы вообще забыли про посылку".

"Мы уже пили чай, когда мама стала прислушиваться, а потом спросила у нас, не слышим ли мы странный звук. Все прислушались. Как будто вдалеке слышался звон. Папа сказал, что это в деревне, наверное. Но звон оказался хоть

и тихим, но таким назойливым, что мешал заниматься делами. Папа хмурился всё больше, а потом взял фонарь и вышел из дома, сказав, что сходит, поищет, кто там развлекается. Он долго не возвращался, мама забеспокоилась. Володя вызвался сходить за папой. Он взял запасной фонарь и ушёл. Время шло, ни его, ни папы так и не было. Мы очень тревожились. Мама сказала нам никуда не выходить, взяла свечу и пошла искать папу и Володю. Но и она так и не вернулась. Я просила Раю не выходить, плакала, но она меня не послушалась. Я осталась одна. Боясь пошевелиться, я сидела, зажигая одну свечу от другой. А колокольчик звенел всё ближе. Вскоре я поняла, откуда раздаётся звук. Он шёл из пустой коробки, которую папа положил на шкаф. Там было, наверное, самое тёмное место на кухне. Я увидела, как темнота стекает со шкафа и приближается ко мне. Я схватила свечу в руки и молилась. Темнота была всё ближе, я думала, что она меня поглотит, но она наткнулась на свет от свечи и заметалась рядом. Билась о него, как о стену. Так прошло время до утра, и только тогда она отступила".

"Я сходила в деревню, мою семью ночью там никто не видел. Меня отвели к старосте и долго распрашивали. Конечно, никто не поверил

рассказу про колокольчик и темноту. Наверное, подумали, что мне всё привиделось из-за страха. Говорили про разбойников, мужики на поиски ходили. Но никаких следов не нашли. В соседнем селе жил мамин младший брат, староста отправил за ним кого-то. Дядя Петя после переехал в наш дом, хотя я просила его, чтобы он забрал меня к себе. Но дом родителей был лучше, а над моим рассказом он только посмеялся, да и коробка куда-то исчезла".

"Дядя Петя так и не женился. А ко мне на моё шестнадцатилетие посватался Митька. Хороший был парень, работящий. И меня уважал. Детки у нас пошли. Так и жили потихоньку. Колокольчик больше не звенел, и та ночь стала и мне самой казаться нереальной. Странно было только одно. Когда кто-то из родичей надолго от дома уезжал — менялся, как будто из него душу вынимали. Снова надо мной смеялись, когда я о том говорила. Так я говорить перестала, но стала зазывать всех к себе на праздники".

"И вдруг колокольчик снова зазвонил. Я испугалась чуть не до смерти, как раз Коля с Майей у меня были. Выгнала их, сама везде свет зажгла, но чую, что тут она, темнота. Где угол чуть потемней, что-то там колышется".

"Хотела сжечь дом, но не получилось. Не занимается огонь, гаснет".

"Написала завещание. Нотариус клялся, что они сделают всё, как я велела. Думаю я, проклятье это кровное. Потому никому из родни тут нельзя жить. Завещала продать дом".

* * *

— Всё, больше ничего нет, — я пролистал дневник. — И что думаешь?

— А ты что думаешь? — спросила в ответ сестра.

— Майя, я слышал колокольчик и тьма меня тянула к себе. Может, она стала сильнее без бабушки.

Сестра кивнула:

— Я тебе верю, мне ночью такая жуть приснилась, и чувство такое было, что с тобой беда. Знаешь, мне кажется, нельзя дом продавать. Пока оно в доме, в нашем доме. А если дом станет чьим-то ещё? Может, оно отправится нас искать.

Её слова звучали дико, но в этом точно что-то есть. Я это чувствовал. Кивнул.

— Я тоже так думаю, нужно просто заколотить его и оставить.

Утром я позвонил нотариусу и сообщил, что в доме никто жить не будет, но и продавать мы его не станем. Он немного поохал, но мы с сестрой были вправе распоряжаться наследством, как хотим. Через пару дней мы нашли в себе силы съездить к дому, да и машину нужно было забрать. Пока я забивал здоровенные гвозди, заколачивая двери и окна досками, мне казалось, что из щелей на меня злобно глазеет тьма.

Мы с Майей обменяли свои квартиры на одну, большущую. Я к этому не особо стремился, но сестра наотрез отказалась жить одна. А от намёков, что она, такая красавица и умница, уже и о свадьбе могла бы подумать, Майя только отмахнулась. Наверное, так действовало родовое проклятие — проклятие равнодушия.

С тех пор я часто думаю, что незавидная нам с сестрой выпала судьба — жить без любви, без радости, никогда не выключая свет.

Пугало

Летнее солнце щедро заливало светом не такую уж большую, но и не совсем маленькую деревеньку Осиновку, спрятавшуюся среди холмов и перелесков. Узкая пыльная дорога змеилась между старыми домами, многие из которых помнили ещё позапрошлый век. Палисадники пестрели разноцветными флоксами и золотыми шарами, зеленели огороды, обещавшие отличный урожай. Казалось, ничто не может нарушить привычный деревенский уклад.

В тот день, двадцатого июля, небо внезапно расчертила ярко-зелёная вспышка. На мгновение она озарила деревню странным, болезненным светом, от которого у людей ещё долго перед глазами мельтешили "мушки". А потом всё стало как прежде. Деревня вернулась к повседневным делам.

Но происшествие нужно было обсудить, конечно. В конце концов, деревенский быт не был столь уж разнообразен, чтоб обойти такое стороной. И вечером в местном магазинчике только и разговоров было что о странном явлении.

— Да НЛО это, точно вам говорю! — убеждённо заявлял дядя Коля, почёсывая седой затылок. — В интернете про такое постоянно пишут.

— Скажешь тоже, — отмахивалась продавщица Марина Степановна. — Шаровая молния, наверное. Или метеорит какой.

Версий было много, спорили о них до хрипоты, но продлилось это недолго, ведь деревню потрясла очередная новость — первая красавица Осиновки разругалась со своим женихом, и все переключились на них.

Через пару дней о странной вспышке уже и вовсе забыли. Разве что местная ребятня, проносясь мимо заброшенного дома на краю деревни, заметила что-то необычное.

— Глянь, Димка, — дёрнул за рукав приятеля Лёшка Воронин, белобрысый веснушчатый мальчишка лет двенадцати, тормозя возле покосившегося забора. — А пугало-то новое!

Димка остановился. В самом деле, посреди заросшего бурьяном огорода торчало пугало. Самое обычное — старый пиджак на крестовине, драная соломенная шляпа, вместо лица — мешковина с нарисованными углём глазами и ртом. Ничего особенного, если бы не одно "но" — никто не мог вспомнить, когда оно там появилось.

— А ведь точно, — почесал затылок Димка. — Вроде раньше не было…

— Эй, вы чего застряли? — донеслось с дороги. Остальные ребята уже убежали вперёд, к реке, где в жаркий день было так здорово купаться и нырять с обрывистого берега. — Да так, ничего, мы сейчас, — крикнул Лёшка, но что-то потянуло его ещё раз взглянуть на пугало. Ему показалось, что нарисованные глаза смотрят прямо на него.

Прошла неделя. Каждый день ватага местных мальчишек пробегала мимо заброшенного огорода на речку. И каждый день Лёшка замечал какие-то перемены в пугале. Вроде бы оно стояло на том же месте, но…

— Димк, — однажды, замерев на дороге, зашептал он затормозившему рядом другу, — ты не замечаешь? Оно же ближе к забору стало.

— Да ну, глупости какие, — фыркнул Димка, но в голосе его проскользнула неуверенность. — Ветер, наверное, накренил…

— Какой ветер? Уж который день совсем не бывало, даже ночью.

Вечером Лёшка рассказал о странном пугале маме.

— Мам, оно правда двигается! Честное слово!

Сначала у старой яблони стояло, а теперь почти у самого забора!

— Ой, Лёшенька, — рассмеялась мама, разливая борщ по тарелкам. — Вечно у тебя фантазии. То русалку в реке видел, то леший в лесу мерещился… Нет там никакого пугала — пустой огород, бурьян один.

— Но мам…

— Так, марш руки мыть! Обедать пора.

Лёшка вздохнул. Взрослые никогда не верят детям в важных вещах…

Субботним утром ребята как обычно собрались на речку. День обещал стать особенно жарким. Димка, Лёшка, Сашка Птицын, Вовка Лагутин и братья Коршуновы — Женька и Колька — гурьбой двинулись знакомым маршрутом.

Проходя мимо заброшенного огорода, Лёшка привычно покосился на пугало и замер. Оно определённо придвинулось к забору ещё ближе, а главное — его голова была повёрнута в сторону дороги. Мальчик готов был поклясться, что раньше пугало смотрело прямо перед собой.

— Пацаны, — хрипло позвал он. — Гляньте…

Ребята остановились. Даже самый отъявленный скептик Сашка Птицын нахмурился:

— А ведь и правда, чудно как-то…

— Да ладно вам, — натянуто рассмеялся Вовка. — Подумаешь, пугало! Айда купаться!

На реке быстро забыли о странностях. Плескались, ныряли, устроили соревнование, кто дальше проплывёт под водой. Часа через три стали собираться домой.

— А где Женька? — вдруг спросил Колька Коршунов, оглядываясь по сторонам.

Ребята замерли. Действительно, младшего Коршунова нигде не было видно.

— Может, домой убежал? — неуверенно предположил Сашка.

— Не-а, — помотал головой Колька. — Он бы мне сказал.

Они обыскали весь берег, кричали, звали — никакого ответа. Странно было то, что никто не мог вспомнить, когда в последний раз видели Женьку. Вроде недавно плескался вместе со всеми, а вроде и нет…

Колька, белый как мел, побежал в деревню. Через полчаса на берег примчались встревоженные родители и участковый, дядя Витя. Начались поиски. Вскоре к ним присоединились все деревенские. Обшарили весь берег, проверили омуты — ничего. Вызванные из города водолазы тоже ничего не нашли.

Когда вечером измученный Лёшка возвращался домой, проходя мимо заброшенного огорода, он машинально глянул на пугало и похолодел. На мешковатом лице, там, где были нарисованы углем губы, появилась лёгкая, едва заметная улыбка. А само пугало придвинулось к забору ещё, наверное, на полметра.

Дома он рассказал об этом маме:

— У него такая улыбка жуткая…

Но мама снова не поверила:

— Лёша, милый, ну что ты выдумываешь? Какая улыбка? Обычное пугало, наверное, каких везде полно…

— Но мам…

— Прекрати! — впервые в голосе мамы прорезались жёсткие нотки. — Женя пропал, а ты тут со своими фантазиями! Иди спать!

Ночью Лёшке снился кошмар. Будто идёт он по пустой деревенской улице, а за спиной — шаги. Оборачивается — никого. И снова шаги, всё ближе и ближе. А потом из темноты выступает пугало с растянутой в жуткой улыбке мешковиной вместо лица…

Утром следующего дня ребята снова собрались идти на речку. Никто не хотел этого признавать, но все надеялись найти хоть какую-то зацепку о

пропавшем Женьке. В этот раз с ними, для присмотра, пошёл и Мишка Коршунов — старший брат Кольки и Женьки, восьмиклассник. Он отчаянно хотел найти брата. А где ж искать следы, как не у речки?

— Чего это вы на пугало пялитесь? — спросил он, заметив, как ребята замедлили шаг возле заброшенного огорода.

— Миш, ты только не смейся, — начал Лёшка. — Оно… оно двигается. И улыбается теперь.

Мишка хмыкнул, но подошёл к покосившемуся забору:

— Да обычное пугало… Стойте-ка.

Он перемахнул через штакетник и направился к пугалу. Остальные, затаив дыхание, наблюдали.

— Ребят, а ведь правда странно, — задумчиво произнёс Мишка, разглядывая чучело. — Смотрите, земля вокруг примята, будто кто-то ходил. Только отпечатков следов нет…

В этот момент налетел порыв ветра, и пугало слегка качнулось. Показалось, или его нарисованные глаза моргнули?

— Ладно, пошли на речку, — Мишка выбрался обратно на дорогу. — Только далеко не разбредайтесь, держитесь вместе.

Ребята провели на берегу часа два, стараясь не спускать глаз друг с друга. В воду, несмотря на жару, никто не отважился лезть. А вскоре Сашка Птицын засобирался домой — мать просила пораньше вернуться, помочь по хозяйству.

— Может, вместе пойдём? — предложил Лёшка.

— Да ладно, тут идти-то пять минут, — отмахнулся Сашка. — Я быстро добегу.

Мальчишки проследили, как его фигурка скрылась за поворотом дороги, и снова принялись за поиски. А потом появилась очень недовольная Сашкина мать.

— А Сашка где? — спросила она, оглядывая ребят. Когда стало понятно, что случилось, бедная женщина разрыдалась.

Всё повторилось — поиски, крики, милиция, водолазы… Окрестности прочёсывали до глубокой ночи.

А следующим утром Димка примчался к Лёшке бледный, с трясущимися губами:

— Идём, сам увидишь…

Возле заброшенного огорода уже столпились другие ребята. Пугало стояло почти вплотную к забору. А его улыбка стала заметно шире, словно оно радовалось чему-то.

— Надо взрослым показать, — решительно сказал Мишка. — Пусть теперь попробуют не поверить.

Он сбегал домой за отцом. Николай Иванович Коршунов, осунувшийся после пропажи младшего сына, долго всматривался в пугало.

— Вроде и правда улыбается, чёрт… — пробормотал он. — Точно не вы, паршивцы, нарисовали?

— Да нет же, пап! Оно само! И двигается тоже само!

Николай Иванович решительно полез через забор:

— Ну, сейчас разберёмся…

Он подошёл к пугалу и резко дёрнул за рукав потрёпанного пиджака. Палка, на которой держалось чучело, неожиданно легко вышла из земли. Никаких следов гнили или ржавчины — словно её только вчера вбили.

— Странно, — пробормотал Николай Иванович, разглядывая находку. — И правда, будто новое…Внезапно порыв ветра взметнул пыль с дороги. Мешковина на голове пугала затрепетала, и всем показалось, что нарисованные глаза сверкнули недобрым огнём.

— Да гори оно всё синим пламенем! — выругал-

ся Коршунов.

Он достал зажигалку и поднёс огонь к старому пиджаку. Трухлявая ткань занялась мгновенно. Вскоре пугало пылало как факел, а через пару минут от него остались только тлеющие угли.

— Вот и всё, — устало выдохнул Николай Иванович. — Нечего голову детям морочить…

Ребята разошлись по домам, ходить на реку было строго запрещено. Весь день Лёшка не находил себе места — то брался за книжку, то бросал, выглядывал в окно. Но утром они с Димкой всё-таки побежали посмотреть на заброшенный огород.

Пугало стояло на прежнем месте. Всё тот же потрёпанный пиджак, та же драная шляпа, та же мешковина с нарисованным лицом. Только улыбка стала ещё шире, словно оно насмехалось над их попытками от него избавиться.

В этот раз к их рассказу отнеслись серьёзнее. В деревне собрали сход. Причитали женщины, хмурились мужики, кто-то предлагал снова вызвать милицию, кто-то — сжечь не только пугало, но и весь заброшенный огород.

И тут древняя бабка Матрёна, редко выходившая из дому, проскрипела:

— А вы к Прохору сходите, в Житное…

— Это ещё кто? — спросил кто-то.

— Колдун он, — прошамкала старуха. — Всё про нечисть знает. В Житном живёт, я ж сказала уже.

— Вот ещё, колдуны какие-то, — фыркнул было участковый, но Николай Иванович перебил:

— А что? Хуже не будет. Я сам съезжу.

И люди закивали — действительно, терять уже нечего…

До Житного Николай Иванович добрался быстро — всего-то пятнадцать минут на машине. Дом Прохора ему показали сразу — небольшая изба на окраине, с резными наличниками и странными символами над дверью.

Прохор оказался сухоньким стариком с цепким взглядом тёмных глаз. Выслушал внимательно, не перебивая, только хмурился всё больше.

— Плохо дело, — сказал он наконец. — Очень плохо. Охотник пожаловал.

— Какой ещё охотник?

— Древняя тварь, — Прохор поднялся, начал доставать с полок какие-то мешочки и склянки. — На детей охотится. Жизненную силу тянет, молодостью питается. А как насытится — дальше идёт. Их много по свету бродит, охотников этих. Маскируются по-разному: кто бродячим артистом прикинется, кто старьёвщиком… Этот вот пугалом решил стать.

— Да бросьте вы! — недоверчиво глядел на него Николай Иванович. — Какие охотники? Двадцать первый век на дворе!

— Век тут ни при чём, — спокойно ответил старик. — Зло оно всегда зло, что при лучине, что при электричестве. Я помогу, только делать всё придётся строго как скажу.

Он принялся складывать в холщовую сумку какие-то травы, бутылочки с разноцветными жидкостями, свечи.

— И это… готовьтесь — детей искать придётся. Живы они ещё, но слабые очень. Охотник их где-то прячет, силы тянет постепенно. Торопиться надо.

В Осиновку приехали часам к четырём, но вот странность — уже стало смеркаться, это летом-то. У заброшенного огорода собралась вся деревня. Люди расступились, пропуская странную пару — хмурого Коршунова и сухонького старичка с холщовой сумкой.

Пугало всё так же стояло у забора. В угасающем свете его улыбка казалась особенно зловещей.

— Так, — негромко сказал Прохор, оглядывая собравшихся. — Что бы ни случилось — не подходить. Держитесь подальше, за детьми следите.

Старик достал из сумки пучки трав, разложил

их вокруг пугала. Зажёг четыре свечи, что-то шепча себе под нос. Затем начал чертить на земле странные знаки, капая на них тёмную жидкость из пузырька.

Стемнело окончательно. Свечи отбрасывали неверные тени, в которых пугало, казалось, подрагивало, словно в нетерпении. Прохор выпрямился и громко, нараспев, начал произносить странные слова.

Внезапно поднялся ветер. Он закружил редкие сухие листья, взметнул пыль. Пугало дёрнулось, будто пытаясь сорваться с места. Его тень на земле начала удлиняться, искажаться, принимая человеческие очертания.

— Давно же я не встречал таких, как ты, — неожиданно произнесло пугало скрипучим голосом. — Думал, перевелись все знающие.

— А ты думал, безнаказанным останешься? — отозвался Прохор и возобновил свой речитатив.

Тень пугала заколебалась, потянулась к старику, но натолкнулась на невидимую преграду. Ветер усилился, в нём послышались странные голоса — не то плач, не то смех.

— Где дети? — властно спросил Прохор.

— А может, договоримся? — прошелестело пугало. — Зачем тебе эти человечки? Разделим

добычу…

— Где дети?! — в голосе старика зазвенела сталь.

Пугало захихикало, звук был похож на шорох сухих листьев:

— Не найдёшь… Никогда не найдёшь…

Прохор выхватил из сумки какой-то амулет, вскинул руку. Вспышка света озарила огород. Пугало завизжало — звук был такой, что люди зажали уши. Его тень заметалась, скрючилась…

— В подполе! — вдруг крикнул старик. — Они в подполе старого дома!

Николай Иванович с другими мужчинами бросились к заколоченной двери заброшенного дома. Выбили её, стали обыскивать дом в свете фонарей. В углу обнаружили полусгнивший люк. Когда его сорвали, в нос ударил затхлый воздух подпола.

— Женька! Сашка! — кричали мужчины.

Из темноты послышался слабый стон…

Дети были без сознания, бледные как мел, но живые. Когда их вынесли на воздух, с огорода донёсся последний, исполненный ярости вопль — и всё стихло. Ветер утих, свечи погасли.

Прохор без сил опустился на колени. На месте пугала осталась только обугленная палка.

— Всё, — устало сказал старик. — Ушёл он. Теперь долго не вернётся.

Женьку и Сашку увезли в районную больницу. Врачи только руками разводили — никаких физических повреждений, кроме крайнего истощения. Сложно было поверить, что их не было всего несколько дней.

Вскоре мальчишки пошли на поправку. Они почти ничего не помнили — только темноту, холод и странное чувство, будто они уже не совсем живы. И ещё странную улыбку, преследовавшую их в кошмарах.

Прохор наотрез отказался от денег:

— За это не платят, — покачал он головой. — И вот что ещё… Случится что странное — сразу ко мне. Не ждите.

Кто-то из мужиков предложил:

— Может, дом этот заброшенный снести от греха подальше?

— Нет, — покачал головой колдун. — Дом тут ни при чём. Тварь эта где хочет появиться может. Главное — детей беречь и друг за другом приглядывать.

Постепенно жизнь в Осиновке вернулась в привычное русло. Только ребята теперь бегали на речку, старательно огибая заброшенный дом, да

взрослые начали внимательнее прислушиваться к словам детей.

* * *

Лёшка до сих пор всеми силами старается не проходить мимо того огорода. И хотя заброшенный дом давно ещё сильнее зарос бурьяном, иногда ему кажется, что в зарослях мелькает знакомая тень и слышится шелест, похожий на тихий смех. Так что адрес старого колдуна из Житного мальчишка запомнил хорошенько. Так, на всякий случай.

Деревня оборотней

— Дядь Коль, расскажи нам с ребятами, как ты в деревню оборотней попал в тайге, — попросил я своего седобородого дядьку, когда у меня собрались друзья, с которыми мы вместе закончили университет и готовились стать геологами, как и дядя в молодости. Сегодня он заехал к моему отцу на рюмочку чая и застал нашу компанию, которая только в прошлом месяце распрощалась со студенческой жизнью и через пару недель должна была разъехаться на свою первую работу.

Дядя начал работать ещё в советские времена и перестал быть геологом в конце 90-х. Историй у дядьки за двадцать пять лет геологоразведки накопилось множество, но одну я любил особенно. Причём, чем старше я становился, тем больше повествование дяди Коли обрастало подробностями, которые он мне открывал, считая, что я могу понять тот или иной момент. В тот раз он рассказал её совсем по-новому.

— Ладно, молодые спецы, наливайте мне и себе чай, расскажу, — добродушно согласился дядя Коля. — Будете коньяк пить, не будет истории.

Успеете ещё с алкоголем в тайге познакомиться.

Когда все дядины условия были выполнены, он начал рассказывать.

В 1987 году я отправился в составе группы товарищей открывать коренные и россыпные месторождения золота в Иркутскую область. Нам поставили приличный план на летний период, который мы с успехом выполнили, ожидали хороших премий и отправки в город на отдых. Через полторы недели за нами должен был прилететь вертолёт и забрать из тайги в цивилизацию. Вот вся группа из двенадцати человек и занимала себя, кто чем. Энергия из меня тогда била ручьём, и мы с моим лучшим другом Виталей, тоже геологом, продолжали исследовать окрестные леса вокруг нашего лагеря. Тогда-то у Виталия и возникла идея, приведшая нас обоих к совершенно неожиданному итогу.

— Колян, давай с тобой на Патомский кратер сходим, посмотрим. Всего сорок километров отсюда. Другой такой возможности может не быть. Пара дней туда, пара обратно! — убеждал меня загоревшийся идеей друг, поправляя расшитый вручную красный платок на шее, подарок любимой жены. К тому времени мы с ним были уже довольно опытными специалистами и в

ориентировании на местности в том числе. С компасом, картами и прочим добром заблудиться было сложно. Тем более на таком небольшом по меркам тайги расстоянии.

— Но это против правил, хотя идея мне нравится, — напомнил я товарищу про строгие инструкции.

— Петрович отпустит, я договорюсь с начальником, — усмехнулся Виталий, напомнив мне, что Сергей Петрович — хороший друг его отца. В его словах был резон, протекция действительно была, как и богатый опыт моего друга в прохождении тяжёлых маршрутов по малоизвестным местам. Причём даже в зимнее время. А сейчас было лето, тепло, и мы были хорошо оснащены, в том числе лёгкими переносными радиостанциями «Карат» для связи между членами экспедиции. Основную связь с цивилизацией обеспечивали две широкодиапазонные армейские «Р-159», а мелких «Каратов» с дальностью действия до ста километров было целых пять штук. Одну из них, с запасным блоком батарей, мы рассчитывали взять с собой, если получим разрешение на поход.

Виталий отправился в палатку к руководителю. Бурный разговор, прекрасно слышимый с

того места, где я находился, затянулся на полчаса. Наконец, Виталик вышел из палатки Петровича довольный. По его радостной физиономии было понятно, что добро получено.

— Завтра с утра выходим, берём ружья, фотоаппарат, продукты на неделю, палатку, рацию и двигаем. Петровичу две бутылки коньяка будем должны по возвращении в город, — сообщил он. Мы стали готовиться к походу.

Утром выдвинулись с рассветом, взяв самое необходимое. Не забыл, конечно, свой любимый складной нож, подаренный мне давным-давно моим дедом, ветераном. Трофейная вещь с выгравированной головой волка на рукоятке, добытая им в немецком замке. Так он говорил. Надёжнейшая штука, которая отлично работала несмотря на почтенный возраст.

Уходя, я столкнулся с Юлей, симпатичной девушкой, медиком нашего отряда. Я ей нравился и знал это. Юля нашу идею похода к таинственному кратеру определенно не одобряла. Она подскочила, чмокнула меня в щёку и, поняв по моему виду, что убедить отказаться от экспедиции не удастся, шепнула: «Будь осторожен», — и убежала. Наш путь начался.

Полдня мы бодро двигались по иркутской

тайге. Перед глазами мелькали кедры, сосны и худосочного вида берёзки. Лиственных деревьев было маловато, а кедры и вовсе были какие-то карликовые. Виталик их назвал кедровый стланик. Шишки у них тоже были мелкие. Тайга была не сплошной, местами прерывалась проплешинами. Мой друг вообще хорошо знал эти места и местную флору. Говорил, что прошлый раз был тоже недалеко от загадочного кратера, но в другой экспедиции, и начальник там был строгий, одного не отпустил.

Так, переговариваясь и рассматривая местные красоты, мы с Виталей отмахали километров семь. После обеда ещё ускорили темп. Норма первого дня к девяти часам вечера была выполнена. В десять, как было приказано, вышли на связь с основной группой. Доложились, поужинали, легли спать в палатке.

Второй день шли немного медленнее, как мне показалось, всё время чуть поднимаясь. Хотя нагрузки, как при постоянном подъёме, не чувствовалось, наоборот, в ногах была непривычная лёгкость, и наша поклажа, казалось, ничего не весила.

Лес был то густой, то прерывался каменистыми прогалинами. По некоторым из таких проплe-

шин бежали бурные ручьи. Ландшафт менялся: он стал больше походить на предгорный, когда Виталик, идущий впереди, неожиданно остановился и позвал меня.

Я подошёл к нему, и он мне сунул под нос компас, стрелка которого болталась туда-сюда, не останавливаясь.

— Уже полчаса так, — удрученно сказал друг. — Кажется, мы немного сбились с пути, хотя я старался держать направление по солнцу… но вот. В принципе, ничего страшного. Кратер мы не пропустим, он огромный, издалека видно, 40 метров в высоту. А уж мимо Патомского нагорья мы точно мимо не пройдём.

— Хорошо, — сказал я, целиком положившись на Виталика в вопросе ориентирования.

Однако следующие два часа мы определено спускались вниз, потом поднялись на небольшой перевал, с которого нам открылся вид на огромную долину внизу. Она была вся покрыта густым лесом странного синеватого оттенка. Я подумал, что у меня что-то со зрением, но Виталик видел то же самое и был в недоумении. Вроде и все деревья знакомого вида, но их яркий сине-зелёный цвет сбивал с толку. Мы начали спускаться в долину, двигались долго, почти до самого вечера.

Пройдя по чудному лесу приличное расстояние, наткнулись на тропинку, ведущую вглубь чащи. Она была хорошо утоптана, виднелись как людские следы, так и звериные. Вскоре до нас донёсся запах дыма и чего-то вкусного. Мы определённо приближались к какому-то поселению.

— Ерунда какая-то. Тут нет никаких деревень. Нет дорог, сюда вообще только пешком или на вертолёте, — бормотал себе под нос мой друг.

Я же только радовался. Деревня — это же хорошо. Примут, будет где переночевать, подскажут правильный путь, если мы всё-таки заблудились. Радоваться надо. Перешли вброд небольшую речушку с водой рыжеватого оттенка. Увидели дымок вдалеке над деревьями. Решительно направились туда.

Когда сквозь лес промелькнули первые деревянные домишки, утоптанная тропинка разошлась на несколько дорожек, ведущих к жилью. Через пару минут мы с Виталиком уже стучались в непрозрачные дымчатые стёкла первой избы.

— Чего ломитесь? Кто такие? — вдруг громко спросил резкий, неприятный голос за нашими спинами. Мы на рефлексах повернулись, озадаченные, так как готовы были поклясться, что за нами никто не шёл, по крайней мере, не было

слышно никаких шагов.

Мужик был небольшого роста, со скошенным лбом и выдающимся вперёд подбородком. Одет в какие-то лохмотья и слишком жарко, не по погоде. Какой-то был замызганный, хотя казалось бы: рядом с деревушкой несколько чистых речек и не зима, иди и мойся сколько хочешь. В общем негативное впечатление о нём у меня сразу сложилось. Но вежливость прежде всего.

— Здравствуйте, мы геологи. Шли к Патомскому кратеру и, кажется, сбились, — начал мой друг. — Компас не работает, по рации помощь ещё не запрашивали. Вот вас встретили, надеюсь выведете нас на нужную тропу. Не хочется попусту суету наводить в отряде.

— В долгу не останемся, — поспешил присоединиться к просьбе друга я, доставая из рюкзака и демонстрируя пару банок тушенки, пачку сахара и сигареты.

— Что за кратер? — мужик непонимающе уставился на нас.

Сообразив, что вопрошающий не в курсе научного названия сей достопримечательности, Виталик описал как мог место, куда мы шли. Мужик слушал с отрешённым видом и всё время поглядывал в сторону, откуда мы пришли. Слов-

но высматривал кого-то. Периодически с опаской косился на наши ружья. Рассеяно кивнул, типа понял, о чём мы говорим, и сказал:

— Вы в сторону ушли, на день пути. Завтра с утра вас выведем. Можете сегодня остаться у меня. К другим не ходите, они чужих не любят, — местный расслабился и опёрся на неровную поленницу, сложенную на углу дома из плохо отёсанных брёвнышек.

— А что это за деревня? Как называется? — пристал я к мужику, вертя в руках карту.

— Нету её у вас на бумаге. А мы примерно тут, — он подошёл ко мне, взял карту и ткнул заскорузлым пальцем немного в сторону от кратера. — У деревни тоже нет названия. Деревня и деревня. Идите за мной, темнеет уже, опасно. Я добрый, остальные нет.

Не дав себя больше ни о чём расспросить, мужик увёл нас в избу. Такого жалкого жилища я ещё не встречал. Изба на две части поделена, кухня и спальня. Из мебели на кухне низкий деревянный стол и две лавки. Печь в углу, на ней ящик с горой глиняной посуды. Запах стоит такой, что глаза заслезились, резкий, как от псины. Впрочем, от мужика пахло не лучше, особенно когда он сел рядом на лавку и жадно смотрел,

как мы достаем из рюкзаков продукты. Хотя на фляжку с водкой даже не взглянул, даже брезгливо поморщился. Извлёк из ящика с посудой пару свечных огарков и поставил их на стол в плошку. Понятное дело, откуда тут взяться электричеству.

— Спать вон там! Я к родичу пойду переночую, тут двоим только место. Спите, утром выведем! — несколько раз повторил он, хищно бегая маленькими глазками. И ушёл, бросив в последний раз взгляд на наши ружья. Что же, понятно, оружие — большая ценность в тайге.

— Мы даже не спросили, как его зовут, — сказал задумчиво мой товарищ, едва мы остались одни. — Странный он. И про деревню непонятно, тут даже сторожек никаких не должно быть. Не то что деревни. А я семь домов насчитал, когда мы за ним шли. Издалека я увидел ещё кучку мужиков. На нас глазели. На артель золотоискателей не похожи. Что думаешь, Колян?

— Ну это ты у нас знаток местности, — развел я руками. — Думаю, вернемся к своим и расспросим. Или прямо вот сейчас, по рации. Как раз время на связь выходить.

— Точно, сейчас Петровича попытаем, куда нас занесло. Вот он точно знает, зуб даю. Так. Сей-

час, — Виталик завозился с радиостанцией, но та только шипела и не ловила сигнал ни в одном из диапазонов. Промучившись минут десять, он заявил, что выйдем на связь завтра, когда покинем это место. А сейчас нам нужно отдыхать.

Мы заперли дверь на хлипкий засов и отправились спать. Когда я назвал вторую часть избы спальней, это было преувеличением; пустое пыльное помещение с крохотными оконцами, двумя нарами вдоль стен, друг напротив друга, и кучей грязного тряпья в дальнем от входа углу. В одном из окон вообще не было стёкол, и в проём светила высокая луна, зависшая над сиреневым лесом. Её свет позволял даже различать форму предметов в спальне, когда мы погасили огарок свечи. Фонари не включали.

К суровым условиям нам было не привыкать, и мы улеглись на жёсткие деревянные нары, не укрытые даже покрывалом. На той куче тряпок было, наверное, помягче, но мы опасались, что там можно или заразу какую-то подцепить, или найти живущих в этой куче насекомых и грызунов. Чистоплотностью тут и не пахло. Переговорив с напарником, зарядили ружья и положили каждый под свое лежбище. Угрозы явной не было, но как-то тревожно было на душе.

Виталий захрапел почти сразу, всё-таки два дня перехода давали о себе знать. Я тоже был уставшим, но сон никак не шёл. Всё думал об этой деревне, о нашем неприятном на вид хозяине, ругал себя за предвзятость. Как ни глянь, а нас приютили на ночь, утром обещали вывести на тропу, не назвавшийся мужик даже ушёл ночевать к родственнику, чтобы нам не мешать. Но с другой стороны, почему к нам никто не пришёл поглазеть на пришлых хотя бы? Мы не раз останавливались в разных дальних посёлках и деревнях, и любопытные до новостей местные обязательно посещали экспедицию под любым предлогом. Так, мучимый несогласованными мыслями, я и уснул, провалился в черноту без сновидений.

Моё пробуждение было внезапным, шумным, оглушительным от близкого ружейного выстрела. А дальше наступил хаос: крики Виталика, его маты, волчье рычание, резкий звериный запах. Я не успел понять, что вообще происходит, как на меня навалилось нечто тяжёлое, шерстистое, обжигая горячим дыханием мне лицо. Существо повернуло хищную башку чуть в сторону, и лунный свет упал на его морду. Огромный волк прижимал меня к ложу и был готов разорвать моё

горло. Я отпихивал его от себя как мог. Пальцы свободной руки безуспешно щупали земляной пол в поисках ружья, хотя было непонятно, как оно мне может помочь — стрелять из такого положения, да ещё одной рукой, я точно не мог.

Справа всё ещё продолжалась борьба, но уже затихающая. Крики Виталия сменились стонами. Мельком я увидел, что на товарища насели сразу несколько таких тварей, ему приходилось ещё хуже моего. Поняв, что ружьём мне не воспользоваться, я нащупал свободной от удерживания волка рукой складной нож на поясе, щёлкнул кнопкой и вогнал высвободившееся лезвие в тело моего мучителя. Не знаю куда я попал ему, но вой был такой, что я перестал на короткое время слышать. Волк свалился с меня и… забормотал, рыча, что-то совсем по-человечески.

Дальнейшее заняло секунды, и за это время я увидел освещённое слабым лунным светом лицо моего друга. Да, я видел только лицо под навалившейся на его нары горой косматых тел. Виталик был мёртв, лицо залито кровью, застывший взгляд уставился в никуда. Напавший на меня хищник корчился на полу. Он извивался и вдруг стал меняться; шерсть задрожала и заструилась, втягиваясь и открывая голые участки кожи, кости

головы трещали и образовывали новую форму черепа, пасть укорачивалась. Другие звери были заняты телом моего друга, и это меня спасло.

Я сбежал, не став досматривать финал жуткой трансформации. Мне и так было понятно, что это он. Тот мужичок, пустивший нас переночевать. Я понял это, но мне было всё равно. Схватив первый попавшийся рюкзак, оставленный нами на кухне, я пулей выскочил в открытую дверь. Засов валялся на траве. Так себе оказалась защита. Успел закрыть дверь за собой, подперев её обрубком бревна из разбросанной поленницы. В дверь бахнуло, но пока мой упор выдержал.

Понимая, что у меня совсем небольшая фора до того, как монстры вырвутся из избы, где остался мой несчастный мёртвый друг, я припустил наутёк. Бежал по тропинке, по которой мы пришли, обратно, в сторону подъёма из проклятой долины, которой, я был теперь на все сто процентов уверен, нет ни на одной карте.

Из оружия у меня был только нож, из вещей — рюкзак за спиной, судя по весу, без рации. Даже не пытался обдумать произошедшее, сознание подсказывало единственную мысль — спасаться. Что я и делал. Прохладный ночной ветер освежал, многоголосый вой позади подгонял и не давал

останавливаться. Бег стал смыслом моей жизни.

Дальнейшее помню плохо. Рации в рюкзаке ожидаемо не оказалось, карта тоже осталась в чёртовой деревне, компас был у Виталика. Хорошо, что было немного еды и чистая вода в ручьях. Мне удалось покинуть синий лес и загадочную долину. Потом я несколько дней двигался в одном направлении, ориентируясь по солнцу и растущему мху на камнях. А чудовища меня преследовали первые два дня, я видел вдалеке их силуэты. Слышал вой, хотя, может, мне всё это казалось, ведь мои нервы изрядно пошатнулись. Эти полуживотные-полулюди были необычайно быстры и если бы хотели догнать, то догнали бы. Но они просто мучили меня, мельтеша вдалеке днём и глазея на меня ночью из темноты, не приближаясь к разведенному костру. Скорее всего, я действительно сходил с ума, так как на одном из монстров на второй день я увидел знакомый красный платок, обвязанный вокруг шеи. До него было метров тридцать, но я не мог перепутать.

Что это значило? Зверь забрал трофей или мой павший друг стал таким, как они? Может, он не был мёртв, когда я сбежал? Множество вопросов, на которые не было ответов. Хорошо, что не стал ломать над ними голову после короткого разду-

мья, иначе действительно бы «поехал крышей» и никуда бы не дошёл.

А я смог. Я не ахти какой профи в ориентировании на местности, а значит, меня просто вела моя счастливая звезда. Я вышел на старательскую артель, которая работала всего в десяти километрах от лагеря нашей экспедиции. Меня привели в порядок, дали отдохнуть полдня, и двое суровых старателей сопроводили меня к моим товарищам.

Почему-то этот путь стал для меня самым тяжёлым. Я не знал, что рассказывать о случившемся. Но за тот день, что мы добирались, я всё продумал и начальнику рассказал приближенную к реальности версию случившегося. Говорил, что заблудились, наткнулись на одинокую сторожку в тайге, на нас напали дикие звери и напарник погиб, а я смог оторваться от преследующих меня волков. Место указал на карте максимально точно, но был уверен, что там никто ничего не найдёт.

У меня был неплохой авторитет в экспедиции и, кажется, мне поверили. Ведь я не слыл трусом и не бросил бы в беде товарища. Больше всего моему спасению, конечно, была рада Юля. Она ухаживала за мной, лечила мои ссадины и цара-

пины, которых я нахватался по пути.

Разумеется, начались поиски Виталия, много народа участвовало. Целый месяц искали и людьми, и вертолеты привлекали. Тщетно. И товарищ, и та деревня, и долина как в воду канули.

Наш начальник получил много проблем из-за того, что отпустил нас в поход, но, кажется, его не посадили. Меня ещё несколько раз вызывали на допросы, комиссии и ещё какие-то мероприятия. Толку с этого не было, мой разум защищал себя и выдавал всем одинаковую удобоваримую и понятную версию. Ну не про деревню оборотней же было рассказывать.

Я почти год был на отдыхе, как раз успел жениться на Юле, которая предпочла остаться со мной. Потом вернулся снова в геологоразведку и отработал ещё несколько лет, как вы знаете. В одиночные и парные рискованные походы больше не ходил. Всё строго по инструкции. Хватило одного раза.

Вот такая история, ребятки, вышла про моё путешествие к Патомскому кратеру, который я так и не увидел. Надеюсь, вы извлечете из неё урок.

****

Мы, потрясенные, дослушали историю дяди

Коли, которую он завершил, постукивая по столу немецким складным ножом с гравировкой головы волка на рукояти. Чай был допит ещё на первой половине рассказа.

Дядя Коля улыбнулся, пожал каждому из нас руку и ушёл по своим делам, оставив нас размышлять, произошла ли эта история на самом деле или он нас просто решил попугать. Ребята уверили друг друга, что это байка. А я вот сомневаюсь, особенно когда смотрю дядины фотоальбомы из его бурной молодости, и на тех фотографиях, где он рядом с пропавшим другом Виталием, вижу у того на шее красный расшитый платок.

Безмолвие

У большого, немного запущенного дома остановился минивэн. Дверца отъехала в сторону, и из машины выскочили восторженные мальчишки, похожие друг на друга как две капли воды.

— Чур, мы первые выбираем комнату! — в один голос закричали они и помчались к дому.

Сидящий за рулём мужчина нахмурился:

— Милая, тебе не кажется, что они совсем отбились от рук?

Его жена стала выбираться из машины, придерживая рукой огромный живот. Мужчина бросился ей на помощь, но женщина лишь рассмеялась:

— Серёженька, я же не больна, не нужно меня так опекать. И не волнуйся за мальчишек. В их возрасте такая активность нормальна.

Муж только головой покачал. Он души не чаял в своей семье и никак не мог уговорить себя не тревожиться за них. А в последнее время тревога всё нарастала. Разумом Сергей всё понимал: неугомонные близнецы-сыновья, Петя и Митя, вот-вот срок рожать Нине, напарник сломал ногу

и приходилось пахать за двоих, в сезон найти помощника было просто нереально. А ещё этот переезд. Вообще-то, они не раз говорили о том, чтобы перебраться в дом побольше, но подходящий вариант подвернулся только сейчас, совсем невовремя. Короче, навалилось всё сразу. Из раздумий его вывел голос жены:

— Серёжа, ну что ты подвис? Пошли уже, мне не терпится выпить чашечку чая в нашем новом доме! Ну и мне нужно кое-куда.

Нина хихикнула и, переваливаясь как уточка, двинулась к дому. Сергей подхватил пару сумок и поспешил присоединиться к жене.

— Серёжа, ты представляешь, это всё наше! — Нина в восторге поглаживала деревянные панели, которыми была отделана огромная прихожая. — Тут столько места, хватит на всё-всё!

Мимо них по длиннющему коридору пронеслись близнецы. Ну, попытались. Нина привычным движением перехватила их:

— Ну-ка, давайте мыть руки и на кухню! Пора перекусить.

Вскоре вся семья пила чай с бутербродами, рассевшись вокруг большого стола, стоявшего по центру внушительной кухни. В их старом доме такой роскоши в помине не было. Вообще,

с новым жилищем им очень повезло. Желающих на такой большой особняк было немного, он требовал ремонта, пусть и небольшого, и находился немного на отшибе, потому агентство долго не могло его продать. А для их семьи стал просто находкой.

— Ну, показывайте, какую комнату выбрали, — после перекуса Нина обняла сыновей, и они отправились разбирать вещи.

Сергей в задумчивости стал мыть чашки. Что-то не давало ему покоя.

Вечером, когда уставшие от новых впечатлений мальчики наконец уснули, Сергей и Нина, обнявшись, смотрели какое-то шоу по телевизору.

— Малышка, ты не замечаешь ничего странного? — спросил Сергей, перебирая кудри жены.

— Не-а. А что ты имеешь в виду? — лениво ответила та, уже, было, задремавшая на плече у мужа.

— Даже не могу объяснить толком. Какое-то чувство, как будто вокруг что-то неправильно, но я понять не могу, что, — ответил ей Сергей.

— Милый, ты просто очень устал, давай уже ложиться будем. Завтра же тебе на работу не нужно? Давай без будильника поспим завтра, а? — предложила жена

На следующий день их разбудило солнце, такое яркое, что пробилось даже сквозь задёрнутые шторы. В доме было странно тихо.

— Неужели мальчишки ещё спят? Тоже умаялись вчера, наверное, — пробормотала Нина. — Серёжа, представляешь, я ни разу не просыпалась ночью. Тут удивительный воздух!

Женщина вскочила с кровати и умчалась в ванную. А пока Нина приводила себя в порядок, в родительскую спальню ворвались близнецы.

— А, проснулись наконец, — посмеивался Сергей, с которым сыновья устроили борьбу на большой кровати.

— Папа, да мы проснулись, ещё темно было, это вы всё спали и спали, — пискнул слегка придушенный Петя. На спину отца заскочил Митя: — Точно, точно, мы уже давно не спим, всё ждём и ждём вас. Мы уже и поели даже.

Сергей аккуратно освободился из плена, в который его взяли дети, тут и Нина вышла из ванной.

— Нина, а наши-то хулиганы уже давно не спят. Как это мы их не слышали?

— Дом же огромный, — заулыбалась женщина, — тут можно вечеринку в одной части устроить, а в другой и не слышно будет.

Вдруг она ойкнула:

— Серёжа, кажется, начинается.

Муж побледнел:

— Ещё же рано.

— Не так чтоб и рано, не волнуйся. Пара дней туда, пара сюда — это нормально.

Через час Нина уже была в роддоме, а Сергей с мальчиками маялись в кафе неподалёку, хотя им было строго-настрого приказано ехать домой и "не маяться". И вот долгожданный звонок — "Поздравляю, папаша, у вас чудная девочка!" Мужская часть семьи помчалась к своим "девочкам". Счастье Сергея затмило все тревоги, он с нежностью обнимал жену и осторожно качал на руках дочурку. Вскоре Сергея с мальчиками вежливо, но решительно выгнали из палаты, чтобы Нина смогла отдохнуть, и они отправились домой. По дороге Сергей позвонил на работу и сообщил, что его запланированный отпуск сдвигается прямо на завтра.

Сергей думал, что заснуть ему ни за что не удастся, но он ошибся. Только голова коснулась подушки, как его будто выключили. Сквозь сон он слышал, как его звали сыновья, но никак не мог проснуться. Однако близнецы не отставали, и в конце концов мужчина открыл глаза.

— Папа, папа! Можно мы сегодня с тобой поспим? — наперебой затараторили мальчишки.

— Не понял, вы же хотели отдельную комнату. Что не так? Разонравилось?

— Ну, там, — замялся Петя. Более решительный Митя договорил за брата: — Там что-то не так. Мы боимся.

Сергей ушам своим не поверил. До сих пор он думал, что сыновьям понятие "страх" вообще не то, чтобы неведомо, а попросту не нужно.

— Ну-ка, расскажите, что значит "не так"? — подбодрил он мальчишек, когда те забрались к нему под одеяло.

— Папуля, ты послушай, — прошептал Митя.

Сергей прислушался, потом мотнул головой:

— Ничего не слышу.

— Вот именно, ничего. Ты когда-нибудь слышал "ничего"? — Петя смотрел на папу огромными глазами.

Мужчина задумался. А ведь действительно, это было необычно. В любом доме, особенно таком довольно старом, как этот, всегда есть какие-то звуки: скрип неплотно прикрытых дверей, шуршание сквозняков, случайные перестуки по крыше. Но сейчас действительно не было ничего! Даже их голоса звучали как-то приглушённо.

— Давайте-ка сейчас поспим, может, всё это нам кажется просто, всё-таки день был волнительный, — неуверенно предложил он детям. — А утром ещё поговорим ну и дом осмотрим.

Через некоторое время близнецы посапывали, прижавшись к отцу, а он так и не сомкнул глаз до утра, прислушиваясь к дому в надежде услышать хоть что-то.

Вот уже и рассвет. Почему его мальчики не просыпаются? Они с рождения были жаворонками, всегда вставали вместе с солнцем. Сергей стал тормошить сыновей. В огромной кровати их тельца казались такими маленькими, худенькими. У него сжалось сердце.

— Петя, Митя, мальчики! — заговорил он.

Точнее, попытался заговорить. Звуков не было. Нужно отдать Сергею должное: решительности ему было не занимать. Разбираться в обстановке он не стал. Быстро оделся, сгрёб спящих детей в охапку вместе с одеялом, по дороге подхватил сумку с документами, которой они с Ниной ещё не выделили место в доме, и бросился по коридору к выходу из дома. Безмолвие окутывало его, как кисель. Сергею казалось, что он бежит, но коридор всё не заканчивался. Откуда-то к мужчине пришло понимание, что это их единственный

шанс, если сейчас они не выберутся из дома, то уже не смогут покинуть его никогда. Мысли о сыновьях, Нине, новорожденной дочурке придали ему сил, и вот он, наконец, делает шаг за порог. Не оборачиваясь, делает еще пару шагов и падает на спину на траву, прижимая к груди детей. Со стороны дома до него донёсся разочарованный вздох. Или ему это просто показалось?

— Серёжа! — откуда-то издалека пришёл голос Нины.

"Я или сплю, или сошёл с ума", — пришла Сергею в голову мысль.

Но через пару минут рядом с ними упала на колени всхлипывающая жена.

— Серёжа, я думала, что не успею! — ощупывая его и сыновей, сквозь слёзы бормотала Нина. — Мне приснился такой ужас! Я кричала во сне, меня нянечка разбудила. Беспокоилась, что со мной. Ну я ей рассказала, что видела, как ты с мальчиками исчезаешь. А она… тётя Тома, такая серьёзная вдруг стала и ну меня расспрашивать, откуда мы. Я ей и сказала, что мы только переехали, в этот вот дом.

Нина с ненавистью посмотрела на казавшееся ещё вчера таким уютным строение.

— Тётя Тома рассказала, какие про него слухи

ходят. Тут знаешь, сколько людей пропало? А агентство это всё скрывает, по документам у них семьи просто переезжают. Все концы в воду. А нас Наденька спасла, тётя Тома объяснила, что ещё не рождённые детки очень чувствительны ко всему такому. Потому она родилась раньше, чтобы нас из дома выманить. Тётя Тома сейчас за ней присматривает, а меня к вам отправила. Сказала, что, может, ещё не поздно.

Нина разрыдалась. Сергей, не отпуская мальчиков, осторожно обнял жену:

— Милая, не волнуйся, мы в порядке. Я тебе всё расскажу потом, но сейчас тебе нужно успокоиться.

Теперь слова звучали, безмолвие осталось там, в доме. Зашевелились сыновья. Открыв, наконец, глаза, они с удивлением уставились на плачущую маму. Сергей решительно поднялся, помог встать жене.

Усаживая Нину с мальчиками в такси, терпеливо ждавшее на дороге, он сказал:

— Вы езжайте, мне тут ещё кое-что нужно сделать.

Жена пыталась возражать, но мужчина был непреклонен:

— Верь мне, дорогая. Езжайте в больницу, я

скоро буду.

Когда такси скрылось из виду, Сергей нащупал в кармане брюк подарок покойного отца — зажигалку с хитрой инкрустацией. Он не курил, но это была одна из немногих вещей, напоминавших ему о папе, потому он с зажигалкой никогда не расставался. Сергей не торопился, нужно было сделать всё наверняка. Сушняка вокруг дома было много. Мужчина педантично обкладывал дом ветками, а промежутки наполнял сухой травой. И всё время ощущал на себе ненавидящий взгляд… дома. Теперь дом уже не безмолвствовал. Он шептал, стонал, всхлипывал. Сергею казалось, что он даже слышит проклятия и мольбы в свой адрес. Но остановить его уже ничто не смогло бы. И вот он, ощущая необыкновенное спокойствие, крутанул колёсико зажигалки…

Деревянный дом сгорел быстро. А вместе с ним у Сергея пропало и тревожное ощущение, которое преследовало его последнее время.

Бесы

Эта история настоящая и произошла в одной из ныне заброшенных деревень Липецкой области. Но во времена моей юности деревенька была вполне себе живой. Это позже близлежащие территории вместе с густыми лесами и сфагновыми болотами с их краснокнижной флорой объявили заповедными, а оставшихся жителей деревни переселили. Все говорили, что места там красивые, а по мне — на любителя. Смешанные леса, крохотные озёра да большие болота кругом. Местность неровная, по-научному выражаясь — «котловинно-бугристый рельеф». Места для прогулок неподходящие, зато клюквы по берегам болот немеряно.

В той деревне у меня жили дедушка с бабушкой. Родители отправляли меня к ним на лето на откорм и наполнение природными силами. Поначалу я недолюбливал там каникулы проводить. Потом свыкся, и даже понравилось. Повзрослев, начал самостоятельно ездить в деревню каждое лето, места для рыбалки себе нашел потрясающие.

В бытность моих первых приездов проживал в деревеньке Федя-дурачок. Добрее раньше люди были и не торопились слабоумных сдавать в психушку. Сами приглядывали за ними, если те не представляли опасности для окружающих. Не мешают нормальным людям жить, и хорошо.

Вот и Фёдор бесцельно слонялся по улицам, напевал странные песенки, в которых и слова не разобрать, подражал голосам птиц и животных. Колоритный персонаж в общем, толком не говорил, в годах уже был, седой, худощавый, бородка козлиная, взглядом крутил всё время, ни разу на собеседнике не останавливался, если таковые находились.

Первый раз я его увидел, когда мне было 11 лет. Мне этот товарищ показался весьма пожилым, но как я позже узнал, тогда ему около сорока было, не больше. Мне интересно было следить за его бегающим взглядом, я всё пытался посмотреть ему в глаза. Один раз это получилось, и мне очень не понравилось. Вроде и человек живой, а глаза пустые. Как у мертвеца. Мертвецов мне тогда в силу возраста видеть ещё воочию не приходилось, но в книжке точно такое описание читал.

Это мне сейчас стыдно за те времена, а тогда мне доставляло удовольствие смотреть, как над

дурачком издеваются деревенские детишки. Они бегали вокруг него, пугали криками, обзывали, иногда бросали мелкими камешками и ветками. Когда несчастный особо пугался, он сам начинал бегать по кругу и трясти головой, плечами, слово пытался при этом стряхнуть кого-то с плеч. При этом подвывал чудно, что ребятню ужасно веселило. Если это действо попадало на глаза взрослым, то озорников немедленно наказывали, и издевательства над умалишенным на некоторое время прекращались.

Я пытался разобрать, что именно он выдает в своих подвываниях. Это точно были слова, отдельные слога определенно звучали, но общий смысл никак не вязался. Да и большая часть звуков, издаваемых им, нагоняла неприятные, даже пугающие ощущения. Нормальный человеческий голос не способен на такое. Жил Федя один, ну и соседи за ним приглядывали, хотя он у себя дома вполне сносно управлялся, даже порядок приличный поддерживал. Я это знаю, потому что мы однажды с ребятишками залезли к нему домой, ожидая увидеть в доме сумасшедшего нечто этакое. Однако нас встретили аккуратно расставленные вещи, чистота, даже грязной посуды на кухне не было. Разочарованные, мы быстро

убрались оттуда.

К дурачку мы ещё вернемся, но сначала расскажу о чертовщине, которая происходила в деревне. Это было моё третье лето у бабушки с дедом. За первые две недели я успел и на рыбалку сходить, и за клюквой ходил несколько раз, и, конечно, помогал родственникам по хозяйству. Было мне лет четырнадцать.

Нужно было бабуле и деду в райцентр съездить за какими-то справками по прибавке к пенсии, заодно знакомых навестить, потому они собирались там с ночевкой остаться. Ну а я-то уже взрослый считай, оставили на сутки меня одного. Список дел выдали, немного, правда, но чтобы слишком не бездельничал. Грядки полить, старые ветки из сада вынести и сжечь, ещё что-то. Я быстро справился с задачами, ещё и время на рыбалку нашлось. Домой пришёл уже поздним вечером, энергии было много, а заняться нечем.

Телевизора не было, радио я терпеть не мог, зато был целый книжный шкаф, полностью забитый приключенческими книгами. Дед такие любил и собирал. Достал я толстую книжку, уселся на диван, решив скоротать время до сна. Тихо было в деревне. Можно сказать, гробовая тишина. Зачитался я приключениями золотоискателей

Клондайка, совсем на время внимания не обращал. Когда глаза слипаться стали, на старинных ходиках на стене было около часа ночи.

И тут я услышал, как меня кто-то позвал с улицы. Протяжно так. На окнах форточки приоткрыты, марлей затянуты на ночь, чтобы комары не залетали, а воздух свежий поступал. Я добрёл до окна и выглянул в него. В падающем из окон свете никого не видно. Голос опять позвал, фразы я не разобрал, и голос незнакомым показался. Затихло всё.

Потом снова меня позвали. Выглянул — и снова никого. Я разозлился, думаю, кто-то из друзей надо мной прикалывается (было трое мальчишек с которыми я в деревне общался), или пьяный какой-нибудь под окнами трётся и издевается. Задумался. Первый вариант не подходил, так как двое с батей укатили на ночную рыбалку, а третий в больнице с аппендицитом лежал. Второй вариант тоже так себе. Родственника деда, к слову сказать, бывшего военного и с хорошими знакомыми в милиции, вряд ли даже пьяный стал донимать бы. Пока я размышлял, меня позвали ещё несколько раз, но я отправился спать и не реагировал. Вымотался всё-таки. Не знаю, сколько ещё меня под окнами звали.

Утром бабуля с дедом приехали очень рано, зато с гостинцами и довольные тем, что я всё сделал, что велено было. Не утерпел я и рассказал бабуле о ночном происшествии, мол, пьяные, наверное, приходили заснуть мне мешали. Думал, что она посмеется вместе со мной, а дед ещё и выговор нарушителям моего покоя устроит.

Однако расспросив у меня о произошедшем в деталях, бабушка сначала за валерьянку схватилась, потом побледнела и метнулась к увесистому сундуку. Достала оттуда украшенную серебром икону, повесила в дальний от входа в комнату угол и начала молиться и креститься.

Признаться, я был в шоке. Я был пионером, старшеклассником, советские времена, всё такое. Впервые видел, как моя пожилая родственница крестится, тем более ничего про хранящиеся в доме иконы не знал. Бабуля учительницей в школе сорок лет отработала, ярой коммунисткой была всю жизнь, и вот тебе на.

Разумеется, меня заинтересовало такое её поведение, однако бабушка целый час отпиралась, не желая отвечать на мои назойливые вопросы. Сказала только ни в коем разе не выходить на улицу ночью, если по имени позовут. И вообще я молодец, что ночью не повёлся на это и спать

пошёл. Правда, поругала, что в окно выглядывал. Этого не надо было, по её словам, делать. На мой ехидный вопрос, почему же она не предупредила меня об этом раньше, бабуля вздохнула и, нахмурившись, сказала, что нечисть в село давно не забредала, а тем более в доме, как она выразилась, «сильная икона хранится».

Немного помолчав, она добавила, что последний раз болотный бес в деревню заглядывал лет пятнадцать назад, а до того чаще, бывало, но все знали, что делать.

— Болотный бес? — загорелся я. — Ну расскажи, а то точно выйду следующий раз.

Бабуля грозно на меня посмотрела, хотела отругать за наглость, но передумала и начала рассказывать.

Сначала она меня спросила:

— Ты же Федьку слабоумного знаешь?

— Знаю, конечно. И что? — усмехнулся я.

— А он не всегда таким был, — строго сказала бабушка. — До 16 лет он был вполне нормальным парнем. А потом… Уже позже его младшая сестра рассказывала, что сквозь сон слышала, как его ночью позвали с улицы. Он и вышел. Родители не слышали посторонних звуков, спали в соседней комнате. Вышел и исчез. До утра его никто не хва-

тился. Утром тоже подумали, что ушёл в школу.

Тревогу подняли только к вечеру, так нигде и не найдя парня. Ни знакомые, ни друзья понятия не имели, где он и что с ним. Через три дня в поиски включилась милиция, но и у них результата не было. Две недели искали все, кто мог, по всей области розыск был. Уже посчитали его пропавшим окончательно. Но вскоре рабочие из лесхоза нашли Федю в лесу, в полусотне километров от дома. Грязный, оборванный, худющий, в помутнённом состоянии рассудка и абсолютно седой, он бегал кругами среди деревьев, растущих на краю болота, и пытался сбросить кого-то невидимого с себя. При этом выл, словно зверь, и отбивался от пришедших ему на помощь мужчин. Насилу скрутили его и отвезли в больницу. Сообщили родителям. В больничке подлечили и вскоре вернули домой. Только головой он так и не поправился, сам знаешь. Через какое-то время сестра его замуж вышла и уехала, а родители много лет ухаживали за ним, пока не померли. Так он один остался. На попечении соседей. А все его беды от того, что покатались на нём болотные бесы, устроившие себе развлечение.

— Ничего себе, — пробормотал я. — А этих бесов как-то поймать или убить можно?

— Не вздумай. Пробовали тут двое лет тридцать назад. Так их и вовсе не нашли. Гниют где-то в болоте! — рассердилась бабушка. — Не высовывайся ночью из дому, если позовут и не увидишь кто зовет, вот и не будет с тобой ничего плохого. В дом войти они не посмеют.

Я согласился, и на этом наш разговор закончился. Дед, который напряженно слушал беседу, кивнул и молча вышел по своим делам.

На следующее лето я снова приехал в деревню. Перед этим я долгое время изучал по книгам и справочникам информацию о всяких сверхъестественных существах, и мне очень хотел увидеть Фёдора. Мне казалось, я нашёл верный способ его расспросить и справиться с его умопомешательством. Не знаю, подействовало бы или нет, но попробовать стоило. Однако я несколько дней выглядывал дурачка, искал его по деревне и не нашёл. Спросил у бабули, куда Федя подевался.

— Ещё ранней весной пропал, — грустно ответила мне бабуля, накладывая деду в миску котлеты с картошкой. — Соседи ночью только и слышали, как скрипнула калитка и как с кем-то Федя громко разговаривал. Пока вышли, дурачок уже прилично от деревни удалился в сторону болота. Минут пять суетились, за фонарями бегали,

а его след простыл. Искали несколько дней и наши мужики, и милиция, но как и в прошлый раз безрезультатно. Уже и дело закрыли. С концами пропал в этот раз.

— Как же так? — пораженно спросил я.

— А вот так. Помечен он бесами был и от судьбы своей не ушёл. Теперь бесы на долгое время наигрались, но ты все равно помни, что бабушка тебе говорила, — нахмурив брови, сказал дед.

На том мои расспросы, как и та история, закончились. В деревню я продолжал ездить, однако ничего таинственного больше там не происходило. Но на всякий случай я урок усвоил на всю жизнь.